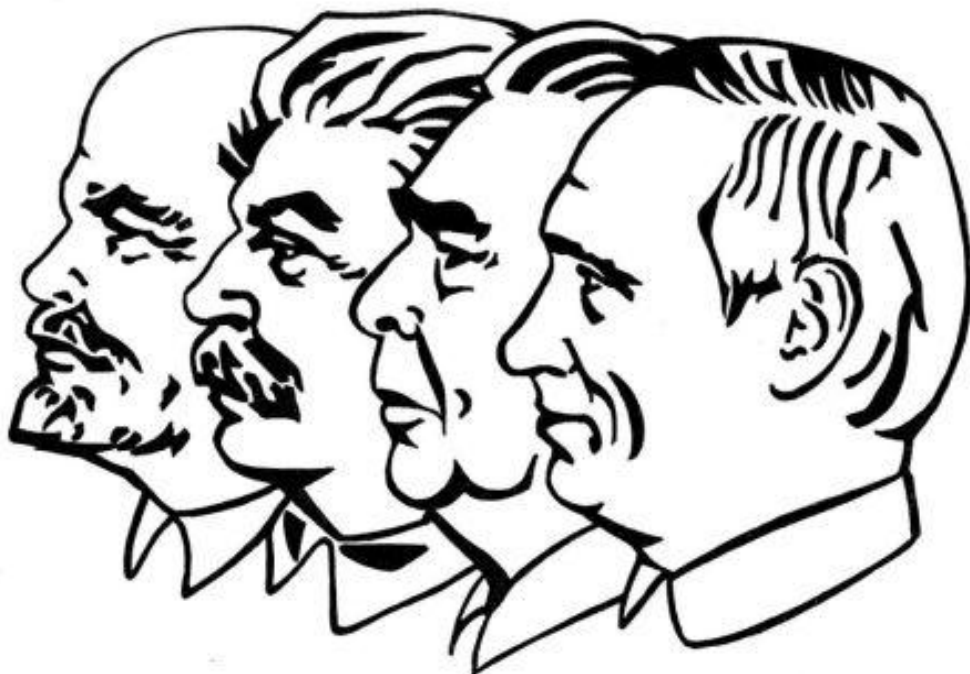

*Константин
Преображенский*

К Г Б

В РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ (РОВС)

2010

К.Г. Преображенский

КГБ в русской эмиграции

Электронное издание, 2010 г.

Для подготовки электронного издания был использован текст книги К.Г. Преображенского «КГБ в русской эмиграции», вышедшей из печати в 2007 году в издательстве Liberty (Нью-Йорк). Текст печатного издания исправлен, дополнен иллюстрациями, рядом выступлений автора в прессе и его обращением к читателям в России, подготовленным специально для электронного издания.

На обложке использован рисунок аргентинского художника Эрнана Торре Реписо «Преемственность Путина».

Верстка, оформление, иллюстрирование издания выполнено Русским Обще-Воинским Союзом, <http://pereklchka.livejournal.com>.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ В РОССИИ	4
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕЧАТНОМУ ИЗДАНИЮ	5
ОБ АВТОРЕ	6
КОГДА ЖЕ БУДУТ СУДИТЬ ПУТИНА?	7
I. КОВАРНЫЙ ГРАД КИТЕЖ	9
1. ОТ ДЗЕРЖИНСКОГО ДО ПУТИНА	9
2. КАК РАСПОЗНАТЬ РАЗВЕДЧИКА	14
3. КГБ ИЛИ РОДИНА?	16
II. ОПЕРАЦИЯ «ЗАРУБЕЖНАЯ ЦЕРКОВЬ»	17
ДВЕ ТАЙНЫ АРХИЕПИСКОПА МАРКА	17
1. ТАКИХ КГБ НЕ ОТПУСКАЛ	17
2. АРХИЕПИСКОП МАРК – ГРАЖДАНИН РОССИИ?	21
ШПИОНСКАЯ ЦЕРКОВЬ	23
1. ПРИЗНАНИЕ АЛЕКСИЯ ВТОРОГО	23
2. ЛУБЯНСКАЯ ХИРОТОНИЯ	24
3. ЦЕРКОВЬ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ	26
ВРАЖДЕБНОЕ ПОГЛОЩЕНИЕ	29
ЭКУМЕНИЗМ И РАЗВЕДКА	34
«ДРУГ» АРХИЕПИСКОПА МАРКА	40
1. МИТРОХИНСКИЙ АРХИВ РАЗОБЛАЧАЕТ	40
2. СВИДЕТЕЛЬСТВО О. ГЛЕБА ЯКУНИНА	41
3. ДВА САПОГА – ПАРА?	42
МИТРОПОЛИТ ЛАВР И ЧЕКИСТЫ	43
1. ТЕМНОЕ ПОДВОРЬЕ	43
2. АМЕРИКАНСКИЙ ЗАКОН – ДЛЯ КГБ НЕ ПОМЕХА	47
3. ПОНОШЕНИЕ ИОАННА САН-ФРАНЦИСКОГО	48
О. ВИКТОР ПОТАПОВ ОБИДЕЛСЯ ЗА ПУТИНА	50
1. ПОДДЕЛЬНЫЙ ЕПИСКОПАТ МОСКВЫ	50
2. СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ	52
3. ПУТИН В ПОДРЯСНИКЕ	53
СВОБОДНА ЛИ ЦЕРКОВЬ В РОССИИ?	57
ВЕРИТ ЛИ ПУТИН В БОГА?	61
1. КАК КРЕСТЯТСЯ В КГБ	61
2. ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА	63
3. ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬ	64
НАМ НЕ НУЖЕН ПАТРИАРХ ПУТИН!	67
1. КОГОТОК УВЯЗ – ВСЕЙ ПТИЧКЕ ПРОПАСТЬ	67
2. УШЛА ЛИ БЕЗБОЖНАЯ ВЛАСТЬ?	70
3. ГРЕХ НАШИХ ЕПИСКОПОВ	72
III. ФСБ ПРОТИВ СВОБОДЫ СЛОВА	73
1. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ НЕНАВИСТЬ К ЖУРНАЛИСТАМ	73
2. РОССИЯ ТЕРЯЕТ СВОБОДУ	77
3. ПОЧЕМУ ФСБ НЕ УМЕЕТ РАБОТАТЬ С ПРЕССОЙ	80
4. ФСБ ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ	82
5. КАК ФСБ ВЕРБУЕТ ЖУРНАЛИСТОВ	83
6. КАК ФСБ БОРЕТСЯ С ПРЕССОЙ НА ПРОСТОРАХ РОССИИ	88
IV. КАК ФСБ ПРЕСЛЕДУЕТ МЕНЯ	98
ПРИЛОЖЕНИЯ. ИЗБРАННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ АВТОРА В ПЕЧАТИ.	121
КАК КРЕМЛЬ ВЛИЯЕТ НА БЕЛЫЙ ДОМ	121
БЛИЗОРУКОСТЬ	124
СВЯЩЕННИК И РАЗВЕДЧИКИ	126
ОТРАВЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ	129
ЛГИ, ШУМИ, КРИЧИ, ПОВТОРЯЙ ЛОЖЬ – ЧТО-НИБУДЬ ОСТАНЕТСЯ	137
МЫ СОХРАНИМ ЗАРУБЕЖНУЮ ЦЕРКОВЬ!	142
ХВАТИТ ОТПРАВЛЯТЬ АРХИВЫ НА РОДИНУ: ОНИ НУЖНЫ ЗДЕСЬ!	146

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ В РОССИИ

Дорогие российские читатели!

Наконец-то моя книга «КГБ в русской эмиграции» нашла к вам дорогу. Произошло это благодаря Русскому Обще-Воинскому Союзу, его верности своему историческому долгу. А иначе бы путь в Россию ей был закрыт. Ведь мы опять вернулись во времена советской цензуры.

Однако и здесь, в Америке, некоторые русские книжные магазины отказывались продавать «КГБ в русской эмиграции». Они опасались недовольства Москвы. Стены же этих магазинов были увешаны красными флагами и вымпелами с надписью «СССР». К сожалению, Запад уже в значительной мере находится под влиянием путинской империи КГБ. Она оказалась удивительно изворотливой во внешней политике.

В 2008 году американское православное Издательство св. Ионна Кронштадского выпустило эту книгу на английском языке. Но она все равно здесь замалчивается: Америка не хочет портить отношений с Российской Федерацией!

Попытался я издать ее в некоторых странах Европы, но мои тамошние друзья замахали руками: это невозможно! Тут влияние Москвы еще сильнее, чем в Америке!

Весь Запад лебезит перед путинской империей КГБ, хотя к более мощному Советскому Союзу Запад относился с презрением и насмешкой. Такого еще не было в мировой истории.

Просто удивительно, как легко добилась этого «путинская Россия» всего за десять лет! Ее нынешние правители хитрее советских. Наряду с нефтяным шантажом они мастерски используют слабости и предрассудки Запада: его легковерие и неуместное джентльменство, политическую корректность и терпимость, изнеженность и любовь к комфорту, неумение преодолевать жизненные трудности.

Казалось бы, русскому патриоту надо радоваться усилению влияния РФ, да душа не лежит. Потому что нынешнее влияние РФ основано на неправде. Бумерангом оно ударяет по России.

Теперь Запад больше не защищает наших диссидентов. Он уже не помощник нам и не защитник. Было бы полбеды, если бы он продался за нашу нефть. Так нет: очень многие люди на Западе верят путинской пропаганде, считают, что русский народ сбросил иго коммунизма и присоединился к Западу.

Россия же возвращается в советские времена. Как тяжело ощущать себя бесправным в родной стране! Чекисты уже никогда не отдадут государственную власть, да и брать-то ее некому: наша хилая оппозиция вся пронизана влиянием ФСБ.

В этой благоприятной обстановке, Лубянка уже не сомневалась в том, что ей удастся взять на абордаж Русскую Зарубежную Церковь в 2007 году. Да и вся русская эмиграция была подготовлена к этому.

Но накануне этого события появилось множество разоблачительных публикаций в разных странах, в том числе и моя книга «КГБ в русской эмиграции». Очень многие русские эмигранты во всем мире прозрели. И долгожданного «объединения» не состоялось. Около трети приходов отказались переходить под власть Московской патриархии. Русская Зарубежная Церковь сохранилась...

Но все равно ликвидация ее большей части воодушевило Лубянку. Внешняя политика Кремля стала еще более агрессивной, а внутри страны обрушились гонения на Русскую Православную Автономную Церковь.

И все равно этой книги мне не простили. И отнюдь не в одной Москве!

– Она принесла вам много друзей, но еще больше врагов, – сообщили мне единомышленники, старые белоэмигранты.

И то, и другое я ощущаю в Америке каждый день. Но почему же меня не убивают, как Сашу Литвиненко?

Этот вопрос я решил выяснить у моего американского друга-юриста. Он член нашей Церкви и поэтому все понимает. Он так ответил на мой вопрос:

– Если тебя убьют, то люди прочитают твои книги и поймут, что ты был прав. А так, пока ты живой, тебя можно замалчивать и ставить палки в колеса!..

Что я и чувствую здесь на каждом шагу.

Крепитесь же духом, дорогие российские читатели! Всех нас ждут тяжелые испытания. Показывайте пример личной честности и веры во всех искушениях, которые создают вам торжествующие здесь силы зла.

Блаженны изгнанные правды ради!..

Константин Преображенский, 25 ноября 2010 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕЧАТНОМУ ИЗДАНИЮ

Три года назад мне пришлось перебраться в США, где я получил политическое убежище. В Москве меня уже начинали прижимать за мои разоблачительные статьи и книги о КГБ, опубликованные в девяностые годы. Профессиональным чутьем разведчика я ощутил грозную опасность. Ведь Путин, едва придя к власти, начал расправу с чекистами-диссидентами, осмелившимися критиковать родное ведомство.

Влившись в среду русских эмигрантов в Америке, я был поражен тем, как бесцеремонно орудует в ней путинская разведка. Она пытается присоединить Русскую Западную Церковь к Московской патриархии, руководимой агентами КГБ и полностью подконтрольной государству. Так Кремль подчиняет себе русскую эмиграцию, превращает ее в инструмент давления на Запад, кем в советские времена были иностранные коммунисты. Над каждым русским эмигрантом нависла угроза вербовки лубянским ведомством.

Мне стало обидно за своих новых братьев, и в помощь им я решил написать эту книгу. Она поможет уберечься от вербовки, расскажет, как распознать разведчика. Некоторые из ее глав, опубликованные в печати, уже вызвали шпионский скандал в Москве.

Написать эту книгу мне помогли сами русские эмигранты, священники и миряне со всего света. Они снабдили меня уникальным разоблачительным материалом, ждавшим своего часа.

Спасибо им.

Константин Преображенский, 2007 год

ОБ АВТОРЕ

Преображенский Константин Георгиевич. Русский. Родился в 1953 году в Москве в семье военнослужащего.

После окончания в 1970 году средней школы поступил в Институт стран Азии и Африки при МГУ, который окончил в 1976 году. В 1975-76 годах стажировался в Токио, в японском университете Токай.

В 1976-91 годах служил в Первом Главном управлении КГБ СССР

В 1980-85 годах – корреспондент ТАСС в Токио.

В 1985 году был вынужден покинуть Японию в результате шпионского скандала.

Последняя должность в КГБ – референт начальника Научно-технической разведки по работе по Китаю.

Автор книг:

«КГБ в русской эмиграции» Вашингтон, 2007.

«КГБ в Японии» Москва, 2000.

«Шпион, который любил Японию» Токио, 1994.

«Неизвестная Япония» Москва, 1993.

«Как стать японцем» Москва, 1989.

«Спортивное кимоно» Москва, 1985.

«Бамбуковый меч» Москва, 1982.

Повести «Каратэ начинается с поклонов» и «Очень новая старая пагода», написанные автором в возрасте 22 лет, включены Ленинградским отделением АН СССР в академическую антологию «Советские писатели о Японии», Ленинград, 1987.

С 2003 года живет в США.

КОГДА ЖЕ БУДУТ СУДИТЬ ПУТИНА?

Книга К. Преображенского «КГБ в русской эмиграции» была уже готова к печати, когда разразился скандал по поводу отравления жившего в Лондоне бывшего полковника ФСБ А. Литвиненко. Издательство Liberty обратилось к автору с просьбой написать несколько строк по этому поводу.

Многолетняя служба в КГБ, а потом борьба с ним обострили во мне чувство опасности. Поэтому пару недель назад, когда я перестал получать электронные письма от Александра Литвиненко, в душе возникло чувство тревоги. А вскоре пришла и весть о его отравлении и смерти.

Его письма приходили ко мне почти каждый день. Это были его статьи, бичевавшие путинский режим, рассказы единомышленников и даже прекрасные стихи на английском языке, которые сочиняет его сын-подросток.

Мы дружим, хотя и никогда не встречались. Когда в 2002 году вышла Сашина книга «ФСБ взрывает Россию», написанная совместно с Ю. Фельштинским, московские корреспонденты Би-Би-Си обратились ко мне с недоуменным вопросом: неужели все описанное может происходить в нормальном демократическом государстве, каким и по сей день некоторые из эмигрантов считают Россию.

– Увы, все это правда! – подтвердил я, к тому времени знавший, что жилые дома в Москве в 1999 году взорвала ФСБ, а никакие не террористы. Мое признание разлетелось по всему миру.

Как я позже узнал от Литвиненко, Владимир Буковский отреагировал на него такими словами: «Нашего полку прибыло! Скоро этот Преображенский окажется на Западе»...

Так и произошло. Мои преследования вспыхнули с новой силой. Почувствовав грозную опасность, я улетел в США. Литвиненко тотчас позвонил мне сюда и поблагодарил за поддержку. Мы разговаривали несколько часов, два чекиста-подполковника с трудной судьбой. Так началась наша дружба.

Когда я служил в разведке, о ядах мы говорили мало. И вовсе не из-за секретности этой темы. Просто научно-техническая разведка, которой я принадлежал, занималась промышленным шпионажем, а не ликвидацией политических противников. А кроме того, существует ведь много других способов убийства и воздействия на людей. Например, когда здесь, в США, тот или иной советский разведчик перебежал к американцам, резидент КГБ собирал всех своих офицеров в посольстве в Вашингтоне и приказывал им раздавить предателя своей машиной, если они увидят его переходящим улицу или даже бредущим по тротуару.

В гораздо большем ходу были психотропные препараты, развязывающие язык. Они применялись для проверки искренности агентов-иностранцев. Их называли «лекарством правды». Порой применение этого лекарства приводило к курьезным случаям.

В конце восьмидесятых годов начальник нашего Восточного отдела Виктор Папушин поехал в командировку в Бирму для проверки тамошнего агента-китайца. Но если северные китайцы мощные и рослые, как русские, то южные отличаются шуплым телосложением. Однако химики КГБ всего этого, как водится, не знали или это было для них секретом. Потому они дали Папушину стандартную русскую дозу «лекарства правды». Тот незаметно подбросил его китайцу в чай во время дружеского ужина. Но следующим утром китаец заявился к полковнику Папушину в гостиничный номер и закричал:

– Вчера я ужинал с вами, а сегодня у меня отнимаются ноги! Как это понимать?!

Побелев от страха, дородный Папушин помчался в аэропорт, взял билет на первый попавшийся самолет и улетел. К счастью, население Бирмы постоянно находится в

нирване, но страшно представить, какой шпионский скандал с примесью уголовщины разыгрался бы, произойти это на Западе!

Все эти сведения я получал случайно, урывками. Ведь в КГБ ни о чем спрашивать нельзя. Задав вопрос, ты попадаешь под подозрение. Так я узнал драматическую историю о том, что у одного из молодых офицеров нашего управления «Т» жена умерла от рака, и он поклялся найти средство борьбы с ним. И, кажется, нашел: ведь в научно-технической разведке работает много ученых. Но это средство не сделали достоянием миллионов, а, наоборот, засекретили. Однажды он сам зашел в наш кабинет к одному из своих приятелей и оттуда позвонил по телефону оперативной связи адмиралу Усатову, заместителю начальника всей разведки. Радостным голосом он отрапортовал, что разрабатывает «военное применение» своего лекарства. А каким оно может быть? Исцелением от рака наших солдат? Но таких больных в армию пока не призывают. Так что, скорее всего, военное применение состоит в заражении неугодных людей раком.

А однажды, сидя в очереди к врачу в поликлинике разведки, я разговорился с женщиной-офицером. На ее лице были красные пятна экземы.

– Это оттого, что я вынуждена рассматривать под микроскопом сильнодействующие препараты!?! – пожаловалась она.

Спрашивать было нельзя. Но разве могут находиться такие препараты здесь, в священном месте, посещаемом главой государства? Оказывается, могут.

В информационном отделе нашего управления «Т» имеется и медико-биологическое отделение: ведь это управление занимается и медицинским шпионажем. И если в другие отделы поступают в основном письменные донесения разведчиков и детали секретных механизмов, то сюда со всего мира стекаются наглухо закрытые баночки.

Одну из них недавно назначенный сюда офицер вынул из посылки и собирался поставить в холодильник.

– Не бери ее голыми руками, ты же знаешь, она из Африки! – предупредили товарищи.

Но новый офицер до этого служил в провинциальном райкоме партии и, как и все партийные работники, был малообразован. Предостережения коллег он счел интеллигентской болтовней и схватил баночку, после чего заболел лейкозием. А зачем вообще научно-технической разведке иметь резидентуры в Африке? Ведь там нет передовых технологий! Но зато есть много сырья для ядов.

Однако об этом мы, советские разведчики, мало задумывались, ибо знали, что яды у нас временно отошли в прошлое. Они были характерны для сталинской эпохи, когда мнение Запада нашу страну не интересовало. Брежневское же руководство беспокоилось о престиже Страны Советов в глазах мирового сообщества и потому яды применяло мало. А сейчас Путин вернулся к ним как к одному из множества элементов сталинизма, восстанавливаемого в России.

Путин больше не боится Запада, как не боялся Запада и его кумир Сталин. Если Сталин мог подорвать Запад ядерной атакой, то Путин в состоянии перекрыть ему нефтяную трубу. Все западные лидеры – путинские друзья. Они все у него в кармане.

Когда недавно ФСБ убила Анну Политковскую, Путин находился с визитом в Германии. На пресс-конференции журналисты спросили его об убийстве Политковской. В своей обычной издевательской и хамской манере Путин выразился в том смысле, что, мол, туда ей и дорога. Попробовали бы Блэр или Буш так отозваться о своем журналисте, убитом за исполнение профессионального долга, да к тому же о женщине. Общественность бы их со свету сжила. Но Путину все прощается. Вот и Ангела Меркель скромно опустила глаза вместо того, чтобы одернуть Путина. Газовая труба ей показалась дороже. Путин же оценил благоприятность обстановки для следующего политического убийства.

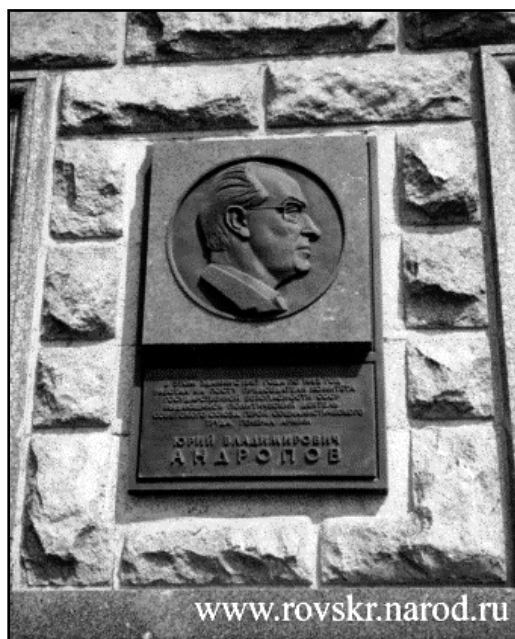
Незадолго до своего отравления Александр Литвиненко получил британское подданство. После чего у меня испортился телефон. Мне стало труднее дозваниваться до своих московских друзей, упала слышимость. Меня это несколько не удивило. КГБ

раздражает, когда его бывшие сотрудники принимают западное гражданство. А о нашей дружбе чекистам известно из прессы и, скорее всего, также из прослушивания наших телефонных разговоров между Лондоном и Вашингтоном.

Почему Путин решился на отравление подданного британской королевы в ее собственной столице? Ведь Лондон это не Чечня, где с людьми можно творить все что угодно. Скотленд-ярд, взявшийся за расследования, непременно обнаружит руку российских «спецслужб». И никто не сможет приказать ему закрыть дело, как это часто происходит в России. Но какую позицию займет друг Путина Блэр? Что будет для него важнее – газовая труба или общественное мнение? Короче говоря, самое время нам объединяться с советской церковью!

I. КОВАРНЫЙ ГРАД КИТЕЖ

1. ОТ ДЗЕРЖИНСКОГО ДО ПУТИНА

Мемориальная доска председателю КГБ СССР, генеральному секретарю ЦК КПСС Ю.Андропову, установленная на здании Лубянки после прихода В.Путина к власти.

Притаился в центре Москвы, недалеко от Лубянки, тихий Варсонофьевский переулок. Когдаходишь в него, словно возвращаешься в прошлое. Слева возвышаются доходные дома начала прошлого века, а справа – мрачное серое здание поликлиники КГБ и несколько старинных домов автобазы МВД. В двадцатые годы здесь, в снесенном затем Варсонофьевском монастыре, находился один из первых советских концлагерей. В нем ВЧК пулеметом выкашивала сословия царской России.

В девяностые годы я любил приводить сюда иностранных журналистов, устраивая им тайные экскурсии «По чекистской Москве». Но при Путине это стало небезопасным, и я перебрался в США.

Но тогда, в далеком 1971 году, студентом-первокурсником Московского университета, я пришел в поликлинику КГБ к зубному врачу. Как сын генерала, я имел эту привилегию, весьма, впрочем, сомнительную, потому что врачи там работали плохо, ленились. Однако делать замечания никто из пациентов не рисковал,

потому что все врачи были женами и дочерьми больших начальников. Вот и сегодня, вместо того чтобы принимать больных, они сгрудились вокруг толстенького старичка, развалившегося в зубо врачебном кресле, и слушали его рассказ о чекистских подвигах. Польщенный всеобщим вниманием, он явно не собирался уходить.

– Я еще участвовал в операции «Трест»! Надеюсь, слышали про такую? – произнес он довольным голосом, и все вокруг восхищенно заохали. Вздрогнул и я: ведь только что на экранах страны с огромным успехом прошел фильм под этим названием. Я с неожиданной силой ощутил, что прошлое живет среди нас.

– Видели, как молодой человек дернулся? – усмехнулся старик, не оборачиваясь ко мне. Похоже, он умел наблюдать даже спиной.

Операция «Трест» была грандиозной провокацией. Под этим названием действовала фиктивная белогвардейская организация, созданная чекистами. Она втягивала бывших белых офицеров в антисоветскую деятельность в стране и за рубежом, выдавая их на заклание. А еще она выявила готовность многих из них к агентурному сотрудничеству с большевиками, с которыми они еще так недавно сражались на фронтах Гражданской войны. Они усмотрели в большевиках продолжателей имперской традиции старой России. Думаю, что это заблуждение имело ту же причину, что и сама русская революция – отход образованного общества от религии и церкви, потеря нравственных ориентиров, неумение отличить Бога от дьявола. Так ли уж все равно, кто стоит во главе империи – благочестивый помазанник Божий или шайка нигилистов, отрицающих всякие моральные нормы?

Ярче всех эту мысль выразил Василий Шульгин в своей книге «1920 год». Он считал, что «...красным только кажется, что они сражались во славу Интернационала... На самом деле, хоть и бессознательно, они льют кровь только для того, чтобы восстановить «Богом хранимую Державу Российскую».*

О «богохранимости» Шульгин написал как раз в тот самый год, когда большевики массами убивали священников, причем изуверским способом, расстреливали крестные ходы. И это не только не скрывалось, а наоборот, афишировалось. Как же Шульгин всего этого не заметил?..

Преподаватели в разведшколе КГБ с гордостью говорили нам, что советская разведка начиная с двадцатых годов получала от своей агентуры в белогвардейских организациях звукозапись всех заседаний.

– А вы представляете, каким это было трудным делом в двадцатые годы! Это в наши дни можно поставить в стену подслушивающее устройство или пронести на заседание крошечный магнитофон. А тогда нужен был граммофон с трубой, запись велась на патефонные пластинки с помощью иглы, которая могла завизжать. И тем не менее нашей агентуре все это удавалось! – восклицали они.

Сейчас в русской эмиграции выросли целые династии агентов КГБ. Дед помогал советской разведке похищать белых генералов, сын растолковывал западным читателям прелесть советской жизни, а внук борется за подчинение Зарубежной Церкви чекистской Москве. И при этом все думают, что помогают России, хотя помогают коммунистам. Даже сейчас, когда у власти находится уже не КПСС, а возродившийся КГБ.

Это ведомство – вовсе не то же самое, что ЦРУ или Сикрет Интеллидженс Сервис, как полагают многие на Западе, а отдел ЦК КПСС. В советское время чекисты гордо именовали себя «вооруженным отрядом партии» и получали за это гораздо больше других военных. Закормленный и прогнивший, партийный аппарат не выдержал проверки на прочность в 1991 году, сгинул в небытие, но его вооруженный отряд уцелел. Идеология же у них общая.

А еще преподаватели разведшколы отмечали, что хотя в целом Советский Союз не был готов к войне, его разведка была готова. Она собрала адреса всех деятелей антисоветской эмиграции, чтобы арестовать их немедленно после того, как Красная Армия завоюет иностранные города. Из чего следовало, что Советский Союз все-таки готовился нападать на Европу.

Планы чекистов осуществились весной 1945 года. Многие эмигранты, впрочем, знали о них, и, не мешкая, убегали, едва армия победителей захватывала Прагу, Берлин, Будапешт...

* Цит. по статье В.Мерзлякова «КРО ОГПУ: люди и судьбы» в газете «Новости разведки и контрразведки», № 24, Москва, 1997.

В июне 1941 года граф Алексей Граббе, будущий епископ Антоний, учился в русском кадетском корпусе в Белграде. Он рассказывал мне, что, как только немцы напали на СССР, в корпусе кто-то бросил клич: «Едем на родину бороться с марксизмом!»

Мальчишки загорелись этой расплывчатой целью. Только юный граф Граббе и еще двое ребят, наслышанные от родителей о коварстве большевиков, отказались от поездки. Всех же остальных немцы сбросили с парашютами на советской территории, где их уже ждали батальоны НКВД.

Так чекистам удалось заманить в западную романтичных юношей. Но почему с такой готовностью спешили туда старые эмигранты в первые послевоенные годы?..

Их дети говорили мне, что решающим аргументом послужило избрание Патриарха. Значит, прекратились гонения на Церковь, все вернулось на круги своя, можно возвращаться. Но ведь Патриарха некому было избирать, его Сталин назначил. Но всем так не хотелось вникать в эти подробности! Вдобавок на Западе многие эмигранты жили бедно, порой подвергались дискриминации. На родине они надеялись обрести почву под ногами.

Не молчала и советская пропаганда, направляемая НКВД. Помню, в Музее истории разведки, куда посторонним вход воспрещен, я видел плакат тех лет. На нем пожилая крестьянка с мудрым лицом призывно раскинула руки. «Дорогие соотечественники, вернитесь домой!» – говорила она. А у ее ног текла тихая речка, золотился песчаный бережок. Так хотелось искупаться там после дальней дороги! Даже меня, референта начальника научно-технической разведки, эта сцена глубоко тронула. Что же говорить об измученных войной эмигрантах!

И все же до них доходили слухи о том, что по прибытии на родину всех арестовывают и отправляют в лагеря. Группа эмигрантов в Харбине собралась на совет, чтобы решить, можно ли этому верить. И решили, что нельзя. Да, кого-то арестовывают, если виноват перед родиной. Что ж, поделом! Но разве можно арестовать всех?! Ведь надо сформулировать обвинение каждому, предоставить адвоката. Это технически невозможно! И решили ехать...

Духовные терзания русских эмигрантов в Харбине живо описаны в романе Наталии Ильиной «Возвращение». Она была одной из немногих, кто избежал репрессий после собственного возвращения, и в советской писательской среде ее подозревали в работе на КГБ. Насколько я знаю, отец Наталии Ильиной был советским разведчиком, заброшенным в Харбин в двадцатые годы для разложения русской эмиграции.

Сталин рассматривал эмигрантов как военных противников. Он выманивал их для того, чтобы обескровить эмиграцию на случай будущей войны. Это были массовые репрессии, осуществлявшиеся за рубежом.

Метод выманивания применяется российской разведкой и по сей день. Последней его жертвой стал в 2003 году отставной полковник Службы внешней разведки Александр Запорожский, незадолго до этого обосновавшийся в США. Старые друзья пригласили его в Москву на чекистский праздник, но прямо в аэропорту Шереметьево арестовали и посадили на 18 лет. Его обвинили в том, что он выдал американцам агента КГБ Роберта Хансена, заместителя директора советской секции отдела разведки ФБР. Не думаю, что это было правдой, ибо тогда Запорожский не рискнул бы появиться в Москве. Скорее всего, его арестовали «для галочки», чтобы закрыть дело и отчитаться перед начальством. В российских правоохранительных органах так поступают очень часто. В России ведь нет независимого суда, хотя на Западе полагают, что есть.

Чекисты работают в эмигрантской среде беспардонно и грубо, словно вербуя заключенных в российских тюрьмах. Среди настоящих иностранцев они ведут себя куда осмотрительнее. Видимо, в глубине души чекисты уверены, что эмигранты простят им любые огрехи из патриотических соображений.

Недавно мне в руки попала переписка старых эмигрантов, посвященная угнездившемуся в их рядах советскому разведчику Н. Имя и по сей день называть опасно,

ибо он – один из столпов русской эмиграции, может засудить, хотя сам появился на Западе при весьма странных обстоятельствах.

В начале войны НТС, при помощи немецкой разведки, перебросил своего агента через линию фронта где-то под Псковом. Как водится, тот пропал, потому что НКВД бывал осведомлен о таких перебросках заранее. А вместо него к немцам через сеть укреплений благополучно перешел неизвестный молодой человек, назвавшийся Н. Он рассказал, что агента НТС схватили чекисты, но перед арестом тот успел его завербовать, приказав идти к немцам.

Несмотря на столь подозрительную и совершенно неубедительную легенду, Н. сразу устроился на службу в гестапо, причем не внештатным осведомителем, а кадровым офицером, получив звание лейтенанта. Русских принимали туда с большой опаской, отказывали даже белым офицерам, а для юного перебежчика из СССР с неясной биографией сделали исключение. Это можно объяснить только работой советской агентуры и немецких коммунистов-подпольщиков. Такая невидимая поддержка сопровождает Н. постоянно.

Став офицером гестапо, он начал преследовать белых эмигрантов, воевавших на немецкой стороне. Одному из них удалось выжить в концлагере, вернуться во Францию, рассказать об Н. всем знакомым, но на его положение в эмигрантской среде это никак не повлияло.

Сам же он был занят другим делом – ездил по итальянским лагерям бывших советских военнопленных. Многие из них намеревались остаться на Западе, ибо лагеря находились в английской оккупационной зоне. Н. уговорил отряд в 500 горцев перестать выдавать себя за турок и признаться в своем советском гражданстве. За это, мол, англичане запишут их в антикоммунистический полк, но те выдали их чекистам, и горцы покончили с собой.

Перебравшись в Париж, Н. принялся науськивать французскую политическую полицию на самых явных антисоветчиков из числа белых эмигрантов, представляя их агентами Москвы. Все знали, что в этом ему помогает французская компартия, чьи ячейки тогда легально действовали в полиции. Наконец одна из русских парижанок опознала в Н. офицера НКВД, с которым познакомилась в предвоенной Риге, и открыто сказала ему об этом.

«Да, служил там и даже людей расстреливал! А что в этом странного?» – отшутился Н., и снова ему это совершенно не повредило. Наконец, группа эмигрантов потребовала от руководства НТС расследовать его биографию, но встретила решительный отказ...

Москва также помогала Н. «операциями прикрытия», публикуя о нем статьи как о предателе и фашистском прислужнике. Сейчас же она в нем души не чает! Надо ли говорить о том, что Н. – ярый сторонник Путина, и что таких Н. среди эмигрантов много?

Так же самоуверенно и нагло, почти не маскируясь, российская разведка сейчас прибирает к рукам Зарубежную Церковь. И так же оказывается права в своей безнаказанности! Многие из старых эмигрантов в частных беседах осуждают поглощение Зарубежной Церкви путинским государством, а в публичных – поддерживают.

– Как же я могу идти против России? – разводят они руками.

После войны Советской разведке удалось выхолостить самые боевые белогвардейские организации, из антисоветских сделать их просоветскими, как это произошло с НТС. Ветераны уцелевших объединений говорили мне, что КГБ и к ним часто подсылал агентуру. Эти люди представлялись выходцами из белоэмигрантских семей, но их выдавал советский акцент. Тем не менее, они внедрялись в белоэмигрантские организации и начинали всех ссорить, чтобы сбить антисоветский накал.

Порой им это удавалось, поскольку молодые эмигранты были слабоваты в подковой борьбе, не имея опыта работы в советских учреждениях. Вдобавок родители учили их помогать любому русскому, не устраивая ему допроса. Выведывать прошлое

нового человека считалось в эмигрантской среде неприличным. Но агентов КГБ она все же выдавливала, награждая их кличкой «подосланный».

Подсылал же их 4-й отдел управления «К»: контрразведки внутри разведки. Она нейтрализовывала врагов КГБ, вербуя иностранных разведчиков и выискивая предателей в своей среде. 4-й отдел работал по враждебной русской эмиграции.

В 1978 году начальник разведки Крючков предложил создать еще один отдел для работы по эмигрантам, но уже не в рамках управления «К», а в масштабах всего Первого главного управления КГБ. Он должен был вербовать друзей Советского Союза.

– Для чего нужен новый отдел, если мы и так занимаемся эмиграцией с 1917 года? – удивился генерал Олег Калугин, возглавлявший управление «К».

– Для расширения рядов наших сторонников, создания «русского лобби» на Западе! – парировал Крючков и настоял на своем. Так появился 19-й отдел ПГУ.

Незадолго до этого Крючков побывал в Сан-Франциско, где его тепло принимали русские эмигранты, и решил их отблагодарить таким образом.

– Зачем КГБ нас вербовать, если мы друзья России? – недоумевают многие эмигранты.

– Затем, что по вам плачет 19-й отдел! – отвечаю я им. Сейчас он развернут в огромное управление, поскольку Путин провозгласил работу по эмигрантам одной из самых главных задач российской разведки. Называется она «линией ЭМ».

Ведь с крахом советской идеологии вербовочная база за рубежом резко сузилась. Нынешняя Служба внешней разведки уже не может привлекать к агентурному сотрудничеству идейных сторонников СССР и убежденных коммунистов, что называлось «вербовкой на идейно-политической основе». Она не в состоянии предложить западному обывателю идею, ради которой тот согласился бы рискнуть головой, а денег на всех не напасешься.

Хотя чекисты и сейчас в душе остаются коммунистами, они уже не рискнут предложить либеральному западному интеллигенту побороться за дело Ленина. Тот их не поймет, ибо свято уверен в том, что Россия покончила с коммунизмом. Правда, теперь чекисты излагают вербовочное предложение по-иному: «Давайте вместе бороться с гегемонизмом США!» На это многие соглашаются.

Путинская разведка делает ставку на врагов Америки и патриотов России. Она предлагает иностранцам шпионить в пользу Москвы из любви уже не к Стране Советов, а к России как государству. А кто сейчас на Западе испытывает к ней сыновние чувства? Одни только эмигранты.

Они – головная боль Путина. Ведь их уже несколько миллионов, и число будет расти. Это целое русское государство, неподконтрольное Кремлю. А вдруг они начнут критиковать свою историческую родину, благо поводов для этого становится все больше?

Окормляет это государство Русская Зарубежная Церковь. Она тоже может вернуться к обличению лжи и неправды в России. Вновь возвысить голос христианской совести, как в советские времена.

В Зарубежной Церкви сохранилась удивительная атмосфера царской России, Белого Движения. Помню, как поразила она меня, когда я впервые пришел в ее храм. Я словно окунулся в прошлое, в котором никогда не был. Вспомнились рассказы бабушек об удивительной дореволюционной жизни. О, как я с детства мечтал побывать в ней, этой рождественской сказке! И вот теперь несбыточная мечта осуществилась. Я ощутил аромат той жизни, которая ушла навсегда.

В России такой атмосферы нет нигде. Она ушла вместе с эмигрантами.

Поэтому Зарубежную Церковь надо срочно дезавуировать, подсоединив к путинской государственной машине, подобно Московской Патриархии. Всем этим и занимается сейчас управление «ЭМ». Оно же проводит конгрессы зарубежных соотечественников.

Путин на них с удовольствием выступает, словно покровитель всех россиян. Не только собственных, но и зарубежных, имеющих западное гражданство. Подмяв под себя РФ, Путин взялся за царскую Россию, никуда, как выяснилось, не ушедшую и раскинувшуюся ныне по самым лакомым странам Америки и Европы. Он хочет прийти туда на правах соправителя, с помощью подмененной Зарубежной Церкви, получающей указания из Москвы, и ручной русской эмиграции, отдрессированной КГБ.

2. КАК РАСПОЗНАТЬ РАЗВЕДЧИКА

Русская эмиграция наводнена агентурой со времен Гражданской войны. После развала СССР в 1991 году ее количество не уменьшилось, как следовало бы ожидать, а еще более возросло.

Переселился на Запад огромный отряд советских ученых, среди которых число агентов КГБ всегда было особенно велико. Увы, так уж была устроена наша наука: не завербуешься – не выедешь за границу, не станешь заведующим лабораторией. Только гениям-одиночкам позволялось быть выше этого, но они находились под неусыпным наблюдением агентуры из числа своих же коллег.

Гуманитарии чаще всего были агентами идеологического Пятого управления, выявляли диссидентов в своей среде. Выезжая в загранкомандировки, они поступали в распоряжение политической разведки. Корифеи естественных наук использовались в промышленном шпионаже, которым занималось управление «Т» Первого главного управления КГБ. Большинство его отделов было нацелено на работу за границей, но 3-й и 7-й отделы вели научно-техническую разведку прямо на родине.

Офицеры 3-го отдела вербовали московских ученых. Именно они под видом клерков Иностранного отдела Академии наук оформляли выездные дела советских ученых, выпуская их в вожделенные загранкомандировки. Условие было одним – вербовка. Помню, как я не смог сдержать смеха, увидав список членов советской научной делегации, составленный для начальника управления «Т»: он весь состоял из агентурных псевдонимов! Даже знаменитые академики были агентами КГБ.

7-й отдел управления «Т» вербовал ученых в провинциальных институтах, его филиалы имелись в КГБ всех союзных республик. Спасения не было нигде.

Массовое сотрудничество с КГБ – не только вина, но и беда советских ученых. Они стыдились его и скрывали. В том числе и от властей США, куда многие эмигрировали в девяностые годы. Им казалось, что агентурная работа осталась в советском прошлом, с которым покончено навсегда. Но это прошлое ожило и вернулось в Россию. И теперь многие из ученых с ужасом поднимают трубку телефона, ожидая услышать до боли знакомые слова: «Привет от Ивана Петровича!». Так КГБ восстанавливает связь с агентом. Произносится имя одного из оперработников, у которых он был на связи.

Множество советских разведчиков обосновалось на Западе под видом коммерсантов. Основу их капиталов составило то самое «золото партии», о котором еще недавно шумели российские журналисты, но потом неожиданно замолчали. Эти разведчики делают деньги для своих начальников в Москве, покровительствуют русской мафии, но и о своей главной работе не забывают.

Подалось в эмиграцию немало настоящих коммерсантов, потому что в России честный бизнес задавлен налогами. Но российское государство «щиплет» их и на Западе. Для этого используется Служба внешней разведки.

Для вербовки коммерсантов она изобрела такой способ. На улице к одному из них подходит сотрудник СВР и предлагает стать шпионом. Тот, конечно, отказывается. Тогда российский разведчик говорит, язвительно улыбаясь:

– А вот мы объявим тебя в международный розыск через Интерпол! Наврем им, что ты член русской мафии. Посмотрим, что станет с твоим бизнесом!..

И несчастный предприниматель сдается. Он уже знает, как безжалостно в России расправляются с его коллегами и что Путин действительно использует Интерпол в борьбе с политическими противниками.

Сейчас в российских посольствах стало модным устраивать праздничные приемы по случаю Масленицы с блинами, икрой и водкой. Трудно поверить, что за ними тоже стоит разведка.

Эти приемы входят в операцию по захвату Зарубежной Церкви. На них можно незаметно завести агента-священника в комнату, защищенную от прослушивания, вручить ему пачку денег, не облагаемую налогом. Там же разведчики знакомятся с заслуживающими внимания эмигрантами, приглашают в рестораны.

— Где вы познакомились с этим русским дипломатом? — спросят коллеги по работе.

— В посольстве, на церковном приеме! — с гордостью ответят они.

Что же, звучит солидно, не подкупаешься. И выглядело бы совсем по-другому, если бы разведчик позвонил эмигранту домой и предложил встречу в ресторане. Это бы походило на шпионаж.

Неужели все эти симпатичные молодые люди, расточающие вам улыбки на посольском приеме и предлагающие дружбу, — офицеры разведки? Увы, да, ибо настоящему дипломату вы не нужны. А вдруг вы подсланы местной контрразведкой, и это повредит его карьере?

Кадровому дипломату опасны лишние знакомства. Его дело — прошелестеть бумагами в кабинете с девяти до шести и бегом домой, к телевизору. Можно пойти и на светский раут, но вести себя строго по протоколу, чтобы не приняли за разведчика. Для дипломата это самое страшное, потому если за оскандалившегося разведчика вступится его ведомство, то чужому для него дипломату оно помогать не будет.

Да, дипломаты тоже работают с русской эмиграцией, но только в общем и целом, в форме собраний и заседаний, без перехода на личности. И только разведчик норовит завязать с вами личную дружбу. Если он приглашает вас в ресторан в нерабочее время, тратит на вас выходные дни, то перед вами — военнослужащий, чей рабочий день не нормирован. А сами вы находитесь в вербовочной разработке. Нужно рвать это знакомство как можно скорее. Но как?..

Ведь путинская разведка действует открыто и нагло. Она больше не боится Запада, потому что все его лидеры — путинские друзья. Они все у него в кармане. Это в советские времена можно было пригрозить чекисту-разведчику публичным разоблачением, и он в страхе ретировался, мысленно благодаря вас за то, что вы не разрушаете его карьеру.

А сегодня ему шпионский скандал не страшен, потому что тогда Путин просто пошлет его в другую страну. Недаром он добивается безвизового въезда в Европу для «некоторых категорий» российских граждан. Да и скандал теперь не раздуешь! Никто не станет брать у вас интервью о российском шпионаже. Ведь Россия — союзник Запада по борьбе с терроризмом! Под видом этой мифической борьбы Путин активизирует разведку против Запада.

Как же отделаться от надоедливого друга-шпиона? Может быть, стоит деликатно сказать ему так: «Я понял, кто ты такой... Но я не знаю секретов, ты зря тратишь на меня время. Давай, забудем о нашем знакомстве?».

Разумеется, вами будет руководить благородное патриотическое стремление избежать скандала, чтобы не нанести ущерба престижу России. Но именно этой фразой вы сами запишете себя в агенты! Ибо заявите о своей готовности держать контакт с разведчиком в тайне от властей своей страны. А это — главное требование, предъявляемое к агенту!

В Москву полетит ликующий отзыв: «Объект вербовочной разработки «Эмигрант» по собственной инициативе заявил о своей готовности не разглашать факт знакомства с нашим оперработником». И ваша разработка пойдет с удвоенной силой.

Многие эмигранты говорят так: «Да зачем я нужен российской разведке? Ведь у меня мирная профессия!...».

Нужен тем, что американец, англичанин, француз. Вербовка граждан ведущих стран Запада считается большим успехом, за нее положено повышение в должности

или орден. А вербовать людей русского происхождения легче, чем представителей коренных национальностей. Потому что они плачут благодарными слезами, едва услышав магические слова: «Помогите России!». Хотя помощь может требоваться вовсе не ей, а карьере разведчика.

А уж цель вашей вербовки можно изложить на бумаге как угодно: агент влияния для распространения слухов в эмигрантской среде или «перспективный» агент. То есть ваше использование предусмотрено лишь в неясной перспективе, но получить поощрение за вашу вербовку можно уже сейчас.

Ведь разведку никто не контролирует. Гражданского контроля нет и в помине, а ЦК КПСС, который инспектировал ее в советские годы, больше не существует. Но даже «липовая» вербовка для вас опасна. Потому что очередной перебежчик из КГБ может передать ваше досье на Запад, и вами займется собственная контрразведка.

Впрочем, даже такая вербовка для России бесполезна. Она делает вас частью ее государственной машины. Критиковать Путина вам уже будет не с руки.

3. КГБ ИЛИ РОДИНА?

Многие эмигранты уверены в том, что Россия считает их своими в доску только лишь потому, что они русские. И, кажется, сама жизнь подтверждает это: когда они посещают свою историческую родину, их там всячески приветствуют, хвалят за русскость.

Но происходит это только потому, что они – американцы, англичане, французы. От них можно получить валюту, использовать их в пропаганде или разведке. Однако к русским жителям бедных стран, вроде Таджикистана, российская власть относится совсем по-другому. Я собственными ушами слышал, как милиционер в паспортном столе говорил им так: «Да откуда вы взяли, что вы русские? Вы таджики, потому что там родились».

Вот и уезжайте в свой Таджикистан!». Спасла положение только взятка.

Российская власть относится к зарубежным соотечественникам потребительски. И ее можно понять: если она не заботится о своих жителях, почему она должна пекся об эмигрантах? Каждый год Россия теряет около миллиона человек, но правительство относится к этому с олимпийским спокойствием: у него есть дела поважней.

Сейчас Москва отбирает у нас знаковые реликвии. Туда потянулась вереница гробов деятелей Белой эмиграции, словно приносящих некое посмертное покаяние перед генералами КГБ, правящими ныне Россией. Так Путин подчиняет себе наше прошлое, нейтрализует его, перекрашивает в красный цвет. Ведь Россия по-прежнему поддерживает большевиков. Она так и не уравнила белых с красными. Почетный титул Участника Гражданской войны, дающий льготы, относится только к ним.

Осенью 2005 года в московском Донском монастыре были перезахоронены генерал Антон Деникин и эмигрантский философ Иван Ильин. Деникин теперь не опасен большевикам. Он больше не сражается с Красной армией, а упокоился под ее почетным караулом. И одновременно Путин возвратил красную звезду на кокарды российских военных фуражек, убрав с них двуглавого орла. Никакой Белой России не было. Она всегда была красной.

Кем станет Антон Деникин для нового поколения россиян, окончивших упрощенную путинскую школу? Думаю, кем-то вроде маршала Жукова. А главное, они будут знать, что невозможно быть русским и выступать против российской власти. Она настигнет тебя даже после смерти и привезет.

В России сейчас строят монастырь всего для одной иконы – Курской Коренной Божией Матери, чтобы вытянуть ее, словно мощным магнитом, из эмиграции. Здесь она – святыня Белого Движения, главная икона Зарубежной Церкви, духовный центр Русского Зарубежья, его Одигитрия, объединительный символ.

Станет ли она главной иконой России? Об этом и речи нет. Там она затеряется среди других чудотворных икон. **Наши белогвардейские реликвии Москве не нужны. Ей нужно, чтобы их у нас не было.**

Потому что Зарубежная Русь растет! Россияне бегут от Путина. Россия занимает первое место в мире по числу своих граждан, попросивших политического убежища на Западе. Поэтому Путин заранее хочет лишить нас духовной опоры, чтобы мы чувствовали себя неуютно, стремились душой в Москву. Чтобы именно туда мы ездили поклониться святыням Белой России, под телекамеры КГБ.

Но это нам здесь нужны русские чудотворные иконы! Патриарх Алексий, пожертвуйте нам несколько штук, ведь у вас их так много! Но нет, жертвования идут только в одну сторону.

Мы хотим оставаться русскими вне контроля чекистов. У нас нет времени ждать, когда они отдадут государственную власть. Мы будем сами обустривать Зарубежную Русь, ибо на родине наступил ледниковый период. Эта будет свободная Русь без вороватых начальников, продажных и запуганных судей, без хамства. Такой, какой должна была стать, но не стала наша Россия.

II. ОПЕРАЦИЯ «ЗАРУБЕЖНАЯ ЦЕРКОВЬ»

ДВЕ ТАЙНЫ АРХИЕПИСКОПА МАРКА

Архиепископ Марк Берлинский – ключевая фигура в деле объединения церквей. Но вот, кто бы мне объяснил, почему.

Кто уполномочил архиепископа Марка? Или это добровольная общественная нагрузка, как говорили в советские времена?

Ответа нет. Как и на некоторые другие вопросы биографии. Например, о том, как он оказался на Западе. Или почему КГБ отпустил его из-под ареста в 1979 году. Это напоминает биографию советского патриарха Пимена, из которой тоже выпали самые интересные эпизоды.

1. ТАКИХ КГБ НЕ ОТПУСКАЛ

В 1979 году архиепископа Марка арестовали при пересечении советской границы за ввоз антисоветской литературы. Какого это было числа, никто не знает. Сколько времени Марка продержали в КГБ, одни сутки или несколько, – тоже. Все словно воды в рот набрали.

В то время архиепископ Марк был активистом НТС (Народно-Трудового Союза) – некогда боевой белогвардейской организации, изрядно нашпигованной потом агентами КГБ.

Некоторые из русских эмигрантов сегодня говорят так: «А что, если КГБ просто поугадал архиепископа Марка, да и отпустил с Богом?».

Уверю вас как отставной подполковник КГБ: этого быть не могло. Потому что ввоз антисоветской литературы подпадал под 70-ю статью УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда». Она считалась особо опасным государственным преступлением и сулила немалый тюремный срок.

Да и чем бы тогда чекисты, арестовавшие Марка, отчитывались за свою работу? Тем, что отпустили? А где же конкретный результат, который так ценится в КГБ? Или, как говорят там, «сухой остаток»?

Да и никто бы не позволил его отпустить!

Ведь всякий иностранец, правдой или неправдой попавший в руки КГБ, считался лакомым жирным цыпленком. Его можно было обменять на советского разведчика, попавшего в плен, или использовать в коммунистической пропаганде.

Все это считалось большим успехом и сулило чекистам награды. А если отпустить, то и поощрений не будет. Да ведь КГБ – военная система. Каждый шаг здесь надо согласовывать с десятком начальников.

Чекисты могли его отпустить лишь обмен на еще большее поощрение. А его дают за вербовку иностранца. Она считается высшим достижением в работе чекиста. Его карьера идет вверх.

О том, как вербовать иностранцев, попавших к нам под арест, учат в Минской школе КГБ.

Наивного западного человека облапошить очень легко. Для этого используют «злого» и «доброго» следователей.

«Злой» говорит так:

– Ну, теперь ты попался! Читал небось «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына? А с тех пор наши лагеря не изменились. Засадим тебя туда лет на семь, и прикажем нашей агентуре среди заключенных, чтобы они тебя каждый день насиловали. И двух месяцев не продержишься!

Но тут вступает в разговор «добрый» следователь:

– О, не будь столь жесток к нашему другу! Ведь он будет сотрудничать, не так ли?

*Архиепископ Марк (Арндт)
Берлинский и Германский*

Донельзя запуганный иностранец, никогда в жизни не сталкивавшийся с подобным обращением, обреченно кивает. И тут добрый следователь подсовывает листок бумаги.

– Пиши расписку: «Обязуюсь сотрудничать с КГБ!» – говорит он внезапно посуровевшим голосом.

Если иностранец отказывается, процедура может затянуться надолго.

С Марком работали. Ему пришлось даже ночевать в КГБ. Но вот где – на дощатых нарах Лефортовской тюрьмы или на мягких простынях конспиративной квартиры?

В 1979 году я уже был старшим лейтенантом КГБ и отлично помню ту настороженность, с которой КГБ относился к ввозу антисоветской литературы.

Противодействие ему было задачей не только контрразведки, ловившей таких, как Марк, но и разведки, действовавшей за рубежом.

Она вербовала продавцов магазинов русской книги в странах Запада, заставляя их доносить о том, кто из советских граждан покупал у них запрещенную литературу.

Абсолютно все представители внешнеторгового объединения «Международная книга» в советских торгпредствах были офицерами политической разведки КГБ. Именно они и вербовали продавцов русской литературы. И при этом были прямы:

– Если будешь сообщать нам о своих советских покупателях, заключим с тобой контракт себе в убыток. У нас государство богатое.

И когда западный предприниматель, порой русского происхождения, рассыпался в благодарностях, разведчики так же говорили ему внезапно посуровевшим тоном:

– Пиши расписку!

После этого доверчивый книготорговец до самой смерти попадал под дамоклов меч ареста контрразведкой своей страны.

Для того чтобы вернуться в атмосферу тех лет, я позвонил в Москву известному правозащитнику Сергею Григорьянцу. Он провел 9 лет в лагерях, будучи обвиненным по той самой 70-й статье – «Анτισоветская пропаганда».

И почему-то КГБ не отпустил его, как архиепископа Марка. Наоборот, ФСБ, наследница КГБ, ненавидит правозащитника святой ненавистью до сих пор.

В конце восьмидесятых годов, на волне перестройки, Сергею Григорьянцу удалось создать правозащитный фонд «Гласность». Его целью стало развенчание деятельности КГБ. От проводимых им международных конгрессов «КГБ: вчера, сегодня, завтра» ФСБ скрежетала зубами, но сделать ничего не могла: демократия! Хотя даже в ее недолгий период Сергея Григорьянца убили сына, и чекисты неоднократно намекали ему, что это сделали они.

Однако с приходом к власти Путина ФСБ поняла, что руки развязаны. В конце 2003 года, в обстановке откровенных провокаций «Гласности» удалось провести свою последнюю конференцию «Роль спецслужб в управлении Россией». После этого ее деятельность была парализована.

Сергей Григорьянц рассказал мне следующее:

«Если в семидесятые годы у кого-нибудь находили антисоветскую литературу при въезде в страну, то против этого человека выдвигали обвинение в антисоветской пропаганде. Следствие по таким делам находилось в компетенции КГБ.

Если кого-либо из иностранцев все-таки приходилось отпускать по политическим соображениям, то это делали в скандальной форме. Иностранца выдворяли из СССР и навсегда закрывали въездную визу.

То, что КГБ поступил с архиепископом Марком так «гуманно», говорит о том, что между ними, возможно, было достигнуто полюбовное соглашение».

Недавно в мои руки попал № 2741 газеты «Наша страна», в которой была опубликована и моя статья «Неравный брак».

В этом же номере я прочитал статью Николая Казанцева «Роль солидаристов в капитуляции». Следующие ее строки несказанно поразили меня как бывшего чекиста:

«Энкаведисты внедряли своих агентов в ряды НТС разными методами. Один из них состоял в обработке попавшихся в их лапы «ходовиков».

В связи с этим заставляет крепко задуматься один многозначительный штрих биографии архиепископа Марка Берлинского, ныне с фанатичной одержимостью стремящегося подчинить Зарубежную Церковь руководимой секстами КГБ Московской патриархии.

В молодости герр Арндт был весьма активным солидаристом и, будучи еще мирянином, ездил в СССР с энтэсовской литературой. Там его арестовали. И хотя нескольких его товарищей выпустили через ряд часов после допроса – Марка продержали намного дольше!

Думается, если бы в Синоде при митрополите Филарете узнали про этот крайне подозрительный эпизод – не стать Марку епископом Зарубежной Церкви».

То есть как? Получается, что Марк не сообщил своему церковному начальству о таком важном обстоятельстве, как арест советской контрразведкой?

Но это так странно! Человека выпустили из застенков КГБ. Значит, обвинения нет, он юридически чист. Но он, вместо того чтобы качать права, молчит в тряпочку. Подыгрывая тем самым своим мучителям и подтверждая факт полюбовного соглашения с КГБ. Это ли не явный признак вербовки?

«А где доказательства?» – спросят меня.

Их может быть только два – вышеупомянутая расписка в агентурном сотрудничестве или улики, полученные контрразведкой другой страны.

Ведь даже если кому-то удастся посмотреть агентурное досье Марка, то и оно не послужит уликой. Настоящих имен вы там не найдете, только псевдонимы:

– Сегодня Иванов встречался с «Петровым».

В кавычках – псевдоним агента. Без кавычек – разведчика. Пойди догадайся, кто они!

Подлинны лишь имена начальников, накладывавших резолюции. Именно из-за них досье даже давно расшифрованных агентов никогда не показывают иностранцам.

Что касается расписки, то завербованный иностранец может и отказаться ее дать. Это разрешается. Тогда в отчет о вербовке разведчик вносит такую фразу: «Расписка не отбиралась по оперативным соображениям».

Но начальству она не нравится. Ведь в КГБ никто никому не верит. А что, если никакого агента нет, а разведчик просто кладет в карман казенные деньги? Таких случаев – тьма. Для них даже выдуман специальный термин – «мертвые души». А расписка успокаивает начальство.

Теоретически расписку Марк увидеть можно. Если она существует, то хранится в архиве 15 отдела Службы внешней разведки. На первом этаже огромного здания в Ясенево, окна которого выходят на зеленый луг, летом заросший полевыми цветами. Правда, выпрыгнуть на него нельзя – мешают решетки.

Но тайком скопировать расписку можно. Она подшита в конверте к первому тому агентурного дела. Я много раз хотел это сделать, читая личные дела других агентов, но боялся камер слежения, установленных в потолке.

Путин эту расписку видел точно. Ее приносили в кабинет. Не в Кремле, а здесь же, в Ясенево. На втором этаже главного здания за неприметной дверью, к которой ведет красно-зеленая ковровая дорожка. Раньше тут был кабинет Андропова.

Иностранная контрразведка тоже может доказать, что тот или иной гражданин ее страны тайно сотрудничает с российской Службой внешней разведки. Но только в том случае, если он нарушает законы. Например, ворует секретные документы.

Но ведь агенты бывают разные!

Главные из них – информаторы. Рискуя жизнью, они похищают государственные тайны своей страны и передают их России. Почему – разговор в каждом случае особый.

Но есть и другие категории агентов. Например, содержатели почтового ящика. Их обязанности гораздо проще – получить письмо и отнести его, куда скажут, не задавая вопросов.

Иных агентов пренебрежительно именуют вспомогательными. Разумеется, сами они об этом не знают. Их вербуют для выполнения отдельных поручений разведки – от телефонного звонка до убийства.

А есть и агенты влияния, воздействующие на политику своей страны в выгодном для России духе. Но законов они, как правило, не нарушают.

Если архиепископ Марк действительно агент КГБ, то он принадлежит именно к этой категории. Соответствует ли его деятельность внешнеполитическим целям путинской администрации? Безусловно, да. Она помогает подчинить Зарубежную Церковь Москве, чтобы взять под контроль ФСБ русскую эмиграцию.

А соответствует ли она его личным целям? Ведь в газетах пишут о том, что Марк хочет стать главой Германской митрополии Московской Патриархии.

А вот этого, боюсь, не произойдет. Потому что архиепископ Марк, каким бы хитроумным он ни был, не знает главного правила КГБ.

А оно предписывает избавляться от агентов, выполнивших свою миссию. Ведь они слишком много знают, а потому становятся опасными. Теперь не они зависят от разведки, а она, наоборот, дрожит в ожидании того, что бывшие агенты сболтнут что-нибудь лишнее.

Достаточно вспомнить о судьбе английского разведчика Кима Филби. В молодости, в тридцатые годы, он был завербован советской разведкой. Поверив коммунистической идее, но ни разу в СССР не бывав. Через тридцать лет, после провала, он впервые приехал туда, спасаясь от своих бывших коллег. Увидев мрачную действительность шестидесятых хрущевских годов, он понял, что КГБ всю жизнь водил его за нос.

Филби запил. И умер в забвении.

Не могу не вспомнить и несчастного американского военно-морского лейтенанта Соутера. Ему тоже удалось убежать в Москву, поработав некоторое время советским шпионом.

Стоило ему окунуться в советскую жизнь, как он стал ярким противником коммунизма. Привыкший к американской свободе слова, он прививал свои опасные взгляды молодым разведчикам в Краснознаменном институте КГБ, где преподавал английский язык.

Руководство КГБ не на шутку встревожилось и перевело его на курсы руководящего состава, где публика считалась более идеологически стойкой.

Но Соутер не замолкал и там. И тогда было объявлено, что он покончил с собой, задохнувшись выхлопными газами собственной машины. Рядом нашли записку: «Прошу похоронить меня в форме майора КГБ», – что и сделали с большой помпой. Но все это кажется очень странным.

Похоже, что от правдолюбивого Соутера просто избавились.

Имеющая огромный опыт, российская разведка тонко учитывает изменчивость и неблагодарность человеческой натуры. Да, сегодня Марк всем доволен, а завтра? Что, если он обидится на Москву и даст интервью, от которого берлинский резидент Службы внешней разведки поседает?

Ведь такое случалось даже в насквозь отфильтрованной Московской Патриархии! В конце восьмидесятых годов, в разгар горбачевской перестройки, митрополит Хризостом публично заявил о том, что он агент КГБ.

Но он – советский человек, прошедший суровую школу выживания в тоталитарном государстве. Чего же тогда можно ожидать от архиепископа Марка, привыкшего к западной свободе слова?

Итак, зачем создавать себе проблемы на будущее? Не проще ли назначить на место германского митрополита другого архиепископа Берлинского и Германского? Его зовут Феофан, и назначен он Московской Патриархией. Нельзя исключать, что она специально учредила в Германии эту параллельную должность. Чтобы всегда иметь замену Марку. Надежного дублера, как у космонавтов.

Да и российским митрополитам не нужен новый конкурент, да еще иностранец. Они вполне могут возроптать, говоря так: «Что, русского не могли найти?» В обстановке национализма и ксенофобии, охвативших Россию, к такому протесту прислушаются и власти, и паства.

А если Марка убрать на покой, то пусть он дает интервью сколько угодно. Его и слушать никто не будет. Скажут, обиделся.

2. АРХИЕПИСКОП МАРК – ГРАЖДАНИН РОССИИ?

В биографии этого архиепископа есть еще одна тайна, похлеще первой.

Никто не знает, как Марк очутился на Западе. Николай Казанцев в своей статье «Роль солидаристов в капитуляции» («Наша страна», № 2741) пишет об этом так: «К тому же он, воспитанник коммунистической Германии, добровольцем поступил в ее армию, где стал офицером. Интересно, в каких войсках он служил?».

Простим автору незнание тонкостей нашей военной службы. Ни в одной из социалистических стран после службы в армии офицером стать было нельзя. Для этого требовалось кончить военное училище или окончить гражданский институт, где есть военная кафедра.

Все это тоже очень странно. Как и подчеркивание добровольности поступления Марка на солдатскую службу.

Ведь в ГДР была всеобщая воинская обязанность! Добровольно или нет, но каждый был обязан отправиться после школы в солдатские казармы. Мне известно, что именно сам архиепископ Марк все время упирает на эту добровольность, которая никакого юридического значения не имела.

Но в то же время никому не известно, как он попал на Запад. Говорят, что Марк перебрался в ФРГ в 1963 году. Но легально этого было сделать нельзя, тем более офицеру. Если бы Марк убежал, то его бы сочли предателем. Но тогда бы он никогда не рискнул поехать в СССР под страхом немедленного ареста.

Но он рискнул. И даже арест состоялся. Но не за это. И тут же его отпустили. Поверьте мне, старому чекисту: все это очень странно. Так не бывает.

За разъяснениями я обратился к генералу Олегу Калугину. Он подтвердил, что архиепископ Марк не мог легально покинуть ГДР в те годы иначе, чем при содействии органов государственной безопасности.

Молодежь из социалистических стран не отпускали на Запад ни под каким видом. Тем более офицеров.

В условиях тогдашнего ГДР офицер мог поехать на Запад только в качестве разведчика.

Тут многое встает на свои места. Странное получение офицерского звания без окончания военного училища может объясняться учебой в разведшколе, где тоже давали звание лейтенанта. Солдатская служба, скорее всего, отпадает, становясь все той же разведшколой.

В таком случае и арест Марка в 1979 году в СССР приобретает новые версии. Их две.

1. Арест был следствием обычной советской неразберихи, которой и в КГБ достаточно. Когда Марк заявил о своей принадлежности к разведке ГДР (или «друзей», как говорили у нас в КГБ), его проверили по учетам. Ускоренная проверка как раз и занимала около двух суток – ведь бумаги приходилось перебирать вручную! Разобравшись, Марка тихо отпустили и договорились забыть об этом эпизоде.

2. Марка арестовали демонстративно, желая показать, что советская власть его не любит. Такое практиковалось в отношении фальшивых религиозных диссидентов. Некоторые из них сами просили КГБ посадить их в тюрьму, чтобы обрести ореол мученика.

Но если допустить, что архиепископ Марк – ветеран восточногерманской разведки «Штази», то сразу возникает вопрос о том, гражданин какой страны он сейчас? Если ФРГ – это только крыша?

Насколько я знаю, многих офицеров разведки ГДР принимали в советское гражданство после крушения тамошнего социализма. Что, если и архиепископ Марк теперь гражданин России?

Это полностью меняет картину.

ШПИОНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

1. ПРИЗНАНИЕ АЛЕКСИЯ ВТОРОГО

Интересно, почему наш епископат так упорно не кается в агентурном сотрудничестве с КГБ? Ведь сделал же это митрополит Хризостом, и ничего с ним не случилось, никто его не уволил. Почему же молчат остальные?

Раньше я думал, что из страха новых разоблачений. Признаешься в своей работе на КГБ, как всплывет еще и членство в КПСС. Как отреагирует на это Зарубежная Церковь?

Да, верхушка Патриархии состояла в КПСС, и это обстоятельство до сих пор удается держать в секрете. Говорят, что первым коммунистом был патриарх Пимен, старший офицер Красной армии, вступивший в партию на фронте.

А верующих офицеров там быть не могло, даже беспартийных. Более того, все они были обязаны бороться с религией. Это означает, что будущий патриарх отрекался от веры.

Высокопоставленные работники ЦК КПСС, раскрывшие мне в свое время этот секрет как офицеру разведки, практиковали такую грубоватую шутку. Подловив на кремлевском приеме или на конференции борцов за мир человека в епископском облачении, они хлопали его по плечу и громко осведомлялись: «Скажи, отец, в каком кармане ряссы партбилет носишь?». Архиерей конфузливо улыбался, но не возражал: ведь вокруг были все свои!..

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев, патриарх Пимен (Извеков), митрополит Алексей (Ридигер) и главный раввин московской хоральной синагоги Яков Фишман празднуют годовщину октябрьской революции 1917 г.

И все же они молчат по другой причине. О ней недавно рассказал мне знаменитый генерал КГБ Олег Калугин. В девяностом году он стал депутатом Верховного Совета СССР и первым начал разоблачать агентов в рясах.

Патриархия не на шутку встревожилась. Там боялись не отдельных разоблачений, а раскрытия главного секрета. О том, что Патриархия намеренно создавалась Сталиным так, чтобы быть сообщающимся сосудом с Лубянкой, как и другие советские учреждения. Никому же не придет в голову выявлять агентов КГБ в нашем МИДе, где все агенты. Но если признать, что то же и в Патриархии, в чем тогда ее святость?

Вскоре генерала Калугина пригласили на приватный обед к патриарху, где Алексей Второй сказал так: «Ну, что вы муссируете эту тему? Да, мы сотрудничали с органами, и я в том числе. Но ведь это была борьба за мир, за разоружение! Что же в этом плохого?»...

Выдавать стукачество в КГБ за борьбу за мир – до этого не додумывался еще никто! Да и не было у нас такого направления работы, как борьба за мир. Эти слова – пропагандистская чепуха. Наоборот, мы боролись за войну! В результате нашей деятельности военные конфликты вспыхивали один за другим – в Афганистане, Эфиопии, Мозамбике, Анголе. Это приводило к неимоверному разбуханию военно-промышленного комплекса, частью которого была разведка. Страна не выдержала этой тяжести, и СССР рухнул.

Алексий Второй ясно дал понять, что не считает свое стукачество в КГБ чем-то зазорным и совершенно не собирается в нем раскаиваться. Наоборот, он гордится им, как Путин сейчас гордится своей работой в КГБ в советские годы. Отсутствие такого покаяния перебрасывает мост к продолжению сотрудничества Патриархии с КГБ в наши дни. И почему родовитый дворянин Ридигер так предан советской власти? Что их связало накрепко?

Патриарх Алексий (Симанский) и митрополит Николай (Ярушевич)

В далеком теперь 1996 году журналистская судьба привела меня на коммунистический митинг в Новочеркасске. В стране шли президентские выборы, и серьезным соперником Ельцину выступал глава КПРФ Зюганов. Он приезжал за поддержкой в этот казачий край, где его предшественники в двадцатые годы проводили «расказачивание» и массовые расстрелы. Но сейчас там сильны прокоммунистические настроения.

На митинге выступал и пожилой священник местного собора, отец Владимир. Он тоже призывал голосовать за Зюганова, что вызвало огромное удивление у иностранных журналистов. Но отец Владимир твердо заявил так: «Для того чтобы мы учились в Духовной семинарии, нас отозвали с фронта! Мы до сих пор благодарны Коммунистической партии за это! И потому учебу в семинарии воспринимали как фронтовое задание. Мы так и называли себя всю жизнь — беспартийные коммунисты!».

А какое ведомство имело право отзывать людей с фронта, да еще в критический год войны, когда в армию гребли даже больных и немощных? Только НКВД. А кому он мог дать эту неслыханную привилегию, спасающую от смерти? Только надежной и проверенной агентуре.

Сталин создал Патриархию руками Лубянки! Это ведомство стало ее матерью. Генетическая связь с КГБ — такой же родовой признак Московской Патриархии, как связь с Белым Движением у Зарубежной Церкви.

2. ЛУБЯНСКАЯ ХИРОТОНИЯ

Стукачество Патриархии в КГБ — серьезный аргумент против соединения с ней Зарубежной Церкви: а вдруг оно продолжается и по сей день? Кто может поручиться, что сейчас его нет?

Сторонники объединения стараются всячески приуменьшить это стукачество и свести его к частным случаям: мол, лишь некоторые священники становились агентами КГБ на фоне в общем независимой жизни Церкви. Здесь, на Западе, эту наживку заглатывают легко.

Настоятель Свято-Иоанно-Предтеченского собора в Вашингтоне протоиерей Виктор Потапов так рассуждает в августовском номере журнала «Приходская жизнь»: «В ограде Русской Православной Церкви Заграницей идут горячие споры о ее будущих путях и по поводу воссоединения с Московской Патриархией. В связи с этим приходится слышать резкие выпады против отдельных архиереев и церковных деятелей. Возражения порою сводятся к тому, что нельзя объединяться с церковью в России потому, что там некоторые священнослужители коррумпированы и сотрудничали с КГБ и не покаялись в этом. Могут ли затемнить святость Церкви недостатки отдельных людей?».

Совсем даже не отдельных, дорогой отец Виктор! Отдельные – это как раз те, кто избежал вербовки. А сотрудничали с КГБ абсолютно все епископы и подавляющее большинство священников. Ведь Церковь считалась враждебной средой, и ее надо было контролировать через агентуру. Даже сам механизм поставления в епископы допускал туда только агентов.

Епископы входили в номенклатуру ЦК КПСС, и потому каждого утверждал Идеологический отдел. А какое ведомство посылало туда документы для важных кадровых назначений? Правильно, КГБ. Справку о будущем епископе готовило Пятое управление, осуществлявшее общий надзор за Церковью, и разведка, если он хотя бы раз побывал за границей. Каждая из справок заканчивалась одной фразой: «Сотрудничает с такого-то года».

Именно она и была для ЦК КПСС самой главной! Эта фраза свидетельст-

вовала о том, что будущий епископ не только лоялен к советской власти, но и висит у нее на крючке: ведь на каждого агента непременно имеются компрометирующие материалы! А это значит, что от такого епископа можно не ждать никаких диссидентских выходов. Справедливость этого правила подтверждает и сегодняшний день: все епископы свято хранят обет молчания.

Церковные же заслуги кандидата в епископы не только не интересовали Идеологический отдел, но и были ему враждебны. Чем меньше заслуг – тем лучше. После этого ЦК санкционировал хиротонию. Да вот только можно ли считать ее таковой?..

Впрочем, хиротонией дело не завершилось. После нее надо было получить регистрацию в качестве епископа в Совете по делам религий. Она давалась после конфиденциальной беседы с его председателем Куроедовым, генерал-лейтенантом КГБ.

Он любил приезжать обедать в генеральскую столовую на Лубянке. Входя, показывал всем пропуск в кремлевскую столовую и говорил: «Видите? С самим Брежневым отобедать могу! Но предпочитаю делать это со своими ребятами!».

Генералы отвечали приветственным гулом и отодвигали стулья, приглашая Куроедова каждый к своему столу. Нередко его партнером по застольным беседам бывал и мой отец, заместитель начальника пограничных войск КГБ. По вечерам он пересказывал мне удивительные истории из церковной жизни, в то время совершенно закрытой. А все епископы, благословленные Куроедовым, до сих пор занимают свои посты и даже пытаются присоединить Зарубежную Церковь.

Все они по-прежнему остаются в агентурной сети. Их бы исключили из нее за расшифровку в случае публичного покаяния, но ведь его не было. Это означает, что их досье по-прежнему лежат в сейфах Лубянки. И не в архиве, а в оперативных кабинетах.

Наши иерархи не только стучали друг на друга в КГБ, но и занимались шпионажем. В первую очередь – в среде русских эмигрантов. Не гнушались им даже митрополиты. Например, митрополит Венский и Австрийский Ириней завербовал в 1969 году американского военного разведчика Джорджа Трофимова, отбывающего сейчас в США пожизненное заключение.

Около тридцати лет резидентура КГБ в Израиле помещалась в Духовной Миссии Московской Патриархии. Ибо других советских учреждений в этой стране не было по-

Патриарх Алексий (Симанский) и председатель Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР генерал-майор КГБ В. Куроедов (слева). 1962 г.

сле разрыва дипломатических отношений в середине шестидесятых. В штате Миссии офицеры разведки работали как священники и миряне, а «настоящее» духовенство было агентурой у них на связи. Секретарь Миссии и майор КГБ Ломов убежал в конце восьмидесятых на Запад, и Патриархия сделала все, чтобы избежать огласки.

3. ЦЕРКОВЬ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Священники в погонах – не такая уж большая редкость в Патриархии. С одним из них я встретился в самый первый день работы в штаб-квартире разведки КГБ в Ясенево в 1977 году.

Помню, как меня поразили ее огромные, чуть ли не километровые коридоры, по которым деловито сновали сотни мужчин в штатских костюмах с галстуками. Пиджаки их были аккуратно застегнуты, волосы расчесаны на прямой пробор, и весь их прилизанный внешний вид должен был свидетельствовать о высочайшей лояльности. Но вот мимо меня прошагал офицер с большой рыжей бородой. Что за вызывающий внешний вид, недопустимый для коммуниста-чекиста?!

«Не волнуйся, он отпустил бороду по приказу начальника разведки! – со смехом объяснил мне приятель, работавший в отделе кадров. – Сейчас этот оперработник стажуется в иностранном отделе Патриархии, а вскоре уезжает в зарубежную командировку»...

Куда именно, мой приятель скрыл, подчиняясь принятому в КГБ правилу конспирации, но зато рассказал о своем знакомом профессоре Краснознаменного института КГБ (ныне – Академия внешней разведки), в чьем платяном шкафу рядом с полковничьим мундиром висела ряса. Когда патриарх Пимен отправлялся за рубеж, профессор-полковник надевал рясу и присоединялся к его свите.

В те же годы молодой начальник внешней контрразведки генерал Олег Калугин приехал инспектировать резидентуру КГБ в Восточном Берлине. В один из дней к нему подошел полковник Гуменюк Иван Назарович и пригласил вечером заехать в русский собор.

«Я буду там служить», – пояснил полковник Гуменюк.

Он делал это так профессионально, что прихожане, подходя к нему под благословение, были уверены, что целуют руку у отца Иоанна, а не у полковника Гуменюка.

«Ну, ты прямо, как настоящий!» – восхищенно сказал ему генерал Калугин следующим утром в резидентуре.

Такие «прямо, как настоящие» священники входили в штат храмов Московской Патриархии по всему миру, но в дружественных арабских странах они практически составляли весь клир. Местные мусульманские контрразведки закрывали на это глаза, поскольку священники-чекисты работали против Запада.

Судьба этих людей не всегда складывалась счастливо. Господь подвергал их тяжелым испытаниям. У одних дети начинали верить в Бога, что считалось недопустимым в семье чекиста, другие сами познавали бытие Божие. Коллеги-чекисты это ментально унюхивали и ставили крест на их карьерах. Об участии горе-священников от разведки я подробно рассказал в своей книге «КГБ в Японии» (М., «Центрполиграф», 2000).

Ну, а сейчас где эти горе-священники? Остаются ли среди клириков Московской Патриархии?

На Западе принято считать, что они испарились. Но почему? Разве хотя бы в одном российском учреждении произошла люстрация чекистов? Увы, она была задавлена мощным коммунистическим лобби. Тем более не было никакой люстрации в патриархии, нынешнем главном воспевателе советского прошлого.

Мне известна всего одна такая попытка. Она состоялась в газете «Известия» сразу после провала августовского путча 1991 года. Тогдашний главный редактор Игорь Голембиовский вызвал в свой кабинет всех чекистов, работавших в его газете в качест-

ве журналистов, и предложил им уволиться или из «Известий», или из КГБ. Совместительства он более был терпеть не намерен.

Голембиовскому этой вольности не простили, и в путинской России его преследуют. Алексей Второй, напротив, пребывает в зените славы. Из чего можно заключить, что чекистов из своих рядов он не изгонял.

Председатель президиума Верховного совета СССР Шверник (слева) и председатель Совета по делам РПЦ генерал-майор КГБ Карпов (справа) в Кремле после вручения ордена патриарху Алексию (Симанскому). 1960 г.

Иром держатся в страшной тайне, чтобы о них не узнали американцы, однако Патриархия к ним допущена и принимает в них самое живое участие.

В Пхеньяне в августе 2006 года открылся патриархийный храм Живоначальной Троицы, хотя религия в этой стране запрещена, и вера считается политическим преступлением. Но Ким Чен Ир сделал для своего русского друга исключение. Строительство велось в основном на российские деньги, но и Ким Чен Ир любезно выделил из бюджета своей нищей страны около миллиона долларов. Это дало ему право именоваться «Зиждителем храма сего».

Председатель Президиума Верховного совета Эстонской ССР И. Кэбин вручает митрополиту Таллинскому Алексию (Ридигеру) орден Дружбы народов, 1979 г.

Делегация этого липового Комитета ездила недавно в Москву. В Патриархии она посетила только один отдел, кроме внешнецерковного. Какой бы вы думали? По сотрудничеству с вооруженными силами и правоохранительными органами! Интересно, что ей там было нужно? Похоже, что Ким Чен Ир считает Патриархию военизированной организацией, предназначенной для решения специальных задач.

Сотрудничество Патриархии с КГБ, увы, не осталось в прошлом, как считают многие на Западе, а при Путине даже возрастает. Причина этого – в новом типе общественного устройства, которое Путину удалось создать в России: государстве спецслужб. Внутренней политикой и пропагандой у нас ведает ФСБ, а внешней – СВР. Все остальные ведомства находятся у них в подчинении. Участвуя в сегодняшней российской политической жизни, просто невозможно избежать контактов с разведкой и контрразведкой. Патриархия с готовностью использует в них свой советский опыт.

Например, заигрывания Путина с северокорейским диктатором Ким Чен

«О зиждите храма сего Господу помолимся!» – будет отныне возглашать русский дьякон на каждой службе. Сделать северокорейского диктатора объектом религиозного поклонения – такого не удавалось еще никому из иностранных президентов! Появление в столице КНДР русского храма, первый камень которого был заложен в июне 2003 года, это знак огромной личной дружбы Ким Чен Ира с Путиным в пику американцам.

Ким был настолько добр, что по такому случаю даже основал новое государственное учреждение – Православный Комитет КНДР, хотя ни одного православного верующего в этой стране нет уже более полувека.

Делегация этого липового Комитета

Появление русской церкви в Пхеньяне создает для обоих лидеров канал тайных контактов, недоступный международному контролю. Ведь никто не будет знать, какие послания станут привозить в Пхеньян молчаливые священники в черных рясах.

Этот канал особенно ценен тем, что всеми остальными могут официально поинтересоваться американцы. Например, Буш спросит Путина на одной из встреч:

– Скажи, друг Владимир, не ведешь ли ты закулисных шашней с Ким Чен Иром?..

И Путин вынужден будет объясниться, потому что все это проверяется средствами разведки. А на вопрос о церковных контактах Путин с полным правом может ответить так:

– А вот это тебя не касается, дружок! Вера – дело святое!.. И Бушу будет нечем крыть, потому что его правительство действительно не вмешивается в дела церкви.

А в Московской Духовной Академии теперь учатся студенты из КНДР. Интересно, откуда они взялись? Ведь если бы они были настоящими верующими, их бы посадили. Ответ напрашивается сам собой – только из Министерства государственной безопасности. Ким Чен Ир создает у себя православную церковь по сталинскому образцу, руками чекистов.

Но все офицеры дружественных спецслужб, аккредитованные в России, находятся под ненавязчивым патронажем Службы внешней разведки. Их приглашают в дома отдыха, на закрытые собрания, банкеты. Интересно, уезжая из Лавры в Москву, говорят ли северокорейские семинаристы своему духовнику так: «Благословите, батюшка, на поездку в Дом приемов СВР, что в Колпачном переулке»?

«Засветилась» Патриархия и в шпионском скандале, вызванном убийством российскими разведчиками бывшего чеченского лидера Зелимхана Яндарбиева в Катаре. В феврале 2004 года они подорвали автомобиль, в который садился Яндарбиев, выходя из мечети, после чего были арестованы.

Один из них оказался местным резидентом ГРУ. Дипломатический иммунитет не позволял ему находиться в тюрьме, и его отпустили. Но двое других задержались там надолго. Они сразу же признались в своей принадлежности к ГРУ, став живым свидетельством того, что Россия занимается международным терроризмом. Тем самым, с которым она так горячо призывает бороться. Путин был в бешенстве. Он приложил титанические усилия к тому, чтобы вызволить незадачливых террористов, но все было тщетно.

И тогда к ним устремился поток российских представителей. Множество официальных лиц под различными предлогами пытались прорваться в камеру, но катарские власти никого не пускали по соображениям безопасности. И правильно делали: ведь киллеров положено ликвидировать! Для этого достаточно распылить в камере крошечную ампулу бесцветного вещества, спрятанную под ногтем. И – нет человека, нет и проблемы, как говорил товарищ Сталин.

Отчаявшись, Москва решила использовать своего самого безотказного помощника для деликатных поручений – Патриархию. В камеру устремился епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан. Якобы, томящиеся там офицеры – настолько глубоко верующие люди, что их хлебом не корми, а дай выслушать наставление епископа. Причем именно Феофана, известного своими контактами с разведкой. До этого он долгие годы служил в Отделе внешних церковных сношений, где был ближайшим помощником митрополита Кирилла, проходящего в чекистских сводках как агент «Михайлов».

Катарцы и его не пустили. Возможно, они знали о том, что Патриархию используют в шпионаже. Да и вера наших разведчиков вызывает большие сомнения! Ведь во взорванном ими автомобиле находился и малолетний сын Яндарбиева. Едва ли верующий христианин решится убить невинного ребенка. Даже террористы-эсеры, взорвавшие генерал-губернатора Москвы Великого Князя Сергея Александровича в 1905 году, поначалу несколько раз отказывались от покушения, видя, что он едет с детьми. А наши горе-террористы до этого прошли Чечню, где ГРУ пытается и убивает людей. Раз

именно их назначили исполнителями, резонно предположить, что все это они делали собственными руками. В том, что с ними произошло, скорее можно усмотреть карающую Божию длань. А епископу Феофану лучше бы войти в тюрьмы к тысячам людей, невинно осужденных в России!

Московская Патриархия удивительно милостива к убийцам, выполняющим президентский наказ. Недавно Алексей Второй наградил орденом равноапостольного князя Владимира полковника белорусских спецслужб Александра Павличенко, известного организатора «эскадронов смерти». Они ликвидируют политических противников президента Лукашенко. Патриарший экзарх в Белоруссии митрополит Филарет лично ходатайствовал о награждении, ссылаясь на то, что в подведомственном Павличенко гарнизоне построили храм. Такой повод явно не соответствовал высокому статусу ордена.

«Новая газета» сообщила об этом в статье «Церковь особого назначения» в августе 2004 года. «Награждение Дмитрия Павличенко орденом святого равноапостольного князя Владимира никакому логическому объяснению не поддается. Потому что за построенными на территориях воинских частей и даже тюрем храмами в Беларусь ходить не надо – этого и в самой России более чем достаточно. Но почему-то тех, кто строит храмы по всей России, орденами не награждают. А может, патриарх с митрополитом решили, что тот, кто собственной рукой отправляет людей к Богу, заслуживает высокой церковной награды?» – пишет газета.

«Никто в Европе уже не сомневается в причастности Павличенко, а также Шеймана и Сивакова, бывших секретаря Совета безопасности и министра внутренних дел, к организации и исполнению убийств, – продолжает газета. – Потому и отказались греческие власти впустить в Афины Сивакова, который сейчас занимает пост министра спорта и должен был возглавить олимпийскую делегацию. Евросоюз сделал по этому поводу специальное заявление. А ровно через три дня Русская православная церковь награждает Павличенко орденом. Случайность? Или все-таки «наш ответ Чемберлену»?!».

Светлана Завадская, жена похищенного 7 июля 2000 года оператора ОРТ Дмитрия Завадского, сказала: «Очень печально, что Русская православная церковь награждает вторым по значению орденом в России Дмитрия Павличенко, которого знают в цивилизованном мире как человека, подозреваемого в причастности к похищениям и убийствам людей. Как человека верующего, меня это очень оскорбляет. Православная церковь в России и Беларуси настолько политизирована, что мне, видимо, пока будет лучше общаться с Богом без посредников».

А у нас, в русской эмиграции, многие, наоборот, мечтают слиться с Московской Патриархией. Зачем?

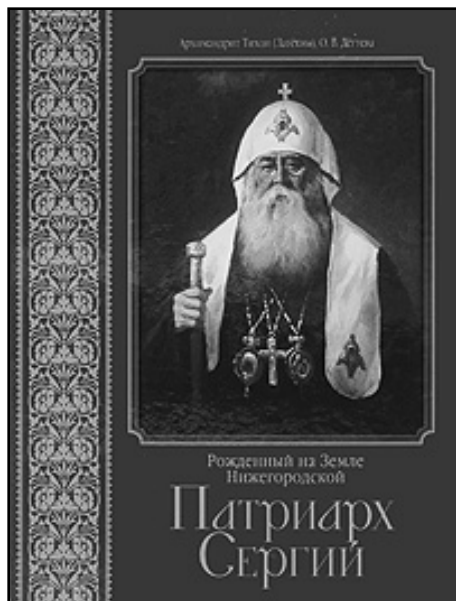
ВРАЖДЕБНОЕ ПОГЛОЩЕНИЕ

В России враждебно относятся к Зарубежной Церкви. Ее приходы яростно изгоняют из страны, хотя иерархов охотно привечают. Здесь, на Западе, этого противоречия почему-то стараются не замечать, но церковная Москва враждебности не скрывает.

«На территории России действия РПЗЦ носят раскольничий, неканонический характер, и поэтому их храмы нельзя посещать прихожанам Русской Православной Церкви», – объясняет верующим иеромонах Адриан (Пашин) на сайте Православие. ru.

А издает этот сайт Сретенский монастырь, чей наместник, архимандрит Тихон – самый пламенный переговорщик с Зарубежной Церковью об объединении. Но недавно он издал книгу, восхваляющую патриарха Сергия – того самого, кого Зарубежная Церковь столь яростно отвергает. А Патриархия, в свою очередь, назвала творение архимандрита Тихона лучшей православной книгой года, так же откровенно показав свое отношение к патриарху Сергию. Просто голова идет кругом!..

Но многие священники Русской Зарубежной Церкви почему-то относятся к этим странным противоречиям с юмором, словно к недоразумениям или «перегибам», как говорили в сталинское время. Словно они – ничто по сравнению с громадьем стоящих перед нами политических задач. Когда священникам указываешь на это, те лишь снисходительно улыбаются.

Книга архимандрита Тихона.

Точно такая же мудрая усмешка набегала на холеные лица партийных работников советской эпохи, когда их спрашивали о том, почему в магазинах супердержавы СССР нет мяса.

«Да, мяса нет, хотя настоящий патриот такого вопроса не задаст! – парировали важные коммунисты. – Зато у нас есть нечто такое, что вы ахнете! Но пока это секрет!»...

Такой ответ многих устраивал.

В путинской России тоже стало модным смеяться над тем, что вызывает тревогу. Это ощущаешь по тому, как отвечают российские политики американским телезрителям в прямом эфире.

Какая диктатура? Какой культ личности Путина? – заливаются они дребезжащим смехом, но в глазах уже виден страх.

Таковыми же взрывами хохота отвечали когда-то деятели советской культуры на вопросы иностранцев о сибирских лагерях.

Сталин поощрял талантливых писателей-юмористов, избегающих острых тем. Именно на пике массовых репрессий были созданы искрометные кинокомедии «Цирк» и «Волга-Волга», популярные по сей день. По всей стране тогда развивалась индустрия юмора.

Советская манера высмеивать трагедию перешла и в Зарубежную Церковь.

– Правда ли, что Алексей Второй пренебрежительно назвал Зарубежную Церковь «полторы старушки»? – спросила одна из женщин на нашем приходском собрании в вашингтонском Свято-Иоанно-Предтеченском соборе.

– Да, назвал! Ну и что в этом такого? – тонко улыбнулся настоятель о. Виктор Потапов, очевидно, воздавая должное патриаршему юмору.

– А почему в России недавно опять закрыли несколько наших приходов? – не сдавалась прихожанка.

– А потому, что у них регистрации нет! – весело парировал второй священник, о. Владимир Бойков, и вопрос был закрыт.

– Да у них заговор! – догадался я.

Эх, не было у меня в руках микрофона, чтобы спросить: а почему, собственно, не регистрировали приходы? Что помешало?

Похоже, большинство прихожан, выросших в Америке, поняли это так, что приход лишь не успели вовремя зарегистрировать. Ведь любая регистрация здесь – только техническая процедура.

А в России регистрацию надо заслужить! Многомесячным хождением по кабинетам, униженными мольбами и взятками.

Потому что в нашей стране она носит разрешительный характер. В регистрации могут и отказать. А добиться правды в суде очень трудно.

Регистрацией общественных и религиозных организаций ведает Министерство юстиции. Всегда бывшее тихим, скучноватым и сугубо штатским ведомством, при Путине оно милитаризовалось.

Теперь Министерство юстиции входит в силовой блок. У него даже появилась своя армия. Она состоит из спецвойск («спецназ») и тюремного ОМОНа. Так называ-

ются боевые отряды милиции особого назначения, призванные подавлять восстания заключенных. А пока их нет, омовцы тренируются на мирных узниках.

Раз в месяц рота мускулистых бойцов вламывается в тот или иной лагерь и молотит дубинками всех без разбора. Иногда рядом ходят врачи и указывают больных, с которыми следует обходиться щадяще. При Ельцине правозащитники возмущались этим, а сейчас помалкивают. Да и выразить протест негде.

Весь силовой блок находится под контролем ФСБ. Министерство юстиции пребывает с нею в постоянном рабочем контакте, в том числе по вопросам следствия.

Московская Патриархия также официально сотрудничает с обоими этими ведомствами через свой Отдел по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными органами. Результатом этого взаимодействия становится закрытие приходов Зарубежной Церкви.

Его обоснованием служит то, что Московская Патриархия не признает за Зарубежной Церковью права окормлять в России, на своей исторической родине. Она считает зарубежных непрошеними гостями, вроде католиков. Однако здесь, на Западе, почему-то считается хорошим тоном умалчивать об этом.

Алексей Второй заявил на встрече с преподавателями и слушателями Российской академии госслужбы в конце 2003 года: «Русская Зарубежная Церковь создала параллельные приходы на территории России и республик бывшего СССР, тем самым перейдя на каноническую территорию Московского Патриархата».

А вот уж с этим позвольте не согласиться! Русскую Зарубежную Церковь создали те епископы и священники, которые поколениями служили именно на этой земле, называвшейся тогда Российской империей. Отсюда они уезжали в вынужденную эмиграцию, уходили от красных штыков, направленных в спину. Среди них был и святой Иоанн Сан-Францисский. Что же, теперь Россия и для него стала неканонической страной?

Но где же тогда каноническая территория Зарубежной Церкви? За рубежами России? Но там действуют и приходы Московской Патриархии! И что-то я не слышал от ее представителей такую фразу: «Недавно мы открыли храм в Буэнос-Айресе, на нашей неканонической территории!».

Выходит, она там тоже каноническая. Как и везде, где нужно по праву сильного. Так рассуждал Сталин, крестный отец нынешней Московской Патриархии.

Невольно приходит на ум один из эпизодов, о котором вспоминали бывшие президенты прибалтийских республик, аннексированных Сталиным в 1939–40 годах. Они писали, что советские дипломаты были исключительно вежливы с ними до тех пор, пока не был подписан пакт о присоединении. В одно мгновение дипломаты сделались необычайно грубы и сдали своих подопечных в НКВД.

Думаю, именно так присоединят и Зарубежную Церковь. Методом враждебного поглощения.

Словарь толкует это понятие так: «Скупка одним лицом или группой лиц контрольного пакета акций без согласия руководителей и акционеров компании».

На Западе это деяние уголовно наказуемо, а в России разрешено. Там оно – норма жизни. Именно враждебным поглощением разрешается большинство конфликтов между российскими фирмами.

Но вернемся к выступлению Патриарха в Российской академии госслужбы. В нем есть поистине историческое высказывание.

«Встречаясь с тремя епископами Русской Зарубежной Церкви, которые представляли епархии Соединенных Штатов Америки, Германии и Австралии, я начал с того, что прочитал выдержки из письма, написанного в 1991 году в ответ на письмо, которое направил мне и одновременно митрополиту Виталию (Устинову) Конгресс соотечественников, который проходил в Москве в августе 1991 года».

Промыслом Божиим случилось так, что этот конгресс стал последним политическим мероприятием советской власти. На второй день его работы произошел Августовский путч, ознаменовавший ее конец.

Но готовил-то этот конгресс КГБ! А кто еще в нашей стране имел право якшаться с предателями и шпионами, как ласково именовали наших зарубежных соотечественников в советских коридорах власти? Пожилые преподаватели в Минской школе КГБ называли их не иначе, как «эмигрантской сволочью». Это ведь никуда не ушло! Избавления от старых коммунистических кадров в КГБ не было!

Молодые разведчики, выпускники гуманитарных факультетов МГУ, среди которых было немало моих друзей, писали все липовые бумажки этого конгресса, в том числе и вышеупомянутое письмо.

И в самом деле, можно ли представить, что эмигранты, съехавшиеся со всего мира и пребывавшие под постоянным наблюдением КГБ, вот так сразу выступили с воззваниями к главам двух Церквей? И чтобы это воззвание до них дошло? И легло бы в патриарший архив? Да пока авторы письма согласовывали свои мнения, конгресс бы кончился!

До сих пор помню возмущенные молодые голоса, разносившиеся по коридорам штаб-квартиры разведки КГБ в Ясенево: «Почему мы должны заниматься этим дурацким конгрессом, когда разваливается страна? Что будет с нами завтра? Что станет с нашими семьями?»... Но – жесткая воинская дисциплина брала верх.

Это говорит о том, какое огромное значение КГБ придавал присоединению Зарубежной Церкви еще в советское время! Он не забывал об этом даже на краю собственной гибели!

Государственный переворот и Конгресс соотечественников КГБ готовил одновременно. И руководили этим одни и те же люди.

Ничего не изменилось и в наши дни. 7 апреля 2004 года это подтвердил в прямом эфире телекомпании МНЗ-2 заместитель Председателя думского Комитета по общественным организациям и религиозным объединениям Александр Чуев.

«В деле обеспечения христианского единства самым главным для нас является присоединение Зарубежной Церкви», – заявил он прямым текстом.

Так он проговорился о том, что это задача общегосударственная, а не церковная. Крупному деятелю новой путинской России и в голову не пришло, что Церковь у нас все-таки отделена от государства. И что ее использование в государственных интересах раньше было принято хотя бы маскировать.

Но сейчас о них принято говорить прямо, как в армии. То, что нужно государству, считается святым. А уж кому Путин отдаст сталинский приказ – Думе, разведке или Церкви, не так важно.

Все эти ведомства в одинаковой степени зависят от государства. Ведь храмы Московской Патриархии ей не принадлежат! Они находятся в государственной собственности, хотя на Западе об этом почему-то не знают. Там исходят из того, что Церковь в России так же материально независима, как в Америке. Хотя на самом деле она пребывает в финансовых тисках государства.

«Православная газета», официальное издание Екатеринбургской епархии Московской Патриархии, характеризует это положение так: «В 1917 году все имущество Православной Церкви было национализировано и фактически перешло в собственность государства. В последнее десятилетие ранее национализированное стали передавать верующим. Но, как оказывается, в собственности Русской Православной Церкви нет на сегодня ни одного храма. Храмы передаются всего лишь в пользование».

Странно слышать это, потому что Закон о свободе совести от 1997 года разрешает передачу государственной собственности Церкви. Пункт второй статьи 22 гласит: «Передача религиозным организациям в пользование по функциональному назначению культовых зданий и сооружений с относящимися к ним земельными участками и иного имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности, осуществляется безвозмездно».

Однако с 1997 года так ничего передано и не было! Государство предпочло другой путь, изложенный в пункте первом все той же статьи: «Религиозные организации вправе использовать для своих нужд земельные участки, здания и имущество, предос-

тавляемые им государственными, муниципальными, общественными и иными организациями и гражданами, в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Но все это может быть отображено при изменении политического курса страны.

В Московской Патриархии с тревогой ждут массового оттока верующих в Зарубежную Церковь после избрания митрополита Кирилла патриархом. Простые россияне понимают, что Зарубежная Церковь – носитель более чистого православия, уходящего корнями в царскую Россию. Что она по-настоящему независима от государства хотя бы потому, что государств, на территории которых она осуществляет свое окормление, много, и она ни к одному из них не принадлежит.

Именно поэтому типовой Устав прихода Московской Патриархии лишает его всего имущества в случае ухода в другую Церковь, в том числе и в Русскую Зарубежную. Церковный устав царской России такого требования не содержал. На Западе церковный приход также вправе распоряжаться своим имуществом. Это крайне затрудняет переход патриарших общин в Зарубежную Церковь.

Но зато сама Московская Патриархия не упускает случая завладеть ее имуществом, проявляя при этом невиданное оперативно-чекистское мастерство.

Об этом рассказывает газета «Церковные новости».

Недавно в юрисдикцию Московской Патриархии перешел один из английских приходов. РПЦЗ сама дала на это согласие, поскольку приход разваливался. В его Совете оставалось лишь несколько стариков – кто из второй эмиграции, а кто даже из первой. Поведение посланцев Московской Патриархии не на шутку встревожило их.

Тогда как приходской Совет старался решать проблемы по-хорошему, по-православному, общими силами, московские гости только приказывали, обманывали и угрожали. Пожилые прихожане, проведя всю жизнь на буржуазном Западе, никогда не сталкивались с такими авторитарными методами. Это живо напомнило им то, как бесцеремонно и по-милицейски грубо Московская Патриархия отнимала храмы Зарубежной Церкви на Святой Земле в 1997 году.

Прихожане растеряны и не знают, что делать. У них создалось впечатление, что представители Московской Патриархии интересуются больше имуществом, чем приходской жизнью.

Главная проблема отношений между Зарубежной Церковью и Московской Патриархией – это разница менталитетов, говорят они. Если зарубежники сформировались в условиях свободы, то Московская Патриархия – при диктатуре, когда Церковь служила правительству. В Зарубежной Церкви много монахов, которые не умеют и не хотят быть политиками. Они проигрывают церковным аппаратчикам...

Один из прихожан так написал обо всем этом:

«Архиепископ Анатолий стал манипулировать приходом, говоря нам одно, а делая другое. Он пообещал разумное самоуправление под началом Патриарха, а вместо этого подготовил за нашей спиной юридические документы, по которым приход лишается всей собственности, включая землю, и превращается в подразделение Отдела внешних церковных сношений.

А это – совершенно не каноническая организация, пережиток советско-кагэбэшного времени, сохраняющая, однако, гигантскую власть под Путиным в Патриархии.

Троих пожилых прихожан, юридических хранителей собственности, принуждают теперь подписать договор, отстраняющий их от власти. Сменщиков будет назначать митрополит Кирилл, Председатель Отдела внешних церковных сношений. Даже Патриарх упомянут в договоре третьим после него!

Новый договор даже не требует, чтобы юридические хранители собственности были православными и принадлежали приходу! Это означает, что если старики подпишут договор, то их выкинут, а вместо них назначат троих адвокатов из Лондона. Они станут выполнять инструкции митрополита Кирилла. Сам же приход можно будет считать закрытым.

Это и есть сергианство в действии! Примета не прошлого, а сегодняшнего дня! Его порождает отсутствие соборного управления, господство всемогущих бюрократических организаций типа ОВЦС и самой Патриархии, которую правильнее было бы называть личным аппаратом Патриарха. Они привыкли действовать запугиванием и обманом – советскими аппаратными методами, привитыми на церковную почву.

Зарубежные русские должны понимать, что Церковь в России – и лучше, и хуже, чем они думают. Это не одна только церковная бюрократия. Там есть и истинно православные люди, противники экуменизма и обновленчества.

Но иметь дело Митрополиту Лавру и другим придется не с ними, а с руководством, включающим людей типа Митрополита Кирилла, которые просто хищники, не пастыри, а волки.

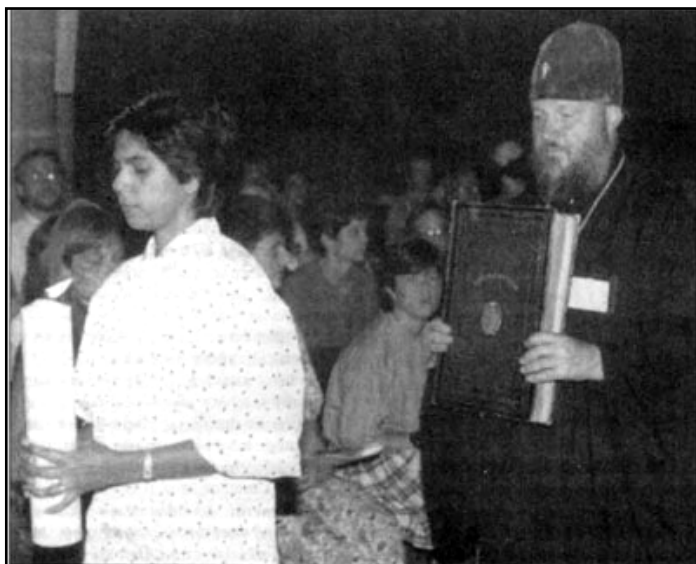
Если этого не понять, а пойти с ними на необдуманное соглашение, то Зарубежную Церковь просто съедят.

Это будет трагедией для Церкви в России. Потому что пока Зарубежная Церковь сохраняет независимый голос, православным в России легче бороться за исправление Патриаршей Церкви».

ЭКУМЕНИЗМ И РАЗВЕДКА

Российская разведка сопровождает каждую свою крупную политическую акцию волной вранья в мировой прессе. Ее создает дезинформационная Служба «А». Она сочиняет ложные тезисы и вбрасывает их в прессу через подкупленных журналистов, своих агентов. Затем честные люди воспроизводят их в своих статьях и интервью, принимая за чистую монету.

Узнать почерк разведки можно лишь по частой повторяемости тезисов. Ведь за каждый повтор Служба «А» дает дополнительную плату.

На заседании Всемирного Совета церквей митрополит Кирилл (Гундяев) совершает экуменическое «богослужение», ему «прислуживает» председательница ВСЦ язычница Прианка Мендис из Шри Ланка

Оба эти тезиса ложны. При внимательном рассмотрении они рассыпаются, как картонный домик.

Миф № 1. Россия порывает с экуменизмом.

В операции «Зарубежная Церковь» таких тезисов два.

1. Московская Патриархия готова порвать с экуменизмом и вот-вот выйдет из Всемирного Совета Церквей. Осталось сделать небольшой шаг. Вопрос о предстоящем выходе уже широко обсуждается в приходах.

2. Путину нужен «свой» патриарх. У Сталина был Сергей, у Хрущева Алексей, у Брежнева Пимен, а Путин хочет видеть патриархом митрополита Лавра. Но для этого вначале нужно присоединить РЗЦ к Московской Патриархии.

Оба тезиса рассчитаны на русских эмигрантов, искренне любящих свою историческую родину, но не знающих многих ее неписаных законов.

Увы, этот вопрос у нас не является предметом общественного интереса. Хотя бы потому, что большинство наших верующих составляют деревенские старухи, которые и слова-то такого не знают: «экуменизм». Они во всем, полагаются на мнение батюшек.

А те иногда со вздохом признают, что вступить во Всемирный Совет Церквей их заставил КГБ. А вот с какой целью – не объясняют.

Но советские времена вроде кончились, а Россия по-прежнему там. Значит, и нынешней разведке это членство необходимо. Но для чего?

Ответ прост: для того, чтобы через завербованное иностранное духовенство влиять на политических деятелей Запада.

Ведь во многих странах среди ревностных прихожан есть и парламентарии, и министры обороны, и начальники разведок. Почему бы российской разведке не попытаться их завербовать через одного из епископов или кардиналов?

Эта идея вполне реальна. Только сначала надо сделать так, чтобы эти иерархи сами стали нашими агентами. Этим и занимается вся огромная миссия Московской Патриархии под руководством Женевской резидентуры разведки.

Огромное скопление духовенства избавляет российских разведчиков от необходимости тратить на дорогу. Да и повод для знакомства весьма убедителен: мол, интересуюсь вашей деятельностью в Совете Церквей. Расскажите мне о себе, дайте интервью!

И иностранный епископ вполне может согласиться на душевную беседу с русским другом: ведь проповедь – его пастырская обязанность.

А тот вручает дорогой подарок. Или, наоборот, показывает фотографию, публикация которой на страницах газет сломает епископскую карьеру. После этого вербовка идет как по маслу.

Бывает и по-другому. Иностранный епископ сам вербует нашего разведчика и обращает его в свою веру. Такие случаи бывали. В вербовке побеждает тот, кто духовно сильнее.

И совсем не так легко установить первичный контакт с тем же епископом в родной для него стране. Если там к нему попросится на прием российский журналист, отчего-то вспыхнувший интересом к религии, реакция епископа будет настороженной: «Почему вас интересую именно я, а не другой мой коллега?»

У представителей МП в ВСЦ тоже много работы. Служба внешней разведки использует их в качестве сводников с иностранным духовенством.

«Это мой друг из российского посольства! Очень достойный человек! От всей души рекомендую его вам!» – убедительным густым басом говорит московский батюшка, представляя лютеранскому пастору малознамого российского дипломата с бегающими глазками. И пастор, выросший в тепличных условиях буржуазной демократии, свято этому верит.

Ведь его никто никогда не обманывал: на Западе ложь считается признаком дурного тона. Пастор просто не успел научиться распознавать ее.

А в России ложь – норма жизни. Советские люди воспитаны в обстановке всеобщего вранья. Нас обмануть труднее.

Пастор польщенно улыбается, услышав предложение продолжить беседу в ресторане. Там он краснеет в смущении, видя непомерно роскошный набор блюд.

И, естественно, соглашается выполнить маленькую просьбу своего собеседника о том, чтобы не звонить друг другу по телефону, а назначить время и место следующей встречи прямо сейчас.

А это – первый признак шпионажа. Разведчик знает, что его телефон прослушивает швейцарская контрразведка, и старается скрыть от нее свое знакомство с пастором.

Однако все то, что проделал сейчас российский разведчик с пастором, по плечу и духовному лицу из Московской Патриархии. Если, конечно, он – опытный агент КГБ. В советское время только таких и посылали во Всемирный Совет Церквей.

Но духовенство молодеет. После 1991 года его массовая вербовка уже не проводилась. Затрудняет ли это сейчас работу нашей разведки?

Нет, потому что она знает, что любой священник, работающий за рубежом, должен выполнять все поручения российского посольства. Ведь Московская Патриархия взяла курс на поддержку государства во всем. Даже в том, что не согласуется с христианской совестью.

И потому, даже не будучи завербованным, московский священник все сделает так, как прикажет ему российский разведчик.

По его поручению он будет сам приглашать пастора в рестораны и заводить там разговоры на щекотливые темы, выискивая слабые места. Потом пойдут более рискованные поручения – например, напоить пастора допьяна и снять отпечатки пальцев. Или ключей.

Так постепенно молодой русский священник сам становится агентом разведки. Без колебаний он дает расписку о сотрудничестве и берет политически грамотный псевдоним «Патриот». А посольский разведчик получает из Москвы двойное поощрение.

Не случайно Солженицын назвал Всемирный Совет Церквей «изрядно осовеченным». Это – результат многолетней совместной работы КГБ и Московской Патриархии.

Ее участие в экуменическом движении – это не более чем ширма для российской разведки.

Работа по Всемирному Совету Церквей – важнейшая задача линии «ПР» (политическая разведка) женеvской резидентуры Службы внешней разведки. Полтора десятка офицеров занимаются только ею. У каждого есть план-задание на несколько лет вперед и сменщик в Москве, мечтающий провести в Швейцарии четыре счастливых года.

Что же, теперь прикажете лишаться всего этого, чтобы угодить Русской Зарубежной Церкви? А не проще ли пойти другим путем: растворить ее Московской Патриархии, как некогда чекисты растворили в ванне с кислотой белого генерала Кутепова? А похитить его в Париже помогли такие же белые генералы!

Да и российское духовенство тоже не возражает против поездок в Швейцарию.

Людам, живущим на Западе, трудно представить, какую щемящую радость доставляет россиянам мысль о поездке за границу. А уж пожить там несколько лет в комфортных условиях многим представляется и вовсе неслыханным счастьем.

Представьте себя священником сельского храма на русском Севере, где весной и осенью непролазная грязь, а в церковь ходят только дети, потому что родители беспробудно пьют. И вдруг в один из дней епископ намекает вам, что появилась возможность прокатиться в Швейцарию, да со всей семьи, да на несколько лет... А оттуда возвращаться в сельскую глушь вовсе не обязательно.

Тут слезы счастья потекут по вашему изможденному лицу.

Вспомним и о том, что у многих священников есть сыновья, пошедшие по отеческим стопам. Работа во Всемирном Совете Церквей совсем не помешает их карьере.

Поэтому Московская Патриархия и дальше будет с серьезным видом уверять Зарубежную Церковь о своем предстоящем выходе из Всемирного Совета Церквей, не делая для этого ни одного шага.

По той же причине, думаю, она очень скоро восстановит отношения с Епископальной церковью, прерванные в конце 2003 года из-за избрания епископом гомосексуалиста.

Епископальная церковь нужна разведке! Слишком сильна она в США, слишком много среди ее приверженцев американских генералов, крупных политиков, засекреченных ученых и прочих лиц, представляющих вербовочный интерес.

А епископов-гомосексуалистов и в Московской патриархии хватает. Только они об этом помалкивают. Гомосексуализм здесь иносказательно именуют «никодимовым грехом».

Ведь в течение 70 лет КГБ продвигал на высшие церковные посты именно гомосексуалистов. Даже патриарх Сергей, говорят, тоже был им. Постоянно пребывающие под дамокловым мечом разоблачения, гомосексуалисты были легко управляемы.

В то же время КГБ практиковал ложное обвинение непокорных епископов в гомосексуализме. Вот что пишет епископ Григорий (Габбе) в книге «Русская Церковь перед лицом господствующего зла», рассказывая о Поместном соборе Русской Православной Церкви 1971 года: «Об архиепископе Новгородском Павле один архиерей заметил: «Вся вина владыки Павла в том, что он привлекает молодежь, и вот ему хотят вклеить педерастию. Погубят они владыку Павла, погубят. Раз кто стал на прямую линию, погубят!» Так и получилось. Его убрали, и больше о нем ничего не известно».

Гомосексуальные скандалы разыгрываются в Московской Патриархии только тогда, когда они приходят извне. Героем такого скандала, случившегося в 1999 году, был епископ Екатеринбургский Никон.

Патриархия долго игнорировала многочисленные жалобы священников, но не смогла сделать вид, что не замечает громких выступлений газет. Решением Священного Синода его отправили «на покой» в Псково-Печерский монастырь.

Но уже в 2002 году епископ Никон появился в Москве в качестве настоятеля храма в Вешняках, одного из самых богатых в столице. Его спасло влиятельное гомосексуалистское лобби Московской Патриархии.

Миф № 2. Патриархом может стать иностранец. Зерна этой лжи падают на благодатную почву. Ведь в Кремле и в самом деле пока не определились с новым патриархом!

К митрополиту Кириллу, разбросавшему всех конкурентов и ставшему недавно единственным кандидатом на патриарший престол, в Кремле относятся без восторга. Думаю, причины этого лежат далеко от вопросов веры. Скорее всего, речь идет о борьбе властных кланов.

На месте митрополита Кирилла Кремль хотел видеть другого митрополита – Мефодия. Говорят, что он даже не агент КГБ, как все другие советские епископы, а кадровый офицер Главного разведывательного управления министерства обороны. Что, впрочем, не мешает ему быть агентом КГБ, поскольку армия также находится под его контролем.

У нас таких людей называют «офицерами глубокого прикрытия». В Московской Патриархии их немного, но они очень влиятельны, потому что имеют на связи агентуру среди духовенства.

Для Путина митрополит Мефодий – свой в доску. Наедине с ним можно общаться без церемоний на правах Верховного главнокомандующего.

Да вот беда – митрополиту Кириллу удалось усладить Мефодия в далекий Казахстан. Хотя тот пользовался уважением верующих за то, что ему удалось поднять Воронежско-Липецкую епархию из руин.

Сейчас окружение митрополита Кирилла распускает слухи о том, что он, став патриархом, резко поднимет престиж Церкви, уравнивает ее с государством. То есть повторит эксперимент патриарха Никона, правившего в XVII веке. Даже тогда он кончился неудачно. В путинской же России, где ФСБ контролирует все, он будет пресечен на корню.

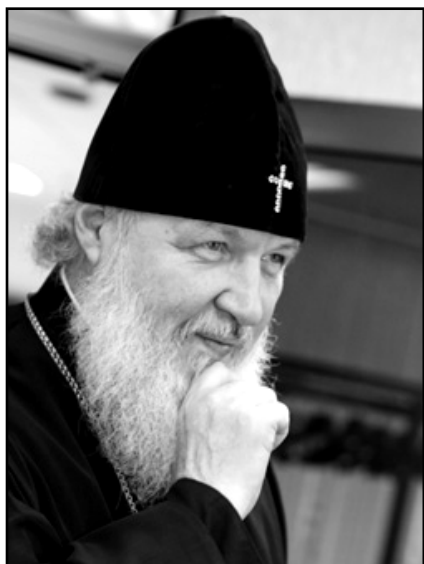
Да и ни в чем подобном митрополит Кирилл ранее не был замечен. Наоборот, для него характерно другое: пренебрежение церковным администрированием ради бизнеса, к которому у него явно лежит душа.

Да и не стоит переоценивать степень кремлевского недовольства митрополитом Кириллом. Ведь он тоже агент КГБ! Кличка его – «Михайлов». Это значит, что Путину известна вся его частная жизнь. Он полностью беззащитен.

В сейфах Лубянки хранится множество папок с документами, компрометирующими митрополита Кирилла. Их положено иметь о каждом агенте. Этого требуют правила КГБ.

Если агентом стал кристально честный человек, обманом втянутый в сотрудничество, компроматериалы создают намеренно. Их или фабрикуют, заставляя других агентов писать ложные доносы, или втягивают честного человека в сомнительные ситуации, вынуждают совершать преступления. Потом перед ним выкладывают доказательства и говорят так: «Теперь ты у нас на крючке! Не вздумай своевольничать!»

На языке КГБ это называется «закреплением сотрудничества». Пункт о необходимости получения все новых «закрепляющих материалов» стоит в годовом плане работы с каждым агентом.

Митрополит Кирилл (Гундяев).

А на митрополита Кирилла никаких компроматериалов и выдумывать не надо! Достаточно его гражданского брака, о котором все знают.

А что касается закона мирского, то стоит Кириллу сделать неверный шаг, как с ним поступят так же, как с Ходорковским: упекут в тюрьму за финансовые махинации. Российские законы устроены так, что любого предпринимателя всегда можно привлечь к уголовной ответственности.

А угодливые российские журналисты будут радостно восклицать: «Вот видите, перед российским законом все равны! Даже митрополиты!»

В этом суть путинского «избирательного правосудия».

Поэтому митрополит Кирилл, став патриархом, будет ходить по струнке и выполнять все указания Кремля.

Избрание талантливого бизнесмена Кирилла на патриарший престол вызовет глубокое разочарование россиян. Значительная часть их перейдет в другие православные церкви, в том числе в Русскую Зарубежную. Поэтому уже сейчас митрополит Кирилл встал в ряды ее яростных гонителей. Да, да, той самой Зарубежной Церкви, с которой Московская Патриархия так мечтает соединиться!

Митрополит Мефодий (Немцов).

В марте 2004 года Кирилл вызвал в Москву епископа Ишимского и Сибирского Евтихия, принадлежащего к Зарубежной Церкви, и поставил ему ультиматум – или стать патриаршим викарием, или убраться вон из России.

Как странно это согласуется с принципом отделения Церкви от государства!

А кстати, кто у нас выдает или аннулирует визы? Министерство иностранных дел, – скажут мне. Так-то оно так, но только после проверки, которую проводит ФСБ. Именно она, а не МИД, на самом деле выдает визы. Ею и страдал митрополит Кирилл епископа Евтихия.

ФСБ – это воссозданный КГБ советской эпохи. После демократических реформ девяностых годов чекистам удалось все вернуть назад. В нынешнюю ФСБ входят все управления советского КГБ, кроме двух: Первого, разведывательного, и Девятого, охранявшего членов Политбюро.

Но и они сохраняют тесные связи с ФСБ. От советского КГБ у них остались общие с нею органы жизнеобеспечения – поликлиники и госпитали, дома отдыха, пенсионная система, а главное – телефоны оперативной связи – ОС. По ним чекисты могут поговорить обо всем, не боясь быть подслушанными. Все они считают День чекиста, отмечаемый 20 декабря, своим общим профессиональным праздником.

Бывшее Первое главное управление КГБ называется сейчас Службой внешней разведки. Оно с успехом проводит операцию «Зарубежная Церковь».

А бывшее Девятое управление теперь именуется Федеральной службой охраны. Она охраняет Путина, еще ряд высших сановников и – Патриарха всея Руси...

«Ну и что же в этом плохого? – могут мне возразить, – президент заботится о жизни Алексия Второго...

О нет, президентская охрана предназначена вовсе не для этого! Она назначается по другому признаку – по степени доступа охраняемого лица к государственным секретам. Чем больше он их знает, тем выше вероятность того, что его могут похитить и выкачать все секреты с помощью пыток или психотропных препаратов.

Не жизнь охраняемого лица, а тайны, которые он знает – вот истинный предмет заботы президентской охраны.

А жизнь? Та же охрана может ее и отнять.

Когда сановник попадает в немилость, его арест тоже поручают охране.

Как, должно быть, тяжело ощущать, как руки, еще минуту назад бережно поддерживавшие тебя под локоть, предательски-грубо хватают сзади и запикивают в машину.

Создатель советских космических кораблей академик Сергей Королев немало лет провел в сталинских лагерях. Снова достигнув славы, он признавался друзьям, что никак не может привыкнуть к своей охране. «Ложась спать, я жду, когда они ворвутся в спальню и закричат: «Собирайся, падла!».

Все это ему уже пришлось однажды испытать.

Главное для охраны – не допустить утечки секретов. Поэтому она прослушивает разговоры охраняемого лица и следит за ним днем и ночью. Отделаться от нее нельзя.

Нет, скажу я вам, охрана от КГБ – совсем не такое большое счастье!

Патриарха Алексия Второго охраняют по высшему разряду, словно начальника самой секретной службы. Потому что он знает главное – тайны кремлевского двора, порой гнусные и страшные. Любая из этих тайн может вызвать международный скандал.

Медицинским обслуживанием патриарха также занимается Кремль. Алексей Второй лечится в Кремлевской больнице вместе с высшими государственными чиновниками. И действительно, лечат там превосходно. Да вот беда: лечение высокопоставленных пациентов – не единственная задача врачей Кремлевской больницы. Есть и еще одна – их устранение по приказу сверху.

Эта сторона больничной жизни окутана мраком тайны. Одному Богу известно, сколько наркомов и партийных секретарей окончили свое земное существование в опытных руках врачей Кремлевской больницы! Известно только о Фрунзе, сталинском наркоте обороны. Ему сделали ненужную операцию по приказу Сталина.

Устраняли там и духовных лиц. Ведь верхушка Московской Патриархии тоже была прикреплена к Кремлевской больнице еще в сталинские времена. Непонятно, какую ценность представляла жизнь иерархов для коммунистических властей, открыто поставивших целью уничтожение религии и церкви.

Епископ Григорий (Габбе) пишет в своей книге «Русская Церковь перед лицом господствующего зла»: «Священный Синод вынес отлучение и предал анафеме всех «бывших православных», открыто хуливших имя Божие. Затем в начале 1963 года Патриарх Алексей выступил с мужественной речью на заседании Всесоюзного конгресса в Кремле, в которой он довольно ясно намекал на притеснение Церкви со стороны правительства.

За эти два деяния митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) поплатился жизнью. Это была первая жертва хрущевского гонения».

С митрополитом Николаем расправились тоже в Кремлевской больнице, вызвав у него сердечный приступ.

Так неужели Алексей Второй, безусловно зная обо всем этом, не нашел в себе сил отказаться от Кремлевской больницы? Выходит, что не нашел. Да и пристало ли

ему пользоваться вообще какой-либо охраной? Не лучше ли положиться на Волю Божию?

А вдруг митрополиту Лавру, если он станет патриархом, не понравится, что его днем и ночью пасет путинская охрана?

Вдруг он решит пользоваться услугами частных врачей вместо того, чтобы покорно ложиться на операционный стол в Кремлевской больнице?

А главное – что, если он откажется призывать россиян голосовать за Путина, как это сделал недавно Алексей Второй?

Что прикажете делать с митрополитом Лавром, если он сошлется на то, что Церковь у нас отделена от государства?

На языке КГБ таких людей называют «неуправляемыми». Зато митрополит Кирилл, наоборот, вполне управляем. А потому – пусть лучше он будет патриархом. А остальное – дело техники!

«ДРУГ» АРХИЕПИСКОПА МАРКА

1. МИТРОХИНСКИЙ АРХИВ РАЗОБЛАЧАЕТ

«Друг» – это агентурный псевдоним протоиерея Василия Фонченкова, священника Русской Зарубежной Церкви. В семидесятые годы он помогал КГБ сажать в тюрьмы священников-антикоммунистов. Теперь это не мешает ему пребывать в клире Зарубежной Церкви. КГБ чувствует себя в ней настолько уверенно, что не считает нужным скрывать свою агентуру. Служит «Друг» в Зальцбурге.

Не верите? Отсылаю вас к книге «Архив Митрохина», написанной в соавторстве с профессором Кристофером Эндрью. Василий Митрохин, начальник архивного отдела КГБ, умудрился вывезти в 1992 году на Запад множество секретных документов. На протяжении десятилетий, рискуя жизнью, он тайно выносил их копии из здания КГБ. Лицо Митрохина мне знакомо, я встречал его в коридорах Лубянки. Он производил впечатление сурового правоверного коммуниста. Видимо, такая кондовая внешность спасла его от подозрений.

Высокий профессионализм Митрохина позволил нам не ограничиваться бездоказательным навешиванием на священника агентурного ярлыка. Вот факты, которые он приводит.

«Христианский Комитет в защиту прав верующих старался защитить себя от проникновения КГБ в том числе и за счет своей малой численности, которая никогда не превышала четырех человек. Однако в мае 1979 года в него вступил о. Василий Фонченков, о котором в Комитете не знали, что за девять лет до этого он был завербован Пятым управлением КГБ в качестве агента под псевдонимом «Друг». Как отмечается в его личном деле, он «использовался в разработке лиц, представляющих оперативный интерес (в Православной Церкви), выполнял задания добросовестно и проявлял инициативу». С 1972 года Фонченков работал преподавателем Духовной академии в Загорске, одновременно занимая должность в отделе международных отношений Московской Патриархии. В 1976-77 годах он был священником церкви св. Сергия в Восточном Берлине и издателем *Stimme der Orthodoxie* («Голос Православия»), журнала Центрально-Европейского экзархата Московской Патриархии. Его связи в иностранных церквях вполне могли рекомендовать агента «Друга» ничего не подозревавшим коллегам в Христианском Комитете.

Кампания борьбы КГБ с открытым диссидентством в православной Церкви достигла пика в 1979–80 годах, ознаменовавшись волной арестов ведущих диссидентов, – главным из которых был о. Глеб Якунин, – которых впоследствии посадили в тюрьму

или убедили публично покаяться. Возможно, для того чтобы спасти Фонченкова от расшифровки, он был вызван в КГБ для допроса, после чего выступил с заявлением о том, что ему угрожали арестом, однако обвинение ему никогда не предъявлялось». (Здесь и далее цит. по книге Кристофера Эндрю «Меч и щит. Митрохинский архив и секретная история КГБ.»)*.

Один только факт работы о. Василия Фонченкова в Отделе внешних церковных сношений Московской Патриархии позволяет говорить о его агентурном сотрудничестве с КГБ. Ведь этот отдел неканонический. Он был создан советским КГБ для использования внешнецерковных контактов в своих целях. Истинные начальники этого отдела сидят вовсе не в Патриархии, а в небольшом розовом здании у метро «Проспект Вернадского». Там находится управление РТ Службы внешней разведки. Эта аббревиатура означает «разведка с территории России». Управление РТ также направляет в шпионские командировки российских ученых, общественных деятелей. Некоторые его офицеры работают под видом мирян в Отделе внешних церковных сношений.

«А может быть, там не все агенты?» – спросите вы. Увы, все. Потому что каждый может стать невольным свидетелем тайных операций разведки и других нарушений конституционного принципа отделения церкви от государства. КГБ может убеждаться от огласки, только если накрепко привяжет каждого подпиской о сотрудничестве.

Далее автор «Меча и щита» отмечает, что в 1979 году КГБ удалось склонить к публичному покаянию священника Дмитрия Дудко, однако добиться того же от о. Глеба Якунина не представлялось возможным. Поэтому, пишет он, «только жене Якунина разрешили присутствовать на суде. Остальные члены семьи и друзья, а также западные журналисты, не были туда допущены... Среди получивших отказ был и Фонченков. Возможно, это было сделано для того, чтобы спасти его от расшифровки».

На официальном церковном сайте ortho-rus.ru этот период биографии Фонченкова изложен в другой тональности: «В 1973 г. был рукоположен во священника, в 1976–77 гг. был настоятелем Сергиевского храма в Карлхорсте (Берлин) и редактором журнала «*Stimme der Orthodoxie*». В 1979 г. вступил в Христианский комитет по защите прав верующих, в настоящее время в юрисдикции Русской православной Церкви За рубежом. Служит в Зальцбурге». Здесь его вступление в Комитет выглядит как некая заслуга, вроде редактирования журнала на немецком языке. У неискушенных людей может сложиться мнение о том, что Фонченков и сейчас пребывает в этом Комитете, мужественно борясь за права верующих. Им и в голову не придет, что он вступил туда, чтобы разрушить его, а участников посадить.

2. СВИДЕТЕЛЬСТВО О. ГЛЕБА ЯКУНИНА

«А что скажет главный герой описываемых событий, сам Глеб Якунин?» – подумал я и набрал номер его московского телефона.

«Появление о. Василия Фонченкова в нашем Христианском комитете по защите прав верующих я воспринял спокойно, – рассказал о. Глеб. – Ведь мы были знакомы давно, и я знал, что он настроен антисоветски. Меня не смущало то, что он был сыном старого большевика, именем которого в Москве названа одна из улиц. В те годы дети махровых сталинистов нередко становились противниками режима. Правда, сейчас я понимаю, что недооценил той легкости, с которой он общался с нами, дискутировал. Ведь контакты с диссидентами были опасными для советских людей. Однако твердой уверенности в том, что Василий Фонченков агент КГБ, у меня не было, хотя он и преподавал в Духовной академии, находившейся под строжайшим контролем «органов». Отдел КГБ, занимавшийся ею, расположен напротив входа в Лавру, сразу за кинотеатром.

* Andrew, Christopher and Mitrokhin, Vasili *The Sword and the Shield. The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB*. New York, Basic Books, 1999, pp. 495-496.

«Я не держу зла на о. Василия и даже благодарен ему за то, что он осторожным намеком предупредил меня о готовящемся аресте, – подчеркнул о. Глеб. – Кроме того, он не свидетельствовал против меня. Его и еще нескольких человек почему-то избавили от допроса, хотя по логике должны были допросить. Так КГБ бережет свою агентуру. После того, как меня посадили, Фонченков занял руководящее положение в Комитете, но на следующий год его деятельность была свернута. Мы узнали, что Политбюро приняло постановление о том, чтобы искоренить все диссидентское движение репрессиями, и решили не рисковать людьми».

«После моего освобождения из тюрьмы я не встречался с о. Василием Фонченковым, но он звонил мне после выхода книги Митрохина. Голос его был встревожен. Он утверждал, что все написанное в ней – дезинформация, и спросил, не хочу ли я выступить с опровержением. Я отказался, объяснив, что считаю книгу Митрохина серьезным источником информации. Он спросил, не я ли был инициатором ее появления в свет. Я отвечал, что нет, и даже поблагодарил о. Василия за то, что он дал мне знать о моем предстоящем аресте. Это ему не понравилось, и он заявил, что ни о чем меня не предупреждал. Между прочим, он звонил мне из Москвы. Ему пришлось вернуться туда после того, как некоторые священники написали возмущенные письма митрополиту Лавру. Но когда небольшой шум стих, Василий Фонченков снова вернулся на Запад», – горько усмехнулся о. Глеб.

3. ДВА САПОГА – ПАРА?

«Друг» далеко не одинок. Просто через него Господь посылает нам вразумление. КГБ давно наспигивал «друзьями» Русскую Зарубежную Церковь. В ней немало священников со схожими биографиями. Вначале все они работали в чекистском Внешне-церковном отделе Патриархии. Затем по непонятным причинам, – скорее всего, по заданию КГБ, – перешли в Зарубежную Церковь, причем этот переход не сопровождался ни покаянием, ни разрывом с Москвой. В чем тогда был его смысл, неясно. А здесь, в Зарубежной Церкви, эти священники открыто работают на Москву. Но никого вокруг это почему-то не удивляет.

Легко представить, что случилось бы с советским разведчиком Штирлицем, героем знаменитого фильма «17 мгновений весны», если бы он ходил по коридорам гестапо и агитировал за Сталина. Но в Русской Зарубежной Церкви это почему-то происходит. Настолько мощны в ней позиции КГБ.

Готовясь к поглощению Русской Зарубежной Церкви, КГБ зорко следит за настроениями в эмигрантской среде. Сейчас его беспокоит, что в ней пошли разговоры о вербовке священников. Поэтому КГБ бросил очередной дезинформационный тезис: «Да, все советские священники, работавшие за рубежом, были агентами КГБ! Ну и что? Время было такое!» Недавно я услышал эту свежую мысль сразу от нескольких русских эмигрантов.

Ее лживость в том, что она отодвигает агентурную работу в прошлое. Дескать рухнула советская власть, кончилась и она. Но ведь КГБ-то не рухнул! А сейчас он прибрал к рукам всю государственную власть.

Все те, кто были агентами в советскую эпоху, остаются ими поныне. Есть только один способ прекратить быть агентом КГБ: отречься публично, в печати, и тогда КГБ сам исключит вас за расшифровку. Такие случаи были, и даже среди священников. Но «Друг» этого не сделал.

Его личного агентурного дела я не видел, но уверен, что в нем есть такая запись: «Использовался по делам, завершавшимся арестом и осуждением объектов оперативной разработки». Это значит, что он – агент боевой, не то, что какой-нибудь сельский батюшка, для отвода глаз сигнализирующий в КГБ о том, что другие священники пьют. «Друг» может использоваться в острых мероприятиях. И в этом смысле совсем не случайно то, что он находится в Австрии.

Ведь эта страна очень важна для российской разведки. В ней мягкий контрразведывательный режим, потому что нейтральная Австрия не представляет интереса для иностранных разведок. Поэтому КГБ давно привык проводить здесь рискованные мероприятия, за которые в других странах могут дать по шапке.

Как правило, это встречи с особо ценными агентами, висящими в своих странах на волоске – генералами, парламентариями, засекреченными учеными.

Вот один из них объявляет товарищам по работе:

– Что-то мне в Австрию захотелось! В древний Зальцбург! Пройтись, знаете ли, по моцартовским местам!..

– Что ж, поезжайте, это дело хорошее! – кивают товарищи. Через пару дней наш герой петляет по старинным улочкам Зальцбурга и в условном месте встречается с российским дипломатом. А вдруг за дипломатом следят? Нет, лучше заглянуть, в живописную русскую церковь! А в конце светской беседы со священником передать ему конверт с фото пленкой. Никакая контрразведка в церковь и сунуться не посмеет: вера – дело святое!

О. Василий Фонченков – правая рука архиепископа Марка. Неужели тот ничего не знает о книге Митрохина? Или, наоборот, упоминание в ней служит для него положительной характеристикой? Ведь и биография самого Марка полна недомолвок, словно у разведчика-нелегала. Неясно, как он, уроженец ГДР и офицер ее армии, перебрался на Запад в шестидесятые годы, ибо легально это было сделать нельзя. В семидесятые будущий архиепископ был задержан в Москве за ввоз антисоветской литературы, но вскоре КГБ тихо отпустил его, хотя по закону это было сделать невозможно. Все эти несообразности я проанализировал в статье «Две тайны архиепископа Марка». Ее можно найти в Интернете.

Там же я прочитал о том, что о. Василию Фонченкову являлся во сне император Николай Второй. Интересно, что он ему сказал? «Почему ты, друг, служишь Чека, убившей меня?».

МИТРОПОЛИТ ЛАВР И ЧЕКИСТЫ

1. ТЕМНОЕ ПОДВОРЬЕ

На какие деньги выстроено подворье джорданвильского монастыря в Подмоскovie? Когда задаешь этот вопрос русским эмигрантам в Америке, у них отвисает челюсть: ни о каком подворье они и понятия не имеют. Некоторые, впрочем, что-то слышали – то ли о нем, то ли о роскошной даче митрополита Лавра вблизи Москвы.

А между тем у подворья есть точный адрес: поселок Вельяминово Истринского района Московской области. Это престижнейшее дачное место на Новорижском направлении, куда посторонних не пускают. Здесь живут высокопоставленные чиновники-казнокрады и богатые российские предприниматели, многие из которых, как известно, имеют мафиозные корни. Рядом с джорданвильским подворьем возвышается дворец водочного короля.

Подворье занимает просторный трехэтажный особняк с мансардой и прекрасной домовою церковью, расписанной архиепископом Алипием. По оценкам специалистов, его стоимость явно превышает миллион долларов, особенно с учетом взяток местным властям, столь распространенных в России.

Есть в подворье и телефон, мало кому известный. Поэтому поднявший трубку монах Зарубежной Церкви Николай Савинов был очень любезен. Он объяснил, что подворье построено в двухтысячном году, но пока действует нелегально, как частный

дом. За благословением же на полноценное интервью он посоветовал обратиться к митрополиту Лавру.

Ничего себе частный дом, откуда переадресовывают в Америку, считающуюся в России день ото дня все более враждебной. И отсылают к митрополиту Лавру, хотя хозяином он не числится: дом, как я узнал, записан на группу других клириков Зарубежной Церкви.

Наличие иностранного подворья при Московской Патриархии предполагает сослужение с ней. По правилам Отдела внешних церковных связей, один только настоятель подворья присылается из-за рубежа, а служат в нем российские батюшки. Но ведь Зарубежная Церковь не имеет евхаристической общности с Патриархией! А подворье построено больше пяти лет назад. Неужели кто-то выбросил деньги на ветер?..

Митрополит Лавр (Шкурла).

Не надеясь на удачу, я позвонил в Джорданвилль митрополиту Лавру. И меня с ним соединили! В тот день на телефоне дежурил монах-американец, не владеющий русским языком и, видимо, не читавший моих статей о работе КГБ в Зарубежной Церкви. Если бы его заменил кто-нибудь из русских монахов, откровенно работающих на Москву, поговорить с Лавром мне бы не удалось. В случившемся я увидел Божий промысел.

Поначалу митрополит Лавр был благодушен.

– Подворье пока не открывалось, – сообщил он.

– Когда откроется?

– Когда договоримся.

– А когда подворье появилось в своем нынешнем виде? – уточнил я.

– Несколько лет назад, – ответил Лавр.

– Откроется ли оно официально после установления евхаристического общения с Московской Патриархией? – спросил я.

– Может быть, и позже, – пояснил Лавр. – Нужны люди туда. Возможно, вопрос о подворье будет обсуждаться на двусторонней комиссии...

Но когда я попросил объяснить, соответствует ли существование подворья каноническим правилам, Лавр насторожился.

– Для чего вам это нужно? – переспросил он. Я честно ответил, что для статьи.

– Это не описывается! – отрезал Лавр, и интервью закончилось.

Последний раз я получал такой ответ в штабе российских коммунистов. Я позвонил туда, чтобы спросить, в какой гостинице остановился Зюганов, глава КПРФ.

Но ведь о подворье уже знают российские власти, в первую очередь ФСБ, следящая за американскими организациями в России. Зачем же скрывать его от собственных прихожан? Ведь в Церкви не может быть никаких секретов.

Но как объяснишь, что строительство подворья началось в конце девяностых годов, когда и речи не было о сослужении с Московской Патриархией? Значит, вопрос был решен еще тогда, за спиной верующих. Значит, и переговоры с ней, начавшиеся в 2003 году, были фикцией, или, как говорили в советские времена, обманом трудящихся. А это скандал.

Московский протоиерей Михаил Ардов рассказывал мне, что в далеком уже 1994 году он приехал в Джорданвилль и предложил монастырскому издательству свою книгу, обличающую сергианство Московской Патриархии. Лавр ее издание не благословил. Сейчас говорят, что тогда монастырское издательство не печатало книги неизвестных авторов из России, боясь попасть впросак. Но Михаил Ардов в то время был

священником Зарубежной Церкви и даже получал от нее деньги на свой храм в Москве. Думаю, что причина отказа была в другом.

А нью-йоркский протоиерей Сергей Клестов поведал о том, как он укорял митрополита Лавра за его совместное моление с Алексием Вторым в мае 2004 года на Буттовском полигоне под Москвой, где в 30-х годах шли массовые расстрелы.

– Как вы могли, владыка, – говорил он, – сослужить с сергианами на месте гибели новомучеников, в которой сами же сергиане повинны? Вы смешали новомучеников с теми, кто предал Христа!

– Так ведь я же не в облачении служил, – кротко заметил Лавр.

– А не все ли равно было новомученикам, в облачении вы или без? – продолжал о. Сергей Клестов, но на это Лавр уже ничего не сказал.

Митрополит Лавр (Шкурла) и В. Путин.

«Лавр давно планировал создать себе базу в России, и этот дворец в Вельяминове он строил для себя», – сообщил мне один известный московский священник, тесно общавшийся с Лавром в девяностые годы.

«Лавр всегда душил любую инициативу, ведущую к усилению Зарубежной Церкви, – продолжал он. – Тогда многие видные деятели Московской Патриархии приезжали к нему на беседу, прося принять их в Зарубежную Церковь. Но он ни одного не принял. Однако с гостями был ласков, и так же ласково отпращивал их восвояси. А со своими

был часто грубоват, делал вид, что очень устал, проявляя хитрую изобретательность».

«В первые годы после крушения советской власти на просторах России оставалось много бесхозных церковных зданий, других помещений. Зарубежная Церковь могла получить их чуть ли не даром. Но Лавр саботировал все предложения об этом. На его лицо тотчас набегала иезуитская улыбка, являющаяся, как известно, признаком двойной жизни. Он притворялся непонимающим, сонным. Но самым вопиющим примером саботажа был отказ Лавра взять великолепную старинную церковь в селе Бехове, вблизи Поленова, родового гнезда великого русского художника. Этот приход мог бы стать жемчужиной Зарубежной Церкви в России. Если предположить, что Лавр – агент влияния Москвы, имеющий цель подрыва Зарубежной Церкви изнутри, то более характерного поведения не найти», – горько вздохнул мой собеседник.

А еще он рассказал, что несколько лет назад, когда здоровье Алексия Второго резко ухудшилось, «православный чекист и банкир» Пугачев и предприниматель Борис Йордан предложили Путину кандидатуру Лавра на пост российского патриарха. Они сделали это через путинского политтехнолога Глеба Павловского, а нынешнему патриарху в утешение купили виллу в Швейцарии.

Богатое семейство Йорданов всегда было близко Лавру. Отец Бориса Йордана, ныне покойный Алексей Борисович, в 1999 году создал в России Фонд содействия детским корпусам. Но не при Зарубежной Церкви, что было бы логично, а при Патриархии, о каноническом общении с которой тогда и речи не было. Духом Белого офицерства в этом фонде не пахнет, там верховодят советские генералы-коммунисты. Зачем нужен он Зарубежной Церкви? И что думает по этому поводу митрополит Лавр?

В биографиях иерархов Зарубежной Церкви, ратующих за подчинение Москве, есть странности, заставляющие вспомнить о КГБ. Например, никто не знает, как архиепископ Марк, уроженец ГДР и офицер ее армии, перебрался на Запад в 60-е годы. Легально он это сделать не мог. И почему КГБ тихо отпустил Марка из-под ареста за ввоз

антисоветской литературы в семидесятые годы, хотя закон этого не допускал? Эти биографические странности я подробно описал выше в главе «Две тайны архиепископа Марка».

Рассказывают, что архиепископ Иларион вначале пытался поступить в ленинградскую духовную академию, но там ему порекомендовали поехать учиться в Джорданвилль. По одним данным, он обращался в Патриархию через настоятеля ее собора в Нью-Йорке, по другим – сам ездил в СССР. Как бы то ни было, учиться в семинарии Зарубежной Церкви по рекомендации советской стороны – это то же самое, что учиться в школе ЦРУ по заданию КГБ.

Есть биографические странности и у митрополита Лавра. Это – его регулярные поездки к родственникам в советской Чехословакии.

– Но ведь не в СССР же он ездил! – возразят некоторые.

Увы, это одно и то же! Потому что у разведок социалистических стран была единая с КГБ система учета въезда американцев. Кого-кого, а бывших граждан «буржуазной Чехословакии» и антисоветчиков она не оставляла без внимания. Митрополит Лавр же относился именно к ним. Ведь деятели Зарубежной Церкви на языке КГБ именовались «активистами эмигрантского антисоветского центра». Едва такой «активист» обращался за визой в Чехословакию, как из Праги в Москву следовал звонок по секретному телефону ВЧ:

– Не желаете ли воспользоваться?

Московские чекисты могли воспользоваться эмигрантом-антисоветчиком для получения ордена или повышения в чине. Ведь по приказу КГБ ни один такой активист не должен был оставаться без внимания. Ему обязательно нужно было навредить – завербовать, скомпрометировать или, на худой конец, так напугать, чтобы он больше не приезжал. Это называлось «взять в оперативную разработку».

Лавр каждый раз в нее попадал, приезжая в Чехословакию, но всегда возвращался с миром. И снова получал визу, – говорят, даже после ввода в 1968 году советских войск в Чехословакию, когда порядки в ней резко ужесточились. В те годы мои родители часто ездили отдыхать в Карловы Вары по приглашению чехословацкого КГБ, и по возвращении отец рассказывал мне, какую тяжелую борьбу ведут чехословацкие чекисты с внутренними врагами.

К Лавру не могли не «подходить» наши товарищи. Не только из чехословацкого КГБ, но и из советского, чье огромное представительство в Праге превосходило численностью местных коллег. Чекисты могли уцепиться за одну из человеческих слабостей митрополита Лавра.

Говорят, что брат Лавра занимал крупный пост в чехословацкой компартии. А к партийному работнику предъявлялись требования идейной чистоты. Он не мог иметь братом попа-антисоветчика, к тому же американца. Иначе на партсобрании ему сказали бы так:

– Ты воспитываешь трудящихся в духе преданности идеалам марксизма-ленинизма, а брата своего воспитать не смог?!

Ответ мог быть только одним:

– Мой брат на нашей стороне. Те, кому надо, об этом знают...

2. АМЕРИКАНСКИЙ ЗАКОН – ДЛЯ КГБ НЕ ПОМЕХА

В КГБ принято делать подарки начальству. Такова его традиция, уходящая в сталинские времена. Что подарить Путину в связи с покорением Зарубежной Церкви? Над этим вопросом ломает голову главный резидент российской разведки в Вашингтоне.

Ответ же напрашивается сам собой: вашингтонский Свято-Иоанно-Предтеченский собор. Он будет символом недостижимой русской победы над Америкой, бастионом стратегических интересов России под самым носом у Белого дома! Путин будет приходить сюда не почетным гостем, а хозяином, как к себе домой. Как он заходит в московский храм Христа Спасителя, главную церковь российской власти. Здесь, в США, ею должен стать вашингтонский храм Иоанна Предтечи.

Пусть Буш хозяйничает в своем Белом доме! А наш российский президент будет делать то же самое в двух шагах от него, в русском храме, на пяточке родной земли во враждебном американском окружении! Представляете, какой пропагандистский эффект это будет иметь в России? Да после этого Путин еще несколько сроков просидит в президентском кресле!

Сейчас прихожане уверены, что им ничего не угрожает, что собор принадлежит им, а их интересы охраняет американский закон. Но ведь КГБ не будет с ними судиться! Он прибегнет к другим методам. Незаконным, но действенным.

Людам, выросшим на Западе, свойственна убежденность в несокрушимой силе закона. У нас, россиян, такой уверенности нет. Разве трудно подменить прихожан? Ведь их горстка, а за КГБ стоит мощь огромного государства.

Многие чрезмерно уповают на то, что в рядах прихожан могут быть доверительные собственники, или опекуны, называемые в американской юриспруденции «трастиз». Якобы эти опекуны железной стеной защитят собор от вражеских поползновений. Но ведь они тоже живые люди! Одни из них могут вспылать странной любовью к Путину, как это недавно сделали многие священники Зарубежной Церкви. Другие, не столь сговорчивые, будут обезврежены по-иному. Простор для оперативной деятельности КГБ здесь широк. В вашингтонской резидентуре, расположенной, кстати, неподалеку от собора, в российском посольстве, напишут многостраничный план оперативных мероприятий, получат под него «силы и средства», как уклончиво выражаются в разведке, и начнут действовать.

Для захвата собора будет применен механизм, отработанный на выборах в Чечне, где вместо чеченцев голосуют российские солдаты. В Вашингтоне же это будут делать офицеры, причем обоего пола. Как саранча они набегут под видом эмигрантов и проголосуют за передачу собора России. А зарубежная собственность у нас принадлежит администрации президента, то есть лично Путину. Для того чтобы угодить ему, КГБ не останавливается ни перед чем, даже перед войной, о чем свидетельствует война в Чечне.

Путинская разведка опьянена безнаказанностью. Благодушные западные лидеры все прощают другу Володе. Они опомнятся лишь тогда, когда он сделает их соучастниками своих преступлений.

Прихожане-чекисты будут действовать грамотно, в соответствии с утвержденным планом. Они завалят соборную казну приношениями, в сравнении с которыми взносы нынешних прихожан покажутся несерьезными. Ведь за последние семь лет российский бюджет на нужды обороны и безопасности вырос в пять раз, а на нуждах родины у нас не экономят. У прихожан такой нахрап вызовет чувство протеста, и они с брезгливостью отшатнутся, как это принято в Америке. А КГБ только это и нужно! Да, операция по захвату собора будет провернута нагло, топорно и грубо, но разве не так проходит сейчас захват всей Зарубежной Церкви?

Против лома нет приема. Каждый бывший советский человек знает эту истину. А американцу ее нужно объяснять.

– Вот, товарищ президент, ваш личный собор в Вашингтоне! Оттяпали недавно у местных лопухов! – доложит Путину резидент разведки, и тот одобрительно усмехнется. Резидент же получит звезду Героя.

А вскоре Путин скажет Бушу с трогательной интонацией:

– Как я рад, Джордж, что у меня появилась своя церковь в Вашингтоне! Я полубил в ней молиться по вечерам...

И Буш уважительно закивает: как же, свобода религии – первейшая вещь!

А потом еще скажет, что увидел в Путине душу истинного христианина.

Американцы не заметят присоединения Зарубежной Церкви к советской разведке. Они усмотрят в этом лишь внутри-церковную проблему. С лучезарной улыбкой американские юристы будут наблюдать за передачей собора России, их союзнику по антитеррористической коалиции. Потому что буква закона будет соблюдена, а среди юристов тоже встречаются агенты КГБ.

Американские власти не только не вмешиваются в деятельность церкви, но и панически боятся это делать, чтобы не задеть ненароком чьих-нибудь религиозных чувств. Российские же власти этого совершенно не боятся и ведут себя в религиозных организациях по-хозяйски, как слон в посудной лавке.

Нынешний соборный клир будет сметен могучим ураганом. Хозяином здесь, как и на всех президентских объектах, станет личная охрана Путина, а ей священники-иностранцы не нужны. Они не имеют допуска к секретам.

Предвижу их возмущение, вопросы к новым хозяевам. Но при Путине силовики привыкли не церемониться с подданными, могут и ударить прикладом. Священники Зарубежной Церкви, так восхищавшиеся Путиным, теперь на собственном опыте познакомятся с хамством его подчиненных. Они ощутят такую же беспомощность перед ними, как и рядовые советские люди. И наконец-то поймут, что Зарубежную Церковь присоединили вовсе не к Московской Патриархии.

Присутствуя на богослужениях в древнем Успенском соборе во Владимире, Путин без стеснения встает на Царское место. Значит, нечто подобное могут оборудовать и в вашингтонском соборе, якобы как знак грядущего возрождения российской монархии. Часть русской эмиграции это воспримет на ура. Соорудят же Царское место умельцы из КГБ.

Стоя на нем, Путин будет испытывать мстительную радость от того, что некогда собор был основан непримиримым противником советской власти, каким был святой Иоанн Сан-Францисский.

3. ПОНОШЕНИЕ ИОАННА САН-ФРАНЦИССКОГО

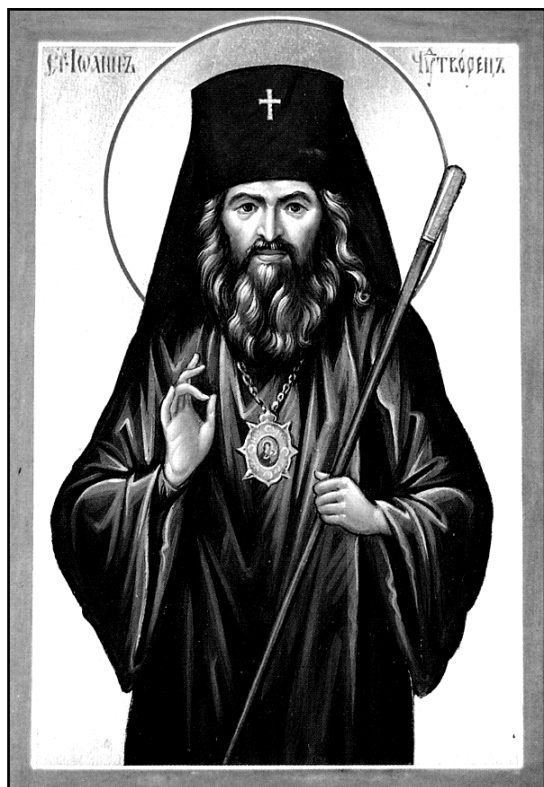
Поношение началось, когда иерархи Зарубежной Церкви вступили в предательский сговор с Путиным. На встрече с ним в Нью-Йорке в сентябре 2003 года они преподнесли ему икону Великой княгини Елизаветы Федоровны.

– А почему не нашего святителя Иоанна Сан-Францисского? Ведь это было бы логичнее! – удивлялись потом многие на приходских собраниях.

Официальное объяснение было таким: одна их многочисленных путинских резиденций находится во дворце в Ново-Огарево, который в 1917 году был реквизирован у Великой княгини. Сейчас там даже якобы открыта ее маленькая часовня, хотя проверить это не может никто.

Такое объяснение звучит издевательски. Путинские предшественники-чекисты выкинули Елизавету Федоровну из дворца, подвергли мучительной смерти, – и за все это Путина награждают ее иконой. Такой дар можно было понять, если бы Путин осудил кровавую историю КГБ, отрекся от преступлений чекистов. Но ведь нет – сегодня чекисты снова считаются героями.

Причина в другом. Иоанн Сан-Францисский был убежденным антисоветчиком и антикоммунистом, а таких людей в путинской России не любят. В качестве знамени Зарубежной Церкви им больше подходит политически нейтральная Елизавета Федоровна, не успевшая ничего сделать против советской власти.

*Образ Святителя
Иоанна Шанхайского*

тяжело было видеть врущего священника, тем более молодого. Но так он отстаивал «линию партии» на унию с Москвой. О, сколько я видел таких выступлений на партийных собраниях в Советском Союзе!

С гневной отповедью выступил настоятель прихода протоиерей Сергей Клестов.

– Как же мы можем оставить наше прошлое? – взволнованно произнес он. – Мы получили преемство от патриарха Тихона. От новомучеников наших и исповедников. И мы должны отказаться от всего этого?! От владыки Антония Храповицкого, от владыки Анастасия, от владыки Аверкия, от владыки Филарета? Когда икона упала... В этом нам великое знамение было дано, и над этим смеяться очень даже грешно...

При первых же крамольных словах настоятеля митрополит Лавр стал поспешно собираться, ему даже принесли клобук. А вскоре протоиерей Сергей Клестов был снят с прихода.

Сторонникам унии с Москвой свойственна тяга к лжи и закулисным маневрам, словно они прошли выучку в партийно-советском аппарате. Например, протоиерей Георгий Ларин не так давно заявился к архиепископу Алипию Чикагскому, не симпатизирующему Патриархии, и пригрозил, что если тот посмеет хотя бы пикнуть против подчинения Зарубежной Церкви Москве, то будет немедленно отправлен на покой в джорданвилльский монастырь.

А ложь и принуждение – это орудия дьявола.

Попущением Божиим именно Сан-Франциско, где почивают мощи святителя Иоанна, стал рассадником капитулянтских настроений. В этом дает себя знать многолетняя работа сан-францисской резидентуры КГБ, набившей руку на русских эмигрантах. Поэтому здесь, а не в Нью-Йорке, где находится синод, намечено провести Всезарубежный Поместный Собор. Подразумевается, что он утвердит унию с Москвой, хотя пути Господни неисповедимы. Но можно ли представить более явное поношение святого Иоанна Сан-Францисского, когда над его мощами торжественно возгласят о том,

3 июля 2004 года в Св. Скорбященском соборе в Сан-Франциско, где почивают мощи святителя Иоанна, упала его икона, мирно лежавшая на аналое. Ее стекло треснуло. Это произошло тогда, когда о. Петр Перекрестов (которого теперь все чаще называют «товарищем Перекрестовым») заявил на Одиннадцатом Всезарубежном съезде православной молодежи: «Нам нужно оставить прошлое позади и идти вперед». Необъяснимое падение иконы было божественным знамением, свидетельствовавшим о том, что св. Иоанн с этим не согласен.

Ко мне попала видеозапись того, как обсуждалось это событие на трапезе в день престольного праздника в храме преп. Серафима Саровского, 1 августа, в городе Си-Клифф в штате Нью-Йорк. На обсуждении присутствовал митрополит Лавр. Его реакция была показательной.

Первым говорил молодой священник Серафим Ган. Слезливым голосом он убеждал прихожан, что никакое это не знамение, а так, частный случай, просто буря была. Ужасно

что его любимое детище, Зарубежная Церковь, передается сталинской Московской Патриархии?

А скоро и генерала Деникина похоронят в Москве под красным знаменем. Путин не откажет себе в удовольствии сыграть над его могилой Гимн партии большевиков, как первоначально назывался нынешний сталинский гимн России.

Так низкорослый рыжий мальчик из бедной рабочей семьи сполна утолит свою классовую ненависть.

P.S. На похоронах Деникина все так и произошло, а вот Всезарубежный Поместный Собор пошел не по путинскому сценарию. Он сохранил независимость Зарубежной Церкви, ибо слишком уж много ее прихожан и священников выступают против перехода под власть чекистской Москвы. Но и Москва тоже не успокоилась. Борьба продолжается.

О. ВИКТОР ПОТАПОВ ОБИДЕЛСЯ ЗА ПУТИНА

На собрании прихожан Свято-Иоанновского собора в Вашингтоне был представитель Российского посольства.

1. ПОДДЕЛЬНЫЙ ЕПИСКОПАТ МОСКВЫ

«Грубой провокацией «Голоса Америки» назвало мое выступление там 17 августа 2005 года близкое к Патриархии агентство «Русская линия». Так знакомо пахло от этих слов семидесятыми годами, когда я, молодой советский разведчик, работал в ТАСС и редактировал там точно такие же фразы.

Агентство обвиняло меня в том, что я поливаю грязью епископат Русской Православной Церкви. А я всего лишь сказал, что в советский период все епископы назначались коммунистическим государством и по церковным канонам подлежат извержению из сана.

Но с кем в таком случае собирается объединяться Зарубежная Церковь? С чекистами? Да, именно с ними. Это я и хотел подчеркнуть.

«Не прекращаются попытки торпедировать процесс воссоединения Русской Церкви!» – грозно предупреждает «Русская линия», словно вопрос окончательно решен. Но это не так, и движение протеста набирает силу во всем мире. События могут пойти совсем не по сценарию Москвы, что происходит теперь все чаще.

Однако в Москве неофициально считают Зарубежную Церковь уже присоединенной, осталось лишь подписать несколько бумажек, предназначенных для отвода глаз русской эмиграции.

«Расстрелять и оформить через трибунал!» – как любил выражаться маршал Жуков. А оказывается, что расстрелянный позволяет себе трепыхаться. Непорядок!

Собственность Зарубежной Церкви распределена между серьезными дядями, которые шутить не любят. Если они пронесут ложку мимо рта, кое-кто в Москве может получить пулю в лоб. Поэтому всякое упоминание о такой возможности вызывает паническую реакцию.

В передаче «Голоса Америки» участвовал настоятель вашингтонского Свято-Иоанно-Предтеченского собора протоиерей Виктор Потапов. И хотя он ратовал за объединение, Москва заподозрила его в нелояльности и потребовала решительно отмежеваться от меня, как в сталинские времена. О.Виктор поспешил сделать это, опубликовав статью «Грех огульности».

«Должен возразить уважаемому Константину, когда он огульно говорит, что все епископы Русской Православной Церкви в России – агенты КГБ, – писал он. – Прежде всего следует сказать, что с тех пор, как Советский Союз развалился в 1991 году, было

свыше ста хиротоний новых епископов. А это постсоветское время, когда уже КГБ не решал, кто может, а кто не может стать епископом»...

И тем не менее агенты КГБ есть и среди них. Например, епископ Феофан (Ашурков), чья связь с разведкой широко известна. Долгие годы он был правой рукой митрополита Кирилла, председателя Отдела внешних церковных сношений, агента «Михайлова». Есть среди новых епископов и другие секретные сотрудники КГБ, завербованные в молодости.

«Кроме того, – продолжал о. Виктор, – даже в темное советское время Василий Фуров, заместитель председателя Совета по делам религий, в адресованном в ЦК КПСС секретном докладе, который попал на Запад, еще в 1973 году писал, что есть три группы епископов. Есть епископы, которые действительно сотрудничают. Есть епископы, которые сотрудничают наполовину. И есть епископы, которые вовсе не сотрудничают, а являются врагами Советского Союза. Так что даже тогда было много епископов, которые отказывались сотрудничать, а может быть, только делали вид, что готовы сотрудничать».

Но ведь Фуров характеризует третью группу епископов совсем по-другому! Он пишет так: «Третья – это та часть епископата, у которой в разное время проявлялись и проявляются попытки обойти законы о культах, некоторые из них религиозно консервативны, другие – способны на фальсификацию положения в епархиях и сложившихся отношений к ним органов власти, у третьих замечены попытки подкупа уполномоченных и клеветы на них и на должностных лиц местных органов власти»*.

Да, видимо, это люди с тяжелым характером, склочники или, наоборот, правдолюбцы. Но никак не антисоветчики. Более того, Фуров специально отмечает, что «многолетние наблюдения, глубокое изучение настроений правящих архиереев еще раз подтверждают, что епископат лояльно относится к советской власти». Никаких «врагов Советского Союза» тут нет и в помине! Как же так, отец Виктор?..

Статья о. Виктора создает милый сердцу западного читателя образ Церкви, которая хотя и зависела от государства, но все же сама решала, кому становиться епископом. А разве может быть иначе? Да, порой КГБ приставал к епископам с вербовкой. Одни отказывались, другие нет, – что ж, все люди грешны!

Патриарх Алексий (Симанский) и доктор Майкл Рамзей, Архиепископ Кентерберийский, Примаस всея Англии, Лондон, 1964 г.

Но в СССР действовал обратный порядок! Требовалось сначала стать агентом КГБ, а только потом епископом. А не наоборот. Ведь епископам полагалось встречаться с иностранцами и даже выезжать за границу. Могли ли они делать это, не будучи агентами КГБ?

Секретный доклад Фурова в семидесятые годы передал на Запад о. Глеб Якунин, получивший за это тюремный срок. Он тоже выступал в той передаче «Голоса Америки» и сказал так: «Любой монах, который хотел стать епископом, должен был сначала дать подписку о сотрудничестве с КГБ и выбрать себе агентурную кличку. Только после этого он мог стать епископом!»...

* Настоящий лик Московской Патриархии. – Издание братства преп. Иова Почаевского Нью-Йоркской и Канадской епархий Русской Зарубежной Церкви. Нью-Йорк – Монреаль, 1991, с. 8.

Или о. Виктор с ним тоже не согласен?

«Временный патриарший Священный Синод» митрополита Сергия тоже был сформирован на Лубянке. В 1927 году НКВД предлагал Священномученику Архиепископу Углическому Серафиму, управлявшему Русской Церковью сто дней, взять этот синод, но тот отказался и выдвинул свой, за что был взят под стражу. А митрополит Сергий этот чекистский дар принял. Он захватил церковную власть незаконно, с помощью НКВД, при живом местоблюстителе Петре, находившемся в заключении. Какие после этого могут быть сомнения в чекистском происхождении Московской Патриархии?..

Тема вербовки священников и сейчас волнует российское духовенство. Недавно дьякон Андрей Кураев заявил, что в семидесятые годы он считал бы нормальным сотрудничеством с Лубянкой, потому что это помогало бы укрепить единство СССР.

Но тогда эта цель не считалась главной. Она характерна для наших дней, когда России реально грозит распад. Этим заявлением Андрей Кураев призывает российское духовенство к сотрудничеству с Лубянкой в наши дни.

2. СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ

Проводники унии с Москвой оказались в глупейшем положении. Для того чтобы показать, что в лице Патриархии они сливаются вовсе не с советским учреждением, им приходится задним числом нахваливать Советский Союз, хотя в советское время они его поносили. Им приходится доказывать, что там существовала хоть в чем-то независимая Церковь, хотя как раз тогда они это начисто отрицали. Путин возвращает Россию в советское прошлое, и наши объединители ведут нас туда вместе с ним.

На приходском собрании, состоявшемся 22 августа, о. Виктор также был очень добр к Стране Советов. Тогда было больше порядка, напоминал он, отсутствовала порнография. И хотя в советское время он говорил по-другому, его слова были истинной правдой.

Но ведь на это упирает и путинская пропаганда! И делает логический вывод: развал Советского Союза был исторической ошибкой, все наши нынешние беды начались после этого СССР надо возрождать...

Но ведь вся стратегия эмигрантских объединителей зиждется на вздохе облегчения от того, что Советский Союз рухнул, а в России произошли «огромные изменения». Но идут-то они в обратную сторону! Путинская Россия сейчас напоминает брежневскую, только тюремные сроки в ней удлиннились.

Просоветская политика Путина выбивает табуретку из-под ног наших объединителей, лишает их аргументов. Они вынуждены или отрицать советизацию России, или объяснять ее случайными оговорками больших начальников.

Патриарх краснеет вместе с Путиным. Он не только не протестует против возвращения в коммунизм, но и обеспечивает ему идеологическую поддержку. Встречаясь в августе с молодежью в Калуге, Алексей Второй прямым текстом восхвалял «Моральный кодекс строителя коммунизма», который якобы соответствует христианским нормам. Сколько копий было сломано в девяностые годы, чтобы доказать, что это не так!

А это значит, что московские батюшки, понаехавшие на Запад после объединения Церквей, будут рассказывать добродушной эмигрантской молодежи о том, как хорошо жилось в Советском Союзе. Желющие узнать подробности смогут обратиться в посольство РФ к товарищу такому-то. А следующим этапом станет вербовка на «идейной основе». Коммунистическая идеология и шпионаж тесно связаны.

Наше приходское собрание о. Виктор начал с критики противников унии, и в первую очередь «газетенки «Наша Страна», в частности, за то, что она опубликовала мою статью «Лавр и чекисты». Эта статья обесмысливала наше собрание, посвященное обсуждению решений «согласительной комиссии» Зарубежной Церкви и Московской Патриархии.

В статье я раскрыл тайну о том, что под Москвой уже давно действует подворье Джорданвилльского монастыря. Оно было выстроено в 2000 году, когда и речи не было о евхаристическом единстве. Значит, вопрос этот был решен еще тогда, по-советски келейно, «в узком кругу ограниченных лиц», как выражаются малограмотные провинциальные чекисты. Значит, и все переговоры об объединении Церквей, начавшиеся с 2003 года, были не чем иным, как пусканием пыли в глаза русской эмиграции.

Зачем обсуждать заведомую ложь? Словно это были действительно переговоры, а не игра в одни ворота. Словно по обе стороны стола не сидели игроки одной и той же «команды Ридигера». Словно они не старались совместить несовместимое – критику митрополита Сергия с его восхвалением, осуждение экуменизма с членством Патриархии во Всемирном Совете Церквей. Словно подписанные там двусмысленные бумажки адресованы верующим как Зарубежья, так и России. Но наши богомольные старушки в них ни слова не поймут! Впрочем, на них они и не рассчитаны, а предназначены только для усыпления бдительности русских эмигрантов. «Экспортным вариантом сергианства» назвал их настоятель храма иконы Казанской Божией Матери в г. Алексине иеромонах Тихон (Козушин).

Однако о. Виктор не устал повторять, что зарубежники чего-то требовали от московских коллег, ставили им какие-то условия, словно их весовые категории были равны. Но чего может требовать командир взвода от командующего армией? Какие условия может ставить мышка кошке, собирающейся ее съесть? Да и можно ли представить, чтобы архиепископ Марк отстаивал интересы своей Церкви, если он их всегда только сдает?

Но о. Виктор приводит железный аргумент: под нашим давлением Патриархия в 2000 году прославила Новомучеников!..

– Как могла Зарубежная Церковь надавить на Патриархию, если никаких переговоров тогда еще не велось? Только архиепископ Марк налаживал закулисные контакты, – заявил мне протоиерей Михаил Ардов, настоятель храма Святого Царя-Мученика и всех Новомучеников и Исповедников российских на Головинском кладбище в Москве. – Патриархия пошла на это под давлением российской паствы, начавшей стихийное прославление Новомучеников, распространение их иконописных образов. Но и здесь Патриархия смешала овец и козлищ, прославив также и сергиан, по вине которых Новомученики погибли, – подчеркнул он.

– Этот пример, скорее, свидетельствует о том, как патриархийные епископы готовы менять свое мнение по приказу, – усмехнулся иеромонах Тихон. – Ведь незадолго до этого Архиерейский Собор почти единогласно проголосовал против прославления Новомучеников, и в первую очередь Царской Семьи. Епископы выступали с просоветскими речами. И вдруг – такой поворот. Архиепископ Марк негласно переубедил их? Нет, это Путин начал прибирать к рукам русскую эмиграцию!..

3. ПУТИН В ПОДРЯСНИКЕ

А еще в статье «Лавр и чекисты» я рассказал, по какой методике КГБ будет отбирать Свято-Иоанновский собор в Вашингтоне после объединения Церквей. Расположенный недалеко от Белого Дома, он должен будет стать символом недостижимой русской победы над Америкой, личной церковью Путина. Для этого масса чекистов вольется в ряды прихожан и проголосует за передачу собора России.

О. Виктор старался высмеять эту идею как абсурдную. Но разве Москва никогда не отбирала храмов у Зарубежной Церкви? Отбирала, и грубо. Так что моя мысль, сколько ее ни высмеивай, не кажется столь несбыточной.

– А почему тогда ваши коллеги из посольства не вступают толпами в наш приход? – с шутиливой улыбкой обратился о. Виктор к молчаливой женщине, сидевшей в соседнем ряду, назвав ее по имени-отчеству. Сотрудница посольства не ответила на вопрос и лишь молча записала его в блокнот.

Оказывается, и она была на нашем собрании! Вот те на! Нас, противников объединения, обвиняют в излишней политизированности, а о. Виктор приглашает на приходское собрание сотрудницу российского посольства. Но ведь объединения Церквей еще не было!

Картина члена Союза художников СССР, президента Союза художников АБОП Елены Флеровой - «Его Святейшество Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II и Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин».

вопросы. Ведь Зарубежная Церковь пока еще остается иностранной и антисоветской. Да, ее приходы есть и в России, но власти их гонят, закрывают при каждом удобном случае. Они и мечтать не могут о льготах Московской Патриархии.

В несанкционированных посещениях российским дипломатом Зарубежной Церкви можно усмотреть намек на некоторую нелояльность и даже вызов власти. Для дипломата это губительно.

«Если она ходит в эмигрантскую церковь, то, значит, сама собирается стать эмигранткой? Но как тогда ей доверять государственные тайны? Может ли она оставаться на дипломатической работе?» – таким глубокомысленным вопросом вполне могут задаться контрразведчики из российского посольства в Вашингтоне. Думаю, что визиты нашей гостьи согласованы со Службой внешней разведки, головной организацией по разложению Зарубежной Церкви.

– Почему вы говорите, что Путин не верит в Бога? Это может знать только Бог! – обрушился на меня о. Виктор. В его голосе клокотала искренняя обида.

Да, я действительно сказал так по «Голосу Америки». И даже раскрыл главную тайну Путина: что он начинал карьеру вовсе не в разведке, а в «пятой линии» Ленинградского УКГБ, работавшей также против Церкви. Путин тщательно скрывает это обстоятельство от иностранных церковных деятелей. В официальных биографиях вы его не найдете.

Я напомнил о. Виктору о путинской лживости, мстительности, жестокости, которых не должно быть у верующего христианина. Но какое все это имеет значение, если у нас Церковь отделена от государства?

Миф о религиозности Путина важен для сторонников унии. Он позволяет представить его таким православным императором Константином, принимающим под свое царственное крыло погибающую Зарубежную Церковь. За эту милость к нему надо

Как остроумно предположил протоиерей Михаил Ардов, российская дипломатка хотела проследить, в каком ключе о. Виктор будет вести собрание и не пора ли ему подыскивать замену в Москве. Желающих будет – хоть отбавляй!

– Ты поосторожнее пиши об этой дипломатке! Может быть, она наша прихожанка. В церковь, знаешь, путь никому не заказан! – предупреждали меня друзья из прихода.

Так-то оно так, да ведь иностранный дипломат куда бы ни пошел, хоть в баню, его везде можно подозревать в сборе данных. Такая у него работа – быть глазами и ушами своего правительства. А нынешнее правительство России находится на Лубянке.

Может ли российский дипломат быть прихожанином Зарубежной Церкви? Разумеется, да, но у его начальства это может вызвать

простирает руки со слезами благодарности. А если он не верует, то зачем лезет в церковные дела? Значит, им руководят мирские мотивы. А какими они могут быть у председателя «питерских чекистов»? Только такими, как отъем собственности и шпионаж, – ничего другого они не умеют.

Как отблагодарил Брежнев председателя КГБ Семичастного, который привел его к власти, свергнув Хрущева? Уволил в первый же день. Как отблагодарил Путин российских олигархов, сделавших его президентом? Натравил на них ФСБ. Почему он должен поступать иначе с теми, кто помог ему покорить Зарубежную Церковь? Кто может его заставить?

Но о. Виктор сказал, что объединяться все равно надо, и даже мягко пригрозил, что поезд может уйти, и мы прозеваем свое счастье. И я даже знаю, как называется этот поезд: третий путинский срок. Он не понравится на Западе, а подготовка к нему уже началась.

О. Виктор напомнил, что на каждой литургии мы молимся «о единении всех». Поэтому надо объединяться с Московской Патриархией. Она теперь освободилась, переродилась, действует много новых храмов и семинарий. Он особо выделил Свято-Тихоновский богословский институт, прекрасное учебное заведение. Но ведь храмы Московской Патриархии по-прежнему принадлежат государству! О какой ее независимости может идти речь?

– Мы молимся не для того, чтобы объединяться с кем попало. Смысл этого моления в том, что еретики должны войти в православие через покаяние. Еретическая Московская Патриархия, покаявшись, должна войти в Зарубежную Церковь, сохранившую истинное православие, – объяснил мне о. Михаил Ардов.

– Открытие новых храмов – это не перерождение. Патриархии просто расширили функции, – продолжал он. – Все новые семинарии – сергианские. Патриархия не освободилась, а раскрепостилась. Ею правит «олигархиерей» митрополит Кирилл, чье состояние оценивается в миллиарды долларов. Должность настоятеля московского прихода стоит до 50 тысяч, а митрополит Екатеринодарский и Кубанский Исидор заплатил за свой белый клобук 750 тысяч долларов.

– Патриархия не может существовать без государственной поддержки. Ведь истинно православных в России мало, не более двух процентов населения, – отметил в интервью со мной о. Глеб Якунин. – Беда Патриархии – пустые храмы, но она продолжает захватывать новые. У нее чрезмерно развит хватательный рефлекс, и она приложит все силы к захвату храмов Зарубежной Церкви. Надеюсь, что под угрозой ее исчезновения у прихожан возобладает трезвый взгляд, но как бы это отрезвление не пришло слишком поздно, – подчеркнул он.

Прихожане Свято-Иоанновского собора также оказались весьма скептически.

– Мы, дети белогвардейцев, не верим Путину, возвращающему Россию в советские времена. Не верим и Патриархии. Я – против объединения, – заявила одна из прихожанок.

– А если Архиерейский Собор все же решит объединиться? – быстро переспросил о. Виктор.

– Я не приму этого решения, – твердо ответила прихожанка.

Разочарованный, о. Виктор дал понять, что старая эмиграция исчезает, а новая тяготеет к Московской Патриархии. Но как раз новые эмигранты и не хотят иметь с ней ничего общего! Они ее слишком хорошо знают.

Это мнение выразила одна из новых эмигранток.

«Я – дочь священника, и потому прошу вас – не верьте Московской Патриархии! Нам нельзя объединяться, потому что Зарубежная Церковь – единственная, которая осталась чистой. Только здесь я нашла истинное русское православие», – сказала она, сравнив Патриархию с бочкой благоуханного меда, на дне которого лежитдохлая крыса сергианства.

Но о. Виктор заверил ее в том, что Патриархия отказалась от сергианства в материалах согласительной комиссии, — осуждает его, и в этом даже можно усмотреть «какое-то покаяние».

— Ничего себе покаялись! — возмутился о. Глеб Якунин, выслушав мой рассказ. — Так и Иуда может сказать: я осуждаю свой поступок, примите меня обратно!

— Нельзя покаяться в каком-то непонятном документе или интервью, — разъяснил мне о. Михаил Ардов. — Надо пойти в Успенский собор и сделать это прилюдно, как каялись в «смутное время» за грехи русского народа Патриархи Иов и Гермоген. И даже будущий митрополит Сергей, выйдя из обновленческого раскола, каялся вовсе не в интервью «Комсомольской правде», а принародно, в храме, — подчеркнул он.

Отважится ли Алексей Второй на такой поступок? Ведь он перечеркнет весь советский период, а Путин призывает им гордиться. Выйдет ли Патриархия из Всемирного Совета Церквей в знак раскаяния в экуменизме? Наоборот, ей сейчас там прибавилось работы! В Европе путинский облик тускнеет, и его надо срочно подновить церковной позолотой. В России нет свободы слова и выборов? Зато есть свобода для Патриархии! Тут как раз пригодился бы о. Виктор со своим рассказом о Свято-Тихоновском богословском институте.

Выступая, прихожане критиковали Патриархию, но о. Виктор неизменно принимал ее сторону.

Когда Патриархия отбирала наш монастырь в Хевроне, палестинская полиция грубо волочила пожилых монахинь по лестницам? Зато теперь Москва может послать туда много монахинь, да и принадлежит монастырь все-таки русским людям!

Когда Патриархия отобрала храм в итальянском городе Бари, молодой священник Зарубежной Церкви скончался от переживаний? Но он и до этого болел!

Прихожане напомнили о. Виктору о том, что Алексей Второй недавно поздравил Вьетнам с 30-летием победы над США, по-коммунистически назвав его «братским». Но о. Виктор сразу же принизил роль Патриарха в этом деле, который де не сам поздравил, а просто подписал текст, который составили другие. Ведь ему приносят на подпись сотни бумажек! Дескать, что ему ни принесут, то он и подмахнет... В КГБ такой прием называют «переводом стрелок».

А ведь не так уж давно тот же Патриарх требовал от американских властей увольнения о. Виктора с «Голоса Америки» за антисоветские передачи. Да, с тех пор о. Виктор перековался, но Патриарх-то и не думал менять свои убеждения. Что, если он припомнит о. Виктору его антисоветское прошлое на второй день после объединения, чтобы отобрать собор?

Когда о. Виктор совсем уж не находил аргументов для защиты Патриархии, он указывал на промахи своей Церкви.

— Зато наш митрополит Анастасий отправил благодарственное письмо Гитлеру! — произнес он с благородным негодованием в голосе, не впервые прибегая к этому аргументу. А сколько писем отправил Гитлеру Сталин? При чем письмами дело не ограничилось. Германская армия возрождалась в СССР в тридцатые годы. Гитлер и Сталин заключили военный союз для борьбы против демократического Запада.

Недавно Путин полностью возродил сталинскую трактовку Второй мировой войны и готов из-за нее перессориться с соседями. Патриархия ее полностью одобряет, разъясняет с пеной у рта бестолковым иностранцам. Бичуя за поддержку Гитлера свою Церковь, но не Советский Союз, о. Виктор задним числом обеляет образ сталинской империи, куда его отец отказался возвращаться после войны из плена.

После этого о. Виктор нарисовал сладостную картину процветания Зарубежной Церкви под пятой Московской Патриархии. Получалось, что та хочет присоединить зарубежных только для того, чтобы дать им свободу, которая у них и так есть.

Но кто будет гарантом этой идиллии? Куда жаловаться, если Москва ее разрушит? Увы, на всей Земле нет такого учреждения, куда можно пожаловаться на Путина.

— А вы-то сами верите Патриархии? — осведомились прихожане. О. Виктор признался, что тоже не очень верит, но объединяться все равно надо. Но зачем же тогда

было созывать собрание? О, сколько тайн в этом объединении! А тайна – признак участия спецслужб.

Сторонники объединения указывали на расцвет церковной жизни в России. Что плохого в том, что расцвет придет и к нам, в Америку? – удивлялись они.

– Плохо то, что Патриархия слишком тесно связана с государством, а это угрожает и национальной безопасности США, и каждому из нас. Под церковным прикрытием в Америку придет Путин в подряснике, – объяснял я.

Отставной профессор истории Джорджтаунского университета заявил, что объединение Церквей исторически неизбежно. Это был чисто материалистический довод. Один Господь знает, что неизбежно, а что нет. Еще совсем недавно говорили об исторической неизбежности объединения братских народов России и Белоруссии – где оно? Похоже, белорусский диктатор Лукашенко убоился той «широкой автономии», которую сулил ему Путин.

Но противники объединения Церквей выступали чаще. И это была отнюдь не кучка экстремистов, а самые уважаемые и давние члены прихода. О. Виктор выглядел заметно расстроенным: советского «поддерживаем и одобряем» не получилось.

О. Виктор наставил на путь истинной веры очень многих эмигрантов из Советского Союза и России. Он и матушка Мария помогают больным и бедным. Но о. Виктор оказался перед тем же выбором, что и советские священники в 1927 году – присягать ли митрополиту Сергию?

СВОБОДНА ЛИ ЦЕРКОВЬ В РОССИИ?

В марте 2004 года патриарх Алексей Второй выступил по государственному телевидению и призвал жителей страны, верующих и неверующих, прийти на избирательные участки для выборов Путина. Разумеется, так прямо он не сказал, но ведь кандидат-то оставался один. Все остальные были отсеяны.

«Церковь отделена от государства, и Церковь и религиозные организации не вмешиваются в политическую борьбу, но мы являемся гражданами страны, и поэтому наш долг – не быть в стороне и активно принять участие в выборах президента», – заявил он.

Интернетовский сайт Grani.ru предпослал выступлению Патриарха остроумный комментарий:

«Занятно все-таки, что любое свое политическое заявление служители культа приправляют обязательным: «церковь отделена от государства». Чувствуют, что тут что-то не так. Что не надо бы выступать. Но гражданский долг берет свое. Вот и Алексий тоже.

Вообще-то, напоминание о гражданском долге и сам факт обращения к «верующим и неверующим» говорит о том, что иерарх тут выступает именно в своей гражданской ипостаси. Но в таком случае придется констатировать, что либо церковь все-таки от государства не очень отделена, либо гражданин злоупотребляет служебным положением священнослужителя. Таким образом, в этом раунде борьбы дьявола с Господом победа явно на стороне первого. Но куда деваться, если с явкой беда такая получается. И кесарь нервничает. И гражданский долг не дает покоя. И гражданин Патриарх, облачившись в парадную форму, призывает «старых и молодых, верующих и неверующих сделать правильный выбор».

Но ведь выбора никакого не было! Путинская администрация всерьез опасалась того, что избиратели не придут на избирательные участки, и призвала в помощники самого Патриарха.

Но почему он не ответил так: «Господин президент, не могу согласиться на вашу просьбу выступить по телевидению, потому что это могут счесть прямой агитацией за вас!».

Разве его расстреляли бы за это, как при Сталине? Но почему тогда он настолько покладист, что переиначивает понятие христианского долга, который вовсе не требует участия в президентских выборах?

Потому что связан государством по рукам и ногам. Ведь именно оно владеет всеми храмами Московской Патриархии и в любой момент может их отобрать. Но здесь, на Западе, об этом почему-то не знают.

Здесь уверены, что в России церковь так же финансово независима, как здесь. Что российские приходы тоже могут распоряжаться храмами по своему усмотрению. А это совсем не так.

В. Путин и патриарх Алексий II (Ридигер).

По сей день все храмы в России принадлежат государству с тех пор, как были национализированы большевиками в 1917 году. Сейчас они, вроде бы, ушли с политической сцены, но нынешнее российское государство почему-то свято хранит их заветы.

Закон «О свободе совести и о религиозных организациях» от 1997 года (статья 21, пункт 3) разрешает передачу храмов государством в собственность религиозных организаций, причем безвозмездно. Но есть в нем и 22-я статья, пункт 2, также разрешающие безвозмездную передачу храмов, но – только в пользование.

Государство пошло по второму пути. Статья 21-я осталась на бумаге. Из контекста обеих статей видно, что в 1997 году все храмы принадлежали государству.

С тех пор положение не изменилось. Оно лишь ухудшилось.

Закон «Об объектах культурного наследия» от 2002 года еще более затруднил передачу храмов Православной Церкви.

Журнал «Церковный вестник», официальное издание Московской Патриархии, попросил прокомментировать этот закон двух сотрудников Историко-правовой комиссии Русской Православной Церкви – ее ответственного секретаря, кандидата юридических наук Юрия Куницына и эксперта, государственного советника РФ первого класса, кандидата философских наук Генриха Михайлова. Они ответили так:

«Теперь возможность передачи в собственность Церкви конфискованных у нее богоборческим режимом объектов культурного наследия сведена к минимуму, что, безусловно, нарушает ее права и противоречит международным обязательствам России. Более того, сам факт нахождения храма в собственности государства и возможность его использования не по прямому назначению ущемляет право простых граждан на совместное исповедание и распространение религии».

С середины восьмидесятых годов Московская Патриархия безуспешно просит вернуть ей храм Климента, Папы Римского, на Пятницкой улице, где хранится часть фондов Государственной библиотеки. Этот прекрасный храм не возвращен до сих пор.

Закон признает объектами культурного наследия абсолютно все здания и сооружения религиозного назначения, кроме вновь построенных. Следовательно, на них распространен особый правовой режим.

Но главное, не оправдались надежды на то, что будет положено начало процессу реального возврата имущества, изъятого Советским государством, в собственность Церкви.

Новый закон создает условия, при которых государственные органы смогут передавать религиозные объекты культурного наследия светским организациям и даже частным лицам в безвозмездное пользование или аренду без согласования с религиозными организациями. Отсутствие приоритетного права у религиозных организаций на получение этого имущества фактически будет означать утрату этих объектов не только для них, но и, возможно, для всего общества.

«Часть объектов культурного наследия, принадлежавшего ранее Русской Православной Церкви или старообрядческим общинам, находится сегодня в собственности уже не государственной. К сожалению, они порой используются для весьма сомнительных целей. Незаконность этих сделок очевидна. Однако принятый закон не дает оснований для возврата церковных зданий. Более того, как нам представляется, он даже защищает интересы физических и юридических лиц, имеющих в собственности любой, в том числе и церковный объект культурного наследия. Разве это не кошунство, когда храм используется под склад, производство, оборудован как ресторан или другое увеселительное заведение?».

24 сентября 2002 года в Издательском Совете Русской Православной Церкви состоялось обсуждение этого закона. О нем сообщил справочно-информационный портал «Религия и СМИ».

Открывая его, Председатель издательского Совета РПЦ протоирей Владимир Силовьев заявил:

«Как известно, проблема заключается в том, что церковные здания и земли переданы Церкви на правах безвозмездного и бессрочного пользования. Но на повестке дня стоит вопрос о тех механизмах, которые обеспечат Церкви владение зданиями и землями на правах собственности».

Увы, на повестке дня у государства этот вопрос, кажется, совсем не стоит! Заместитель председателя Методического Совета Министерства культуры РФ Алексей Комич заявил на этом совещании, что Церковь должна понимать необходимость особого отношения к памятникам, а это происходит не всегда. Церковь должна иметь грамотных реставраторов и сотрудничать с государственными органами, отвечающими за памятники. Без этого отдавать здания-памятники Церкви нельзя, потому что они могут быть безвозвратно утрачены.

В свою очередь, представители Московского Патриархата назвали Закон об объектах культурного наследия антицерковным. Они также жаловались на произвол местных чиновников. Но в России лекарства от этой болезни нет!

Юридическое положение храмов весьма шаткое. В любой момент государство может их отобрать, стоит измениться его политическому курсу.

Весной 2004 года в России начата деприватизация. Предприятия, ставшие частными в начале 1990-х годов, вновь переходят в государственную собственность. Процесс этот очень болезненный, связанный с несправедливыми судами, арестами не тех, кого нужно, с убийствами из-за угла.

Но народ деприватизацию одобряет. В ней он видит знак возвращения к желанному советскому прошлому с его бесплатными образованием и лечением, пусть мизерной, но гарантированной зарплатой.

Деприватизация может коснуться и Церкви. Она пройдет как по маслу, потому что государство будет возвращать себе то, что и так ему принадлежит. Недаром Церковь уже называют коллективным олигархом. А их у нас принято раскулачивать. Если тебя признали олигархом – готовься к ночному звонку в дверь. В то время как истин-

ные олигархи, генералы ФСБ и мафия, чувствуют себя хозяевами положения. Никто не упоминает их имена всуе.

В России сейчас возрождается все советское. Что, если государство решит вернуться к тем отношениям с Церковью, которые существовали в советский период? И скажет Церкви то же, что она говорит сейчас богатым предпринимателям: «Не слишком ли много у вас имущества, господ? Не пора ли делиться?»...

И Церкви нечего будет возразить, поскольку государство знает ее главный секрет: на самом деле прихожан не так много. В будни многие храмы стоят пустыми. Меньше полутора процентов москвичей пришло на ночное рождественское богослужение 2004 года. А ведь Москва – столица православия!

Патриархия держит эти цифры в секрете, да и государство не заинтересовано в их огласке. Пока...

Как видно, отношения с государством у Московской Патриархии совсем не безоблачные. Но тем не менее каждый год, осенью и весной, Алексей Второй шлет письмо в Генеральный штаб. В нем несколько сотен фамилий верующих солдат, которым надлежит отбывать воинскую повинность в бережении от мирской скверны. Генштаб без слов утверждает патриарший указ.

Дело в том, что наша российская армия давно уже стала зоной повышенного риска. Бывалые люди говорят, что лучше отсидеть два года в тюрьме, чем провести их в армии. Хотя российские тюрьмы считаются одними из худших в мире. Международная амнистия приравнивает пребывание в них к пытке.

А в армии еще хуже. С советских лет ее поразила неизлечимая болезнь, называемая «дедовщиной». Суть ее в том, что молодой солдат в течение первого года службы подвергается жестоким издевательствам, но на втором году службы сам мучает новичков. Вырваться из этого порочного круга нельзя. Армия смельчака ломает. Офицеры поощряют дедовщину. Их никогда, за редчайшим исключением, не привлекают к ответственности за гибель солдат.

Толпы их бегут из армии, спасаясь от издевательства, и припадают к ногам «Солдатских матерей», женской правозащитной организации. Но что она может в путинской России, где все контролирует ФСБ? Солдат возвращают обратно в армию. Что с ними происходит потом, установить невозможно.

В девяностые годы Патриархии удалось создать в армии небольшие гарнизоны, где служат одни только верующие солдаты. Там их никто не избивает, не принуждает к дедовщине, не приучает к курению, считающемуся в российской армии чем-то обязательным для солдата: не куришь – значит, чужой. А еще они избавляются от искушения слышать матерную ругань, ставшую в армии главным средством общения.

Эти гарнизоны расположены вблизи от монастырей, где солдаты могут пребывать в постоянном общении с духовником. Собственно говоря, такой и должна быть нормальная служба. Вера, отдавание воинского долга – и больше ничего. Как это было в царской России. Но в нынешней России этого нет.

Вообще-то верующих солдат во много раз больше тех, что упомянуты в патриаршем письме. Но они живут далеко от Москвы и не имеют возможности достучаться до Патриарха. В его список попадают лишь сыновья священников, семинаристы, ревностные молодые прихожане.

Для того чтобы тебя включили в патриарший список, надо принести свидетельство от духовника в Отдел по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными органами Московской Патриархии. А там будь что будет. Никакого юридического механизма, который контролировал бы прохождение этой бумаги, нет. Могут и согласиться, и отказать.

Но если будущий призывник приносит свидетельство от священника Зарубежной Церкви, то его выгоняют вшаей, да еще с издевательской усмешкой. Привилегия освобождения от дедовщины предназначена только для своих.

Хорошо это или плохо? Безусловно, хорошо, что несколько сотен благовоспитанных мальчиков, надежды Православия, избавляются от физических и моральных

страданий. Плохо то, что это привилегия для немногих, определяемая произвольно и узаконенная государством.

Но можно ли после этого говорить о том, что Церковь в России независима от государства?

ВЕРИТ ЛИ ПУТИН В БОГА?

1. КАК КРЕСТЯТСЯ В КГБ

В. Путин.

В 2000 году я получил редкостную возможность пройти обучение в музеях Кремля, дававшее право работать гидом у иностранных туристов.

До сих пор благодарю Бога за это! Когда еще я смог бы обойти каждый уголок территории Кремля, открытой для посетителей, услышать удивительные, порой мистические истории экспонатов Оружейной Палаты!

Но ее хранители жаловались.

– Вы представляете, – говорили они, – Путин взял моду прилетать в Кремль на вертолете и садиться на Соборной площади! От вибрации винта с икон осыпается краска. А ведь некоторые из них написаны еще в одиннадцатом веке!..

Слушатели были поражены. Было бы понятно, если бы так поступал кто-нибудь из малограмотных советских руководителей, вроде Хрущева. Но Путин – университетский выпускник! Уж он-то знает, какое значение имеет для русского народа Успенский собор. И тем не менее приземляется рядом с ним, словно у себя на даче. Согласитесь, в этой сцене есть нечто кощунственное...

В биографии Путина есть белое пятно. Оно скрывает то, в каком подразделении КГБ он работал перед поступлением в разведку. Российские биографы Путина старательно обходят эти несколько лет стороной.

Ведь молодых университетских выпускников в разведку сразу не принимали! Им полагалось набраться опыта, показать себя на низовой оперативной работе, а уж потом получить рекомендацию в разведку. Исключение делалось только для сыновей начальников, но Путин к ним не принадлежал.

В своей книге «От первого лица» Путин проговорился о том, что в КГБ его приняло то подразделение, которое «занималось» студентами.

А это было печально известное Пятое управление, боровшееся с инакомыслием. Преследовало Церковь тоже оно. Его деятельность называлась не контрразведкой, а политическим сыском. Оно было создано Андроповым по образцу Секретно-политического отдела НКВД, занимавшегося массовыми репрессиями.

Есть и еще одно доказательство. В конце семидесятых годов я учился в Минской школе КГБ вместе с нынешним российским министром обороны Сергеем Ивановым.

Все слушатели имели высшее гражданское образование, и потому учеба была недолгой, всего десять месяцев. Учили там одному – как вербовать агентуру. Выпускники технических вузов занимались отдельно от гуманитариев. Первым предстояло в дальнейшем обеспечивать безопасность оборонных заводов. Вторым – работать по «пятой линии». Именно на этом отделении и учился будущий министр обороны.

Позже он с гордостью писал, что начинал работу в КГБ в одном отделе с Путиным, и они даже были друзьями. Это подтверждает то, что Путин тоже работал по «пятой линии». Да и начальство в КГБ не допускало дружбы между офицерами разных отделов, чтобы избежать утечки информации. Дружить разрешалось лишь в рамках одного отдела.

И, наконец, о работе Путина по «пятой линии» мне рассказывал генерал Олег Калугин – знаменитый диссидент КГБ, ставший недавно гражданином США. В описываемое время он был первым заместителем начальника управления КГБ СССР по Ленинграду и Ленинградской области, а Путин – его подчиненным.

Сейчас Путин стыдится своего участия в советском политическом сыске, не вспоминает о нем. В чем же состояла его работа?

В выискивании антисоветских настроений в студенческой среде. Пользуясь неискушенностью молодых людей, Путин вербовал их, заставлял доносить друг на друга.

«Но ведь прямо против Церкви он не работал!» – могут возразить мне.

Нет, церковная и молодежная «линии» тесно переплетались! Религиозное диссидентство было распространено в студенческой среде. Для его выявления Путин должен был привлекать напарников из отделения по борьбе с Церковью, имевших агентуру среди священнослужителей.

И уж, конечно, он участвовал в обсуждении их работы на партийных собраниях.

Изложенные суконным профессиональным языком, отчеты выглядели так...

«За отчетный период Пятый отдел Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области проделал большую работу по церковной линии. Через агентуру в профессорско-преподавательском составе Ленинградской духовной академии были получены сведения о том, что слушатель Академии Н. допускает антисоветские высказывания, критикует политику коммунистической партии и советского государства в отношении религии и церкви.

Он был «профилактирован» (т.е. предупрежден и запуган, – *прим. авт.*) профессором Академии «Бдительным» (кавычки означают, что это агентурный псевдоним, – *прим. авт.*). Затем «Бдительный», под благовидным предлогом, познакомил Н. со старшим оперуполномоченным нашего отдела капитаном Ивановым, которого представил как аспиранта-религиоведа. После нескольких встреч в городе капитан Иванов склонил Н. к агентурному сотрудничеству с органами КГБ. Тот дал подписку о сотрудничестве и выбрал себе псевдоним «Иуда». За вербовку агента из враждебной среды капитан Иванов представлен к званию майора...»

И Путин не только выслушивал весь этот доклад не моргнув глазом, но и тянул руку вверх в единогласном одобрении, а потом вместе со всеми дружески хлопал Иванова по плечу.

Ведь и он сам вполне мог оказаться на его месте! Начальник Пятого отдела имел право задействовать для вербовки слушателя Ленинградской духовной академии любого из своих подчиненных независимо от того, к какому из отделений они принадлежали – по борьбе с Церковью или с писателями, с диссидентами или с сионистами. Все офицеры должны были уметь подменять друг друга.

И уж, конечно, Путина, как и всех офицеров Пятого отдела, не могли не привлечь к «обеспечению безопасности»

Крестного хода на Пасху. Смешавшись с толпой верующих, чекисты следили за тем, чтобы никто не выкрикивал антисоветских лозунгов.

Но главная задача была другой – не спускать глаз с иностранных дипломатов, приглашенных на Пасхальную заутреню. Чтобы те, воспользовавшись суматохой, не обменялись записками с кем-нибудь из советских граждан. Для этого надо было стоять рядом с дипломатами и умело изображать верующего – истово креститься, отвешивать поклоны, не переставая при этом зыркать глазами по сторонам.

Именно там, в КГБ, Путин и научился правильно класть крест...

2. ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

Многие чекисты, сами будучи циниками и атеистами, хорошо понимают психологию верующих. Это видно хотя бы по тому, как грамотно ведет нынешняя российская разведка работу по разложению Русской Зарубежной Церкви.

Это качество продемонстрировал и Путин на встрече с ее иерархами 24 сентября 2003 года в Нью-Йорке. На этой встрече он провел целых два активных мероприятия, да так тонко, что и комар носа не подточил.

Активными мероприятиями на языке КГБ называется дезинформация мирового общественного мнения. Ею занимается Служба «А» российской Службы внешней разведки. Общаясь с иерархами, Путин вел себя как ее офицер. Он любит Службу «А». Многие из ее сотрудников работают сейчас в его личной администрации, обрабатывая методами разведки российское общественное мнение.

Дезинформация – это не всегда ложь. Она может быть и правдой, только неполной.

Этот прием и использовал Путин, сходу успокоив иерархов тем, что возврата к коммунизму в России не будет.

И формально это действительно так! Коммунисты даже находятся в оппозиции, хотя и поддерживают Путина. А чего им его критиковать, если он воплотил в жизнь все их мечты и чаяния? Государство теперь снова важнее личности, свободы слова нет, милитаризация идет полным ходом, ненавистная Америка опять главный враг, а еще остающиеся на свободе буржуи дрожат от страха.

Только называется это по-другому – «государственничеством». Но ведь подчинение личности интересам государства и составляет главную идею коммунизма! Достаточно прочитать книгу Ленина «Государство и революция».

Возрожденный сталинский гимн и красное знамя служат лишь идеологическим оформлением нынешних российских порядков. А недавно там еще и снова стали платить пенсии за партийно-комсомольскую работу в советское время. Что это, как не возврат к коммунизму? И подписал этот указ не кто иной, как сам Путин. Но ведь не объяснишь всего этого в двух словах во время светской беседы!..

Со второй «активкой» Путин справился столь же успешно. Когда иерархи предложили учредить в России день памяти жертв безбожного террора, Путин ушел от ответа, сказав лишь, что об этом стоит подумать. Но при этом скрыл, что такой день в России уже существует. Это День памяти жертв политических репрессий, 30 октября. Да только теперь его замалчивают, запрещают митинги.

Посещая Соловецкий монастырь, Путин ни разу не упомянул о том, что при Сталине здесь был концлагерь, в котором погибли тысячи священников и мирян. Говорить о сталинских репрессиях в нынешней России немодно, непатриотично. Сведения о них изымают из школьных учебников. Да и новые репрессии уже начались.

Особенно не любят вспоминать этот День чекисты. Ведь он говорит о том, что вся их история была преступной. В путинской же России чекистов опять считают героями.

Этой «активкой» Путин добился двойного результата.

1. Он умолчал о Дне памяти жертв политических репрессий, внося вклад в его официальное забвение.

2. Заронил в иерархах надежду, что День памяти жертв безбожной власти в России все-таки могут учредить. Хотя эта надежда напрасна уже потому, что при Путине советскую власть больше не называют безбожной. Напротив, о ней принято вспоминать с большим уважением!

Иерархи растрогались, видя, как бывший коммунист набожно целует икону. А он всего лишь подыгрывал им, как и подобает разведчику. Ведь Путин никогда не уходил из разведки! Становясь премьер-министром и президентом, он оставался в ее рядах. Российский закон не требует его ухода.

Иерархов принимал не только президент, но и действующий разведчик. И потому эта встреча носила столь явные черты агентурно-оперативного мероприятия.

Путин лично руководит операцией «Русская Зарубежная Церковь». Это означает, что она – самая главная сейчас для российской Службы внешней разведки. На нее брошены силы и средства по всему миру, что мы и наблюдаем.

Путин в точности следует завету известного советского разведчика Рудольфа Абеля, говорившего так: «Немцы меня всегда принимали за немца, евреи за еврея, а англичане за англичанина». А для того, чтобы понравиться атеистам, Путин может вести себя по-другому. Заявил же он телекомпании «Си-Эн-Эн», что верит в человека. Это был его ответ на вопрос о том, верит ли он в Бога.

– Как такой ответ согласуется с христианским вероучением? – спросил я недавно у знакомого священника Московской Патриархии.

– Путину можно так говорить. Он политик! – отвечал священник со вздохом уважения.

– И я политик. Мне тоже можно? – переспросил я. Батюшка с улыбкой развел руками. Ответа у него не было.

3. ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬ

В характере Путина есть черты, каких не должно быть у верующего христианина. Он жесток и мстителен, хотя христианин должен прощать своих врагов и обидчиков. Именно так поступал его предшественник Ельцин, который не преследовал своих политических противников.

Он поощряет свой культ, предаваясь гордыне и побуждая россиян творить себе кумира. Его то и дело ловят на лжи, хотя христианин всегда должен говорить правду. Но главное – Путин лишен чувства христианского милосердия.

Вот что пишет о нем бывшая кремлевская журналистка Елена Трегубова в своей книге «Записки кремлевского диггера»: «С детьми у главы государства тоже как-то сразу не задалось. По кремлевскому пулу из уст в уста передавались анекдоты, которыми оборачивались попытки Путина приласкать деток.

В Петрозаводской больнице, вместо того чтобы пожалеть маленького мальчика на костылях, которого сбила машина, Путин заявил ему:

– Ну вот, не будешь больше правила нарушать!..

Неудивительно, что после этого крошечная девочка, которую Путин попытался поцеловать, не далась и в слезах призналась ему:

– Я тебя боюсь!..

Об этих эпизодах путинская пресс-служба запретила писать в репортажах под угрозой немедленного лишения аккредитаций. (...)

В волгоградском военном госпитале, который стоял в плане посещения Путина, журналистам раздали белые халаты и выставили на заранее заготовленные точки. В этом бутафорском облачении я случайно зашла в палату ампутантов, которых недавно привезли из Чечни. Я интуитивно почувствовала, что сейчас им больше всего надо, чтобы я улыбнулась и не побоялась с ними разговаривать, смотреть на них.

Девятнадцатилетний Алексей из Нижнего Новгорода рассказал мне, что после того, как его призвали в армию, он успел повоевать в Чечне всего три месяца: ему взрывом оторвало кисть руки и чуть не выбило глаз.

Тут дверь в палату распахнулась, и вошел Путин. Чтобы не мешать делегации, я осторожно присела на край кровати Алексея и благодаря этому услышала чудовищный разговор Верховного главнокомандующего с этим мальчиком, искалеченным на войне, которую он, Путин, развязал. Сначала генералиссимус ходил по палате, жал всем руки и вручал часы и переносной телевизор. А когда дошла очередь до Алексея, которому часы было надевать не на что, а телевизор смотреть – почти нечем, Путин спокойно поинтересовался у него:

– Глаз видит?

– Да.

– А то, что шрам такой на лице – это ничего! Сейчас хирурги все так умеют делать, что ничего потом заметно не будет! – бодро сообщил ему Путин.

После этого кандидат в президенты постарался побыстрее ретироваться из палаты ампутантов – уж больно невыгодная для телекамер предвыборная картинка там получалась.

Когда он стал прощаться, пробираясь к двери, Алексей даже не произнес, а еле слышно выдохнул:

– Даже не верится... Путин... Живой...

Больше всего мне хотелось встать и дать Путину пощечину за его бесстрастное выражение лица в тот момент, за менторский тон, которым он, не воевавший на войне, позволил себе говорить с этим мальчиком, раненным на войне, которая так понадобилась Путину для победоносных выборов. А еще – за путинскую пропаганду по всем телеканалам, которая успела так загадить людям мозги, что этот парень, едва оставшийся в живых, радуется, что увидел живого Путина».

Путин «не одобряет» свой культ, как гордо заявляют его помощники. Сам он, отвечая на этот вопрос, напряженно посмеивается, давая понять, что это лишь чье-то неумное усердие, и не больше.

Такой ответ вызывает слезы ностальгического умиления у многих пожилых россиян, потому что точно так же, и даже с теми же интонациями, комментировал свой культ Сталин. Путин вообще часто копирует Сталина, к которому относится с искренним пиететом.

На культ личности Путина работает мощная государственная машина. Чем выше взлетают цены на продукты и коммунальные услуги, тем больше вокруг появляется путинских портретов. Прилавки магазинов завалены белыми бюстками Путина, очень похожими на сталинские и ленинские. Недавно были изданы даже «Сказки о Путине», в которых тот выступает волшебным героем. На одной из книг Путин изображен отважным спецназовцем, уничтожившим террориста Хаттаба. Эстрадные ансамбли поют бравурную песню «За нами Путин и Сталинград». За счет президентской администрации содержится пропутинская молодежная организация «Идущие вместе». Это все – чья-то неумная услужливость?

Недавно был открыт даже детский сайт президента. Он насаждает путинский культ в неокрепших детских душах. Путин предстает в нем романтическим героем и, конечно, великим скромником, как Ленин.

Например, сайт задает детям вопрос: «Что делать тем, кто слишком сильно любит президента и не может без него жить?». И сам же отвечает: «Успокоиться».

Но понятен ли ребенку такой ответ? Надо успокоиться, смирившись? Или, наоборот, прекратить воспевать Путина?

«Успокойся», – это любимое чекистское словечко, не означающее ничего. Понимать его можно по-разному. А ребенку всегда нужна ясность. Такой ответ портит детские души. А профессиональным чутьем я ощущаю, что это слово вставил сам Путин.

Идея непогрешимости Путина уже настолько вбита в сознание людей, что сомневаться в ней считается непатриотичным.

«Если я напишу, что Путин никогда не станет чемпионом мира по дзюдо, это тоже будет непатриотичным?» – таким вопросом задался весной 2003 года на страницах «Новой газеты» популярный журналист Юрий Щекочихин.

Вскоре он умер странной смертью. Знатоки говорят, что он был отравлен одним из ядов, изобретенных в КГБ. Это косвенно подтверждается той завесой официального молчания, которой до сих пор окружена его смерть несмотря на то, что он был депутатом Государственной Думы.

Юрий Щекочихин был яростным критиком Путина, подозревал его в организации взрывов жилых домов в Москве в 1999 году, послуживших началом войны в Чечне.

Абсолютно все политики, которые утверждали то же самое, подверглись репрессиям. Одних убили, других выгнали за границу, третьи сидят в тюрьме. Может быть,

Путину удастся выдать все это за чье-то головотяпство, как умел делать Сталин? Но вряд ли ему удастся убедить мир в том, что он выполняет евангельскую заповедь «Возлюби врага своего, как самого себя».

Примеров путинской лжи не счесть. Приведу лишь два.

Первый раз он соврал в Испании, в июне 2000 года. Тогда был арестован известный журналист Владимир Гусинский. Возглавляемый им холдинг «Медиа-Мост» не только критиковал войну в Чечне, но и высмеивал Путина лично. А тот, как известно, насмешек не переносит.

Международная общественность потребовала объяснений, и Путин не нашел ничего лучшего, чем сказать, что не смог дозвониться в Москву до Генерального прокурора Устинова.

Весь мир поднял Путина на смех. Особенно этим отличался популярный российский сатирик Виктор Шендерович. С тех пор, едва поступало известие об очередном разговоре Путина с Генеральным прокурором, Шендерович иронически сообщал с телеэкрана: «Ну, наконец-то дозвонился!»

Но шутил он только до тех пор, пока телекомпанию ТВС, где он работал, не разогнали, а его самого не отлучили от эфира.

Второй пример еще более циничен. В октябре 2003 года Путин заявил американским журналистам, что нервно-паралитический газ, от которого погибли заложники в Театральном центре на Дубровке в октябре 2002 года, был безвредным! Что он не мог причинить какого-либо вреда людям, которые стали жертвами обезвоживания и собственных хронических заболеваний.

Общероссийское движение «За права человека» выпустило специальное заявление о том, что данное утверждение президента полностью не соответствует действительности.

Ирина Хакамада, пытавшаяся спасти заложников на Дубровке, тогда сообщила прессе, что Путин сам выбирал газ.

Это было актом особого цинизма. Во-первых, Путин не специалист по газам, а во-вторых, он прекрасно знал о том, что выбранный им газ убьет заложников или оставит их инвалидами. Это говорит о жестокости и немилосердности Путина, так мало сочетающимися с заветами христианства.

Родители 14-летней Нины Миловидовой, погибшей на Дубровке, подали в Тверской суд Москвы судебный иск к Путину и к еженедельнику «Коммерсант-Власть» о защите чести и достоинства. Они требуют компенсации морального вреда.

В исковом заявлении говорится: «Опубликованные сведения о том, что «газ был безвредным и не мог причинить вреда людям», не соответствуют действительности, а кроме того, причиняют истцам боль и нравственные страдания».

Подать на Путина в суд считается в нынешней России верхом гражданской смелости. Но несчастным родителем, видно, уже нечего терять. Интересно, как будет отпихиваться от их иска наш верноподданный суд?

Р.С. 5 июня 2004 года Тверской районный суд Москвы вынес издевательское решение о том, что путинская ложь распространяется исключительно на самих погибших, а интересы их родственников нисколько не затрагивает. Это означало, что только погибшие могли бы подавать в суд на Путина, который и так никому в России не подсуден. Суд отказался рассматривать иск родителей Нины Миловидовой и других жертв штурма Театрального центра на Дубровке.

НАМ НЕ НУЖЕН ПАТРИАРХ ПУТИН!

1. КОГОТОК УВЯЗ – ВСЕЙ ПТИЧКЕ ПРОПАСТЬ

В. Путин и митрополит Лавр (Шкурла).

Живо представляю сцену, которая разыгрывается в приходах Зарубежной Церкви, отошедших к Москве. В кабинет настоятеля постучится московский гость.

– Здравствуйте, я ваш новый настоятель! – представится он и протянет патриарший указ...

– Позвольте, это я настоятель! – с недоумением возразит хозяин кабинета.

– А теперь буду я! Вы же сами мечтали о двух Церквях под одним патриархом? Вот он меня и назначил...

– А как же обещанная широкая автономия? Я буду жаловаться! – обиженно воскликнет прежний настоятель.

– Куда?! – с сарказмом спросит московский гость, и хозяин кабинета виновато опустит бороду.

Действительно, жаловаться некуда. Американский закон не придет на помощь, такая ситуация в нем не предусмотрена.

А вслед за новым настоятелем придет не только группа священников, но и староста, и завхоз, и казначей, и шофер, их жены. Нынешний бюджет на нужды обороны и безопасности самый большой за всю историю России, и денег хватит на всех.

Сейчас многие священники Зарубежной Церкви говорят, благодушно улыбаясь: «Да куда они без нас денутся! Ведь мы знаем местные условия, прихожан»...

Но в ближайшей резидентуре СВР тоже знают местные условия и, уверяю вас, не хуже. А что касается прихожан, то с ними чекисты тем более разберутся, сами будучи «врачами душ человеческих». Начнется массовая вербовка эмигрантов.

Присоединение Зарубежной Церкви – это часть путинской административной реформы, ведущей к укрупнению ведомств и территориальных образований с целью облегчения государственного руководства ими. Сейчас в России все возвращается под государственную длань, начиная от бизнеса. Непокорных уничтожают.

Наглой ложью звучат посулы дать Зарубежной Церкви широкую автономию. Никакой автономии – ни широкой, ни узкой – в России нет. Сейчас там выкорчевывают последние остатки местного самоуправления. Отменена выборность губернаторов.

Может быть, есть автономия где-то в Московской Патриархии? Но и там тоже царствует вертикаль власти, жесткая воинская дисциплина. Спросите у любого молодого священника, на что Церковь больше всего похожа изнутри, и он скажет: «На армию».

Путин подражает Сталину, своему кумиру, который всегда старался залезть на смежную территорию. Назвав Карелию «Карело-Финской ССР», он напал на Финляндию, и часть ее территории отошла к России. Назвал Бурятию «Бурят-Монголией», и Монголия де-факто стала частью Советского Союза. Поглощение Зарубежной Церкви будет означать выход путинской «вертикали власти» за пределы России, распространение ее на русских эмигрантов.

Материальным выражением «вертикали власти» станут бывшие храмы РЗЦ, перешедшие в собственность российского государства. Об этом проговаривались участники переговоров. А зарубежной недвижимостью у нас ведает администрация прези-

дента – крупнейший российский собственник-спрут и единственный свободный предприниматель.

В храмах Путин получит бастионы российского политического влияния во всех главных городах мира. Навечно. А какое учреждение у нас занимается его продвижением за рубежом? Правильно, разведка. Потому храмы неизбежно станут шпионскими резидентурами.

Приобрести около трехсот новых зарубежных точек – мечта разведки! Их и сейчас столько же. Удвоение числа резидентур означает удвоение числа генеральских должностей и зарубежных вакансий. Работа за границей, остававшаяся для многих разведчиков несбыточной мечтой из-за отсутствия свободных мест, теперь станет для всех доступной. Столь лакомого куска разведка никогда не упустит.

Это особенно важно в свете начавшегося охлаждения отношений России с Западом и перехода к изоляционизму. Так Красная армия оставляла диверсионные группы на территориях, которые должны были занять немцы.

Россия уверенно идет на должность руководителя стран-изгоев – Ирана, Северной Кореи, Саудовской Аравии. Дружба с ними растет не по дням, а по часам. Западные лидеры пока не понимают опасности. Они лишь горько возопиют задним числом, обнаружив у себя под боком триста новых резидентур, и начнут тратить миллиарды на преодоление последствий. Но так было всегда.

Именно поэтому переговоры об объединении Церквей ведутся в глубокой тайне. Впрочем, какие это переговоры? Игра в одни ворота! Часть верхушки РЗЦ откровенно работает на Москву и давно сдала свою Церковь со всеми потрохами. Когда я слышу о том, что делегацию РЗЦ в очередной раз возглавляет архиепископ Марк, я не могу удержаться от горькой усмешки: «Москва с Москвой разговаривает!»

На протяжении семидесяти лет РЗЦ была объектом разработки КГБ. Я сам держал в руках план работы КГБ по ее разложению. Согласитесь, что за это время можно было хоть что-то сделать! Ведь Зарубежная Церковь маленькая, а КГБ обладает неограниченными ресурсами огромного государства. Он в состоянии подменить все духовенство. Вот только всех верующих КГБ не может завербовать. Огромное число их выступает против унии с Москвой. Они не верят в независимость Московской Патриархии от государства. Их страшит происходящее в путинской России. В этом надежда на возрождение Церкви.

Западным людям, привыкшим к ясности, трудно понять, что переговоры об объединении ведутся вовсе не с Московской Патриархией. Ведь она не имеет властных рычагов и выступает лишь просителем у государства. Даже собственные храмы ей не принадлежат! Как они отошли к государству после большевистской национализации 1917 года, так там и пребывают.

Церкви они переданы лишь в бессрочное пользование. Но в России ничего бессрочного не бывает. Стоит Путину охладеть к религии и церкви, как все кажущееся могущество Московской Патриархии растает как дым.

На переговорах с зарубежниками она выполняет роль чтеца-декламатора, озвучивая текст, который за нее написали другие: администрация президента, Служба внешней разведки и земельная мафия, контролирующая недвижимость в стране и за рубежом. Именно участием мафии объясняется спешка с поглощением Зарубежной Церкви: мафия не любит ждать.

Недавно мне позвонил знакомый журналист из Москвы и со смехом сообщил:

– Здесь вас уже заочно присоединили, а собственность вашу поделили!..

Это означает, что уже полюбовно решено, какая из мафиозных группировок будет контролировать тот или иной приход Зарубежной Церкви (впрочем, теперь почему же зарубежной?).

В них прибавится по два новых оброка: один – мафии, а другой московским епископам в личный карман: зря, что ли, они старались, да и где еще прихожане платят валютной?..

Всего этого нынешним священникам-иностранцам не объяснишь. Не поймут они этот русский обычай, что заранее предreshает их участь.

Более того, для новых хозяев они станут просто опасными! Ведь в каждом приходе появится теперь группа общительных молодых мужчин из ближайшего российского консульства. Им иностранец на приходе вообще не нужен, они будут воспринимать его как агента местных спецслужб, и предпочтут проверенного батюшку с российским паспортом.

Лукавые призывы к объединению, исходящие из Москвы, полны недомолвок. Например, говорится о том, что между Зарубежной Церковью и Московской Патриархией уже нет никаких различий, кроме отношения к сергианству и экуменизму.

На самом деле различия есть, и их много. В Зарубежной Церкви более уважительно относятся к верующим. Здесь не закрывают приходских собраний до тех пор, пока не выскажется каждый желающий. Здесь более тщательно выполняют обряды, точно следуя канонам царской России. Здесь не освящают языческих идолов, как это сделал недавно чувашский митрополит Варнава при полном одобрении Алексия Второго.

Но главное отличие состоит в том, что приходы Зарубежной Церкви владеют своими храмами на правах собственности, а в Московской Патриархии они принадлежат государству. При переходе в другую юрисдикцию иностранный приход может взять храм с собой, а российский не может. Он должен оставить храм и все имущество Патриархии.

Первоначально планировалось, что Зарубежная Церковь войдет в Московскую Патриархию вместе с храмами. Но это получило нежелательную огласку, вызвавшую возмущение верующих.

Однако есть и другой путь: перейти под Московскую Патриархию, оставив храмы себе и ограничившись лишь поминанием Алексия Второго. Но вместе с этим поминанием чекисты начнут замену приходских советов. Работа эта архилегкая в условиях западной расслабленности и всеобщей доверчивости. КГБ же в этом набил руку за семьдесят лет.

Работа с приходскими советами пойдет споро. Патриотов завербуют, колеблющихся подкупят, слишком умных убьют. А из России подкатит волна ложных эмигрантов, перед которыми разведка поставит цель пробиваться в приходские советы. Если там сейчас и тысяча долларов считается крупной суммой, то московские гости будут вносить десятки тысяч.

В итоге приходские советы проголосуют за присоединение храмов к Москве.

А что касается лже-эмигрантов, то их и сейчас уже много. Я с удивлением обнаружил это, приехав в Америку. Эти люди были присланы для разложения эмиграции изнутри. Их работа дает плоды.

Недавно здесь, в Америке, я познакомился с одним из священников Зарубежной Церкви. Как водится, первым делом спросил, под чьим омофором он пребывает – митрополита Лавра или Виталия.

– Пока под Лавром, а там посмотрим, – отвечал он.

Все громче слышны разговоры о расколе. В случае унии с Москвой одни приходы перейдут к митрополиту Виталию, другие – в Российскую Православную Автономную Церковь. Она гонима в России, что придает ей авторитет за рубежом. Многие приходы и монастыри присоединяются к ней. Появилась даже пословица: «Зарубежная Церковь сейчас находится в Суздале».

И всю эту бучу в тихом эмигрантском болоте подняло КГБ! Как бы ни развивались события дальше, все ему будет на руку. КГБ играет с Зарубежной Церковью в беспроигрышную игру. То ли слившись с Москвой, то ли распавшись в расколе, она все равно перестанет существовать. Исчезнет единый духовный центр русской эмиграции. Одним потенциальным политическим противником у Путина станет меньше. Для чего и затевалась операция «Зарубежная Церковь».

Произойдет то, что уже было в истории России: белые ушли, красные пришли. Наследники большевиков разрушат последний, чудом сохранившийся институт царской России.

2. УШЛА ЛИ БЕЗБОЖНАЯ ВЛАСТЬ?

7 ноября у нас, в вашингтонском Свято-Иоанно-Предтеченском соборе, епископ Михаил Бостонский служил панихиду по убиенным от безбожной власти. Я представил, каким торжественно-мрачным диссонансом служила она в течение семидесяти лет тому безудержному веселью, которое лилось в этот день в Советском Союзе и странах-сателлитах. Миллионы людей откровенно радовались, и только одни эмигранты поминали своих погибших.

Потом епископ Михаил сказал проповедь о том, что безбожная коммунистическая власть, к счастью, окончательно ушла в прошлое.

В том, что это не так, каждый мог убедиться, уже перейдя в церковный зал, где предстояла встреча с епископом. Там, на доске объявлений, висел рекламный плакат Ансамбля песни и пляски Российской армии имени Александрова. Того самого, который написал нынешний сталинский гимн, называвшийся первоначально Гимном партии большевиков. Этот гимн и поет сейчас новая Россия.

Рекламный плакат был испещрен красными флагами. Российская армия в нем была названа Красной, – той самой, которая плодила жертв недавно отзвучавшей панихиды. А на самом видном месте красовался герб, но совсем не двуглавый орел, а «серпасто-молоткастый», советский. Ансамбль песни и пляски – подразделение Министерства обороны. Рекламный листок мог быть утвержден только им. Какое еще нужно свидетельство возвращения России к советскому прошлому?

Многим эмигрантам неясно, что случилось с безбожной властью: ушла она или осталась? С одной стороны, ее уже похоронили, а с другой – все ее люди и сейчас во власти. Начиная от Путина.

Они перестали бы таковыми быть, если бы покалялись. Но они и не собирались этого делать! Наоборот, в нынешней России восхваляется все советское. И суд над КПСС в 1991 году захлебнулся под тяжестью мощного коммунистического лобби. И русский народ не покалялся в убийстве царской семьи. И Московская Патриархия не покалялась в сотрудничестве с КГБ и работе на коммунистов. Никто в России ни в чем не покалялся за исключением горстки интеллигентов в начале девяностых годов.

Но они были атеистами. Церковное же покаяние принес, по-моему, один только я. А потом объявил об этом с телеэкрана, в программе «Совершенно секретно», призвав всех своих коллег-чекистов к покаянию перед Господом.

На следующий день мой телефон взорвался от звонков.

– Нам не в чем каяться! – кричали взбешенные голоса, и старческие, и молодые.

В итоге мне пришлось бежать в Америку, спасаясь от мести бывших коллег. Такое вот покаяние принесла Россия. А между тем многие эмигранты исходят из того, что какое-то покаяние все же было.

Епископ Михаил Бостонский раньше был противником унии с Москвой, а теперь стал сторонником. Я спросил его, не жалко ли ему отдавать свою паству на заклание КГБ. Ведь вместе с московскими батюшками сюда придет путинское государство, возглавляемое спецслужбами. Они начнут массовую вербовку эмигрантов. А потом их, так же массово, пересажает ФБР. Обе спецслужбы будут довольны, но сломается много судеб.

Епископ ответил исторической фразой: «Быть православным – значит быть лояльным к России», тем самым одоблив вербовку. Но нынешняя Россия – это совсем не та милая и наивная крестьянская страна, которую покидали его предки. Россия Путина больше напоминает гитлеровскую Германию. Мне вспомнились слова старого эмигранта графа Ламсдорфа о своих собратях, помогавших СССР: «Они думали, что помо-

гают России, а помогали Совдепии». Сейчас придется помогать путинской империи КГБ.

Россияне бегут от Путина. Политических беженцев из России больше, чем из любой другой страны мира! В прошлом году двадцать четыре тысячи россиян попросили убежища на Западе. Вряд ли бы они стали убегать из той умиротворенной православной страны, какой представляют себе Россию многие эмигранты.

Коснувшись вербовки эмигрантов, епископ Михаил объяснил, что она тоже ушла в прошлое вместе с безбожной властью. Потому что Россия, став православной, считает эмигрантов не врагами, а друзьями.

Но российская власть никогда и нигде не заявляла об этом! Эмигрантов она величает соотечественниками, не больше. И официально Россия не является православным государством. Второе место по численности в ней занимают татары, и Путин постоянно лавирует между православным и мусульманским духовенством. Он хочет сделать Россию членом Лиги исламских государств. Могло бы такое прийти в голову правителю православной России?

А главное, начальник разведки Лебедев нигде не говорил, что русских эмигрантов больше не вербуют. Это епископ Михаил сам за него додумал. Да и почему бы не вербовать эмигрантов, если они граждане стран Запада, который снова объявлен главным врагом России?

Неубедительную и умозрительную схему предлагает епископ Михаил. Стоит ли ради нее рубить сук, на котором сидишь?

А что до вербовки эмигрантов, то Путин сделал ее приоритетным направлением разведки наряду с политическим, научно-техническим и нелегальным шпионажем. К этому его подтолкнула сама жизнь. Эмигрантов стало так много, что их надо держать в узде. Если они станут обличать Путина, ему несдобровать. А всеобщей лояльности можно добиться только средствами разведки. Да и к секретам они доступ имеют.

Работа по русским эмигрантам на языке КГБ называется «линия «ЭМ». Заместитель по этой линии появился недавно у каждого из многочисленных резидентов Службы внешней разведки по всему миру. В подчинении у него находится группа разведчиков, работающая только по эмигрантам. Этим притоком свежей крови и объясняется немыслимая активность в поглощении Зарубежной Церкви. Молодые офицеры хотят показать оперативный результат. Они вгрызаются в Церковь со всех сторон.

Вербовать эмигрантов легко. В душе у многих из них живет приукрашенный образ родины, этакий град Китеж, имеющий мало общего с суровой российской жизнью. Они испытывают чувство вины перед родиной, создающее благоприятный фон для вербовки.

Скажешь такому: «Помогите России!», а у него уж и слезы из глаз. Это называется «вербовкой на патриотической основе». Проклятая ностальгия!

На ней играет разведка.

Сознание отстает от бытия, как говорил Карл Маркс. Многие эмигранты мыслят точно по Марксу: Россия возвращается в сталинизм, а они все считают, что в ней град Китеж.

Но главную ценность для разведки представляют все же не они, а православные американцы, англичане, французы: коренные жители. Они имеют больший доступ к секретам. Их разведывательные возможности шире. Не знающие подводных камней нашей жизни, по-западному доверчивые, безгранично верящие священнику, они станут легкой добычей СВР. Большинство их выступает против унии с Москвой. Если она состоится, они уйдут из Зарубежной Церкви.

3. ГРЕХ НАШИХ ЕПИСКОПОВ

В своем верноподданическом раже верхушка РЗЦ приписывает Москве даже те достоинства, которых та сама за собой не числит. Например, она открытым текстом заявляет, что не желает критиковать митрополита Сергия и считает его святым. (Действительно, вопрос его канонизации сейчас обсуждается.) Но верхушка РЗЦ, словно не слыша всего этого, славословит Москву за отказ от сергианства!

В недавнем Послании Архиерейского Синода РЗЦ от октября 2004 года говорится о том, что Социальная концепция Московской Патриархии по существу обличает Декларацию митрополита Сергия и объявленный ею курс. Но никакого обличения сергианства я в ней не нашел, одно лишь его откровенное восхваление!

В Концепции нет ни слова о преследованиях Церкви в советский период. Словно в насмешку над своими обожателями из Зарубежной Церкви, авторы Концепции характеризует его устами Поместного Собора 1990 года, созванного сергианами под властью большевиков! Этот Собор хладнокровно замечает, что после Собора 1917–1918 годов все Поместные Соборы «проходили в условиях, когда история сделала невозможным возвращение к дореволюционным принципам церковно-государственных отношений». Эта какая же такая история? Нельзя ли поподробнее, товарищи?

Далее Собор продолжает так: «На протяжении тысячелетней истории Русская православная Церковь воспитывала верующих в духе патриотизма и миролюбия. Патриотизм проявляется в бережном отношении к историческому наследию Отечества, в деятельной гражданственности, включающей сопричастность радостям и испытаниям своего народа, в ревностном и доблестном труде, в попечении о нравственном состоянии общества, в заботе о сохранении природы». Ну чем не сергианский текст? Слышна даже прямая цитата из его декларации. Именно так любил изъясняться патриарх Пимен, тщательно избегая упоминания о Христе.

Но наших епископов прельстило, конечно, другое. Это слова о полной независимости Церкви от государства, вплоть до неповиновения ему в случае принуждения им православных к отступлению от Христа.

Но как это возможно на практике? Неужели Путин и его последователи решатся противопоставить себя всему миру, выкинув лозунг: «Россияне, отрекайтесь от Христа!» Не полные же они идиоты, в конце концов! Да и зачем это нужно? Ведь любую неблагоприятную цель можно объяснить заботой о родине, что и происходит сейчас в России.

А как Церковь может быть независимой от государства, если ему принадлежат все ее храмы? А светом и теплом снабжает тоже оно? Возьмет да отключит, как уже сейчас делает милиция во время арестов. Вот и вся независимость.

Московская Патриархия не может существовать без государственной поддержки. Она разрослась до огромных размеров, а число верующих не так велико, как хотелось бы. Подлинных православных христиан не более одного процента, что является страшной тайной.

Нет, не обличение сергианства напоминают вышеупомянутые пассажи, а сталинскую конституцию, не рассчитанную на применение.

Без всякой исповеди верхушка Зарубежной Церкви посылает сергианам прощение, которого они и не думали просить. Она направляет нас к молитвенному общению с нераскаявшимися грешниками. В этом состоит ее грех.

Но, к счастью, на Западе родилось новое поколение духовенства. В отличие от престарелых архиереев, подвергавшихся воздействию КГБ на протяжении всей долгой жизни, оно выросло свободным. Оно любит православие и русскую культуру, но ничем не считает себя обязанным российским властям. Ему и в голову не придет соединяться с кагэбэшной Московской Патриархией. Поэтому в нем началось движение протеста. У него даже появился лозунг: «Нам не нужен патриарх Путин!».

III. ФСБ ПРОТИВ СВОБОДЫ СЛОВА

1. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ НЕНАВИСТЬ К ЖУРНАЛИСТАМ

Свобода слова была одним из немногих завоеваний молодой российской демократии после крушения коммунистического режима в 1991 году. Сейчас она уничтожена. Нынешнему мафиозному российскому капитализму эта свобода не нужна. Главным гонителем свободы слова выступает сам президент Путин, выходец из ФСБ. По данным, просочившимся из ФСБ, Путин выделил огромные деньги на вербовку журналистов. Главным инструментом подавления свободы слова в новой демократической России стала ФСБ.

Идеологическим обоснованием гонений на свободу слова в России послужила «Концепция информационной безопасности», выдвинутая Путиным сразу после восшествия на престол. Суть ее по-чекистски хитрая. Она состоит в том, чтобы перенести правила обращения с секретной информацией на всю информацию в целом, на свободу слова в России. Да, секретная информация требует некоторых ограничений в своем распространении. Но другая, несекретная, информация не может быть секретом и должна быть доступна всем! Цель этой концепции состоит в том, чтобы объявить любую информацию секретной, поскольку всякая информация о слабых местах и недостатках страны может быть использована врагом в случае военного нападения.

Впрочем, Путин не является изобретателем этой концепции. Ее авторство принадлежит Сталину. Именно по его приказу в 1947 году все сведения, касающиеся деятельности государства, были объявлены государственной тайной. С той поры советские люди не имели права сообщать своим друзьям, где они работают, даже если они работали простыми рабочими на заводе, и что производит их завод, даже если он выпекал хлеб. Ведь хлеб – тоже стратегическая продукция! Никто не знает, сколько миллионов людей было посажено в тюрьму в сталинской России за нарушение этого правила!

ФСБ и свобода слова – вещи несовместимые. Ведь ФСБ – наследница советского КГБ, который формировался в условиях отсутствия свободы слова, яростного искоренения последних ее остатков после коммунистической революции 1917 года.

Большевизм обязан рождением не только марксизму, ложному учению, отвергнутому в Европе и нашедшему сторонников в России. Он связан и с русскими традициями. В России всегда боялись свободного слова. Ведь в православии слово – это Бог. Тот, кто произносил правдивое слово обличения правящего режима, становился приближенным к Богу. Простые люди начинали тянуться к нему, как к святому. Поэтому задача русских властей на протяжении многих столетий была одна – не дать никому это слово произнести.

Первые послабления наступили лишь в начале двадцатого века, в эпоху Николая Второго, перед самой революцией. Именно тогда впервые появилась в России свободная журналистика. Яркими красками заиграл литературный талант на страницах множества газет и журналов. Были там и серьезные статьи политологов, экономистов и философов, на главное, чем славилась русская журналистика той поры – сатира и юмор. Сдерживаемые в течение столетий, они прорвались наружу перед Первой мировой войной, родив плеяду выдающихся юмористов. Главным из них считается Аркадий Аверченко. Именно он первым стал высмеивать жестокую и тупую политику Ленина и большевиков в своих блестящих статьях. Едва ли не первым из журналистов, он был приговорен к расстрелу, но в последний момент успел убежать в Финляндию. Писание своих метких обличительных памфлетов он продолжил в эмиграции.

Но традиция юмористической журналистики сохранилась в России, несмотря на 70-летнее господство большевиков. Однако все писатели-юмористы становились агентами КГБ и творили полностью под его контролем. Коммунистическая партия, ЦК

КПСС, Ленин и идея коммунизма – вот то, чего нельзя было высмеивать. Тот, кто пробовал сделать это, тотчас оказывался в лагерях.

После прихода к власти большевиков в 1917 году ни один из русских дореволюционных журналистов не получил права публиковаться в советской печати. К тому же большинство из них успело эмигрировать за границу, а те, кто не успел, были расстреляны. Тем не менее еще оставалась горстка самых живучих, однако и им было запрещено публиковаться под своим именем.

Но, к счастью, в России каждое дело остается недоделанным. Так случилось и с буржуазными журналистами. Их почти полностью истребили, но потом спохватились – нужно же кому-то создавать новую советскую прессу!..

Так первая группа недострелянных журналистов была мобилизована на службу советской власти уже в январе 1918 года. Они создали ТАСС, первые коммунистические газеты. Дрожащие от страха, вынужденные притворяться и врать, они, конечно, не могли считаться образцом честной журналистики. Именно эти люди создали тот гнусный советский газетный стиль, известный всему миру, – неконкретный, беспринципный и очень скучный.

Лишенным возможности писать аналитические статьи, дореволюционным журналистам доверялась только одна работа – фальсифицировать статьи «рабоче-крестьянских корреспондентов» – простых людей, большей частью неграмотных, а в лучшем случае окончивших один-два класса начальной школы. Обманутые большевистской пропагандой, они возомнили себя писателями и начали слать в редакции горы писем, в которых разоблачались мелкие недостатки советской власти, высказывались рационализаторские предложения для промышленности и, конечно, бичевались «враги народа».

Но эти статьи были написаны столь безграмотно и путано, что нормальный человек ничего бы в них не понял. И бывшие буржуазные журналисты, скрепя сердце, придавали им литературный вид. Ни на что большее они рассчитывать не могли.

И как раз в те самые годы в России создавался КГБ, который тогда назывался Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ЧК). От этой аббревиатуры произошло известное всему миру слово «чекист». Именно поэтому КГБ, ровесник советской прессы, изначально привык видеть ее рабски зависимой, – ведь каждого журналиста в любой момент можно расстрелять. И любое самоволие журналистов по сей день встречает в КГБ непонимание и ненависть. Эта ненависть носит зоологический характер, является видовым признаком. Ибо не может быть КГБ без ненависти к свободе слова. КГБ без ненависти к свободе слова – это не КГБ.

До сих пор в российской прессе сохраняются дискриминационные ограничения для «буржуазных журналистов» в оплате труда, хотя самих этих журналистов давно уже нет на свете. Эти ограничения сохранились в Агентстве печати «Новости», которое сейчас называется РИА «Новости». Оно было организовано в двадцатые годы для создания на Западе благожелательно-лживого представления об СССР. Именно там были сконцентрированы лучшие силы несчастных бывших буржуазных журналистов, в любую минуту ожидавших ареста.

Мало кто из них выжил. В начале семидесятых годов, в студенческой молодости, я, начинающий историк, с удовольствием сводил знакомство с последними представителями царской России. Мне приходилось встречать довольно много дворян и даже князей. И белых офицеров, прошедших сталинские лагеря. Даже священников, хотя религия в СССР была приговорена к смерти. Наконец, я видел тех, кто сотрудничал с гитлеровскими оккупантами во время войны, даже эти люди уцелели в тюрьмах. Но журналистов царской России не довелось встретить ни одного. Все они были уничтожены в лагерях. Вот как опасна была для коммунистов независимая журналистика!

В горбачевскую эпоху, когда стало возможным говорить более-менее свободно, в Агентстве печати «Новости» разгорелся давно сдерживаемый скандал. Штатные журналисты АПН возмутились тем, что им платят в несколько раз меньше, чем внештатным авторам. Они потребовали у отдела оплаты труда объяснить причину дискримина-

ции. Тот долго отмалчивался, но, подчиняясь новому времени, предъявил секретный указ, подписанный в 1921 году самим Лениным. Он предписывал платить «буржуазным», – то есть профессиональным журналистам, в несколько раз меньше, чем безграмотным рабоче-крестьянским корреспондентам, присылавшим в АПН свои письма. Но к восьмидесятым годам и те, и другие исчезли, создав единый класс продажных и лживых советских журналистов. Выходцы из небогатых интеллигентских семей или кланов высоко обеспеченной партийной бюрократии, они учились в одних и тех же институтах – на факультете журналистики МГУ или в Институте международных отношений. Но те из них, что поступали в АПН, получали за одни и те же статьи в несколько раз меньше, чем их приятели и коллеги, посылавшие в АПН свои корреспонденции из Лондона и Парижа, но тем не менее пользовавшиеся привилегиями безграмотных рабоче-крестьянских корреспондентов двадцатых годов. Впрочем, многие члены партийной верхушки, чьи дети были в большинстве своем зарубежными корреспондентами, сами вышли именно из этой среды.

Кстати, до сих пор присутствие ФСБ в агентстве РИА «Новости» сохраняется. Это неудивительно, ибо это агентство было создано при прямом участии КГБ, и некоторые отделы его состоят сплошь из офицеров разведки. Об этом легко догадаться, увидев, как по завершении рабочего дня из дверей отделов выходят одни только мужчины, словно из ворот секретной военно-космической базы. Впрочем, увидеть это не так просто, поскольку эти отделы расположены далеко от основного здания РИА «Новости», затеряны в старинных переулках Москвы, и рядовому сотруднику АПН их местоположение неизвестно.

Так формировались традиции работы КГБ в прессе. И поэтому недолгая свобода слова в России вызывала в ФСБ одно только раздражение и злобу. ФСБ не знает, как работать со свободной прессой. Признать же то, что эта работа вовсе не нужна, ФСБ не может, потому что в этом случае сама она окажется не у дел.

Увы, такой подход к прессе находит полное понимание у нынешнего президента Путина. Сам он тоже из чекистов и воспитан на отторжении всякой свободы слова. Но дело не только в том, что он – выходец из КГБ. Я, например, тоже им являюсь. Дело в том, ставленником каких сил является Путин.

А он – ставленник нынешнего криминального российского капитализма. Его криминальность имеет два аспекта.

Первый состоит в том, что в экономической жизни России большую роль играет мафия. А второй – в том, что нынешние олигархи получают привилегии от государства по протекции, незаконно, преступным путем. Свобода слова им не нужна. Слишком много криминальных перераспределений собственности, хищений, переводов российских капиталов за рубеж совершено в последнее время. Независимые журналистские расследования этим людям очень некстати. Администрация Путина поручила борьбу с независимой прессой ФСБ. Чекисты взялись за эту работу с радостью.

Среди всех своих недругов чекисты предпочитают бороться в первую очередь с журналистами, хотя кроме них есть и иные враги – мафия, коррупция, шпионаж. Порой ненависть ФСБ к журналистам проявляется в самых неожиданных формах.

В 1997 году именно для борьбы с мафией, а вовсе не с журналистами, президент Ельцин назначил своим личным представителем в Приморском крае начальника местного Управления ФСБ генерала Виктора Кондратова.

В России до сих пор жива иллюзия того, что КГБ не связан с мафией и коррупцией. Генералу Кондратову предназначалось противопоставить себя погрязшему в коррупции губернатору Евгению Наздратенко. Его правление ознаменовалось массовыми хищениями всего и вся, отключением тепла и света на Дальнем Востоке, а главное – угрозой отделения этого богатейшего региона от России, сепаратизма.

Губернатор Наздратенко, как и всякий мафиози, сразу начал упреждающие действия. В июне 1997 года он дал интервью московскому журналу «Профиль». В нем он заявил, что с приходом Виктора Кондратова на должность начальника Управления ФСБ по Приморскому краю из управления ушли лучшие офицеры, и в крае резко воз-

росла преступность. Это интервью было рассчитано на неискушенных людей: ведь ФСБ не борется с преступностью, это задача милиции! Но мнение губернатора, конечно, запало в души дальневосточников, неискушенных в работе спецслужб.

В декабре того же года Виктор Кондратов подал иск о защите чести и достоинства. Но представитель московского журнала «Профиль» так ни разу и не появился на заседании Владивостокского суда: ведь авиабилет туда из Москвы стоит почти столько же, сколько до США. И так этот судебный иск, кажется, был забыт.

Потерпев неудачу в борьбе с губернатором, генерал Кондратов начал сражаться с местной прессой, которая делала коррупцию достоянием гласности.

Для этого он изобрел весьма остроумный ход – начал проводить свои пресс-конференции в здании ФСБ. А переступить его порог могут только избранные.

В этом здании есть две двери. В главную входят сотрудники контрразведки ФСБ, а в боковую, тайную, – засекреченные офицеры разведки. Ну можно ли в такое здание впускать болтунов-журналистов?!

Разумеется, Кондратов делал исключение лишь для агентов КГБ. Да и то не для всех, а только для самых проверенных, закрепленных многолетним сотрудничеством и компрометирующими материалами.

И потому на пресс-конференциях представителя Президента в Приморском крае всегда присутствовала лишь горстка агентов. Это выглядело издевательски.

За несколько дней до пресс-конференции во все газеты рассылались приглашения, и в назначенный час у здания ФСБ собиралась толпа журналистов.

И почти каждого охранник огорошивал высокомерной улыбкой, говоря так:

– А для вас пропуска нет!

– То есть как нет? – кипятился журналист. – Наша редакция еще два дня назад заказывала пропуск!

– Ничего не знаю! – торжествуя отвечал охранник. – Позвоните коменданту здания полковнику Петрову!..

Но и полковник Петров, едва сдерживая торжество в голосе, заявлял, что ничего не слышал о пропуске...

В итоге большинство журналистов оказывались отрезанными от информации...

Но этим изобретательность генерала Кондратова не ограничилась. Он создал огромную пресс-службу, демонстрируя этим, что в ФСБ есть множество офицеров, которым нечем заняться. С утра до вечера они звонили в редакции всех газет и журналов Приморского края, на телевидение и рекомендовали одни материалы опубликовать, а другие снять. Так они пытались подражать секретарям райкомов КПСС советского времени, которые также разрешали или запрещали что-то лишь в виде рекомендации, чтобы не нести никакой ответственности: ведь руководящая роль партийного аппарата не была законодательно оформлена. Однако все чиновники в стране знали, что партия является истинным хозяином в стране, и ее «рекомендация» значит побольше иного приказа. Но тогда, в девяностые годы, ФСБ еще не стала полновластным хозяином России. И потому приморские журналисты смело жаловались в Москву, публиковали разоблачительные статьи о генерале Кондратове в центральной прессе. Дело кончилось его увольнением не только с поста личного представителя президента Ельцина в Приморском крае, но и из ФСБ. Однако деятельность Кондратова не осталась безрезультатной.

Коррупция в Приморском крае еще больше расцвела, но свободная пресса исчезла. Сейчас тамошние газеты сообщают только факты, без комментариев. Становится страшно, читая их...

2. РОССИЯ ТЕРЯЕТ СВОБОДУ

Эти действия создали психологический фон, подготовивший нынешнее наступление ФСБ на свободу слова.

Восхождение Путина на президентский пост ознаменовалось такими репрессиями в отношении свободной прессы, каких Россия не знала никогда.

Утром 11 мая 2000 года толпа сотрудников ФСБ в черных масках окружила роскошный особняк в одном из старинных переулков Москвы, где располагалась штаб-квартира холдинга «Медиа-Мост». Вина его состояла в том, что принадлежащие холдингу телеканал НТВ, газета «Сегодня» и другие средства массовой информации поддерживали на президентских выборах Григория Явлинского, противника нынешнего президента Путина, и критиковали войну, ведущуюся в Чечне.

Переулок, где расположен «Медиа-Мост», называется Палашевским. На средневековом русском языке «палаш» означает «меч». Слово это татарское. В средние века здесь располагались мастерские по изготовлению мечей для кремлевской гвардии. Да и сам Кремль находится неподалеку: его красно-кирпичные башни возвышаются прямо над крышами соседних домов.

Со времен службы в КГБ я знаю, что прилегающие к Кремлю переулки охраняются с особой тщательностью. На них устремлены сотни видеокамер. Трудно представить, что охранники Кремля не заметили огромного количества вооруженных людей. Значит, Путин все знал заранее...

В своей инаугурационной речи он ясно дал понять, что не собирается поддерживать демократические институты. Он прямо заявил следующее: «Мы будем поддерживать демократические институты, но и они должны служить интересам общества». А демократические институты служат интересам не общества, а отдельной личности. Ведь бывает так, что все общество не право, – будучи оболваненным или политически незрелым, и только один человек прав. История России знает много таких примеров. Один из них являл собой академик Сахаров, бесстрашный борец против коммунизма и КГБ в семидесятые-восемидесятые годы.

Как официально сообщалось уже в этот день, причиной столь агрессивных действий ФСБ стало ранее возбужденное уголовное дело по статье 285, часть 2 Уголовного кодекса РФ в отношении бывших руководителей Министерства финансов России. Статья называется «Злоупотребление должностными полномочиями» и предусматривает наказание до трех лет. Однако руководители холдинга «Медиа-Мост» не усмотрели никакой логической связи между деяниями бывших руководителей главного российского финансового ведомства и собою.

Офицеры ФСБ действовали подчеркнуто грубо, словно имели дело не с журналистами, а с бандитами. Хрупких секретарш вышвыривали из кабинетов, ставили лицом к стене, грубо обыскивали. Тем, кто выражал возмущение, говорили: «Если не хочешь постоять четыре часа у стены, пролежишь все это время наручниках на полу!»

Как ни странно, такая агрессивность исторически не характерна для КГБ. Она больше свойственна милиции. Даже во время сталинских репрессий сотрудники НКВД, арестовывая невинных людей, вели себя более-менее пристойно и позволяли себе расслабиться только в камерах пыток, где не было никого из посторонних. Таков был своеобразный шик КГБ, ему меня учили в Минской школе контрразведки в семидесятые годы. Сейчас же ФСБ деградировала, превратившись в простую милицию. Именно поэтому она представляет особенно большую опасность для российского общества.

Главным инициатором этой варварской акции был генерал Заостровцев, заместитель директора ФСБ. В конце восьмидесятых он, как и тысячи чекистов, ушел из КГБ, стал заниматься банковской и коммерческой деятельностью. Но в России она неотделима от криминала, и потому Заостровцев вместе с группой коллег, также бывших чекистов, вернулся в ФСБ для того, чтобы себя обезопасить. В средствах массовой информации «Медиа-Моста» неоднократно публиковались сведения о финансовых махи-

нациях генерала ФСБ Заостровцева. Именно он руководил совещанием в ФСБ, на котором было принято решение приструнить «Медиа-Мост».

Но особенное раздражение у ФСБ вызвала передача «Независимое расследование», показанная в марте 2000 года по телепрограмме НТВ. В ней говорилось о том, что к взрывам жилых домов в Москве осенью 1999 года были причастны не столько чеченские боевики, сколько российские спецслужбы.

По данным кремлевских чиновников, Путин воспринял эту передачу как личное оскорбление.

Сотрудники ФСБ изъяли в группе «Медиа-Мост» много видеозаписей. Это было сделано с нарушениями законов, никак не оформлено. Если эти документы приобщены к уголовному делу, то закон запрещает их разглашать до вынесения судебного решения.

Но не тут-то было! ФСБ еще с советских времен считает себя выше закона. Вечером того же дня официальный представитель ФСБ генерал Зданович со злобным выражением лица начал кричать с экранов проправительственных Первого и Второго каналов, потрясая при этом какими-то бумагами, что чекисты нашли в «Медиа-Мосте» свидетельства незаконной оперативно-розыскной деятельности.

Но нельзя не признать, что абсолютно все российские фирмы в той или иной мере вынуждены заниматься такой деятельностью. Ведь они не могут рассчитывать на помощь государства! Хотя российская милиция самая многочисленная в мире, бизнесменов она рассматривает исключительно как объект вымогательства. В работе она слаба, и для обеспечения собственной безопасности несчастным предпринимателям приходится рассчитывать только на свои силы. Именно в этом состоит причина того, что в России появилось так много частных охранных агентств: государственные ненадежны.

ФСБ испытывает к ним мстительную зависть. Ведь в эти агентства ушли работать самые лучшие работники контрразведки КГБ, в то время как худшие остались там после коммунистического переворота, пополнив собою ряды ФСБ.

«Медиа-Мост» решил подать на генерала Здановича в суд по обвинению в клевете. Это стало первым примером такого рода в новейшей истории России.

И Кунцевский суд города Москвы признал эти сведения не соответствующими действительности и порочащими репутацию истца! Он обязал ФСБ опровергнуть их.

Но журналисты рано торжествовали победу: Московский городской суд, известный своим благоволением к спецслужбам, отменил решение Кунцевского суда! «Актом беспрецедентного судебного произвола» назвал это решение адвокат «Медиа-Моста» Павел Астахов.

Средства массовой информации потребовали четкого и конкретного ответа о происшедшем от президента Путина, но он сделал вид, что ничего не знает, подражая в этом своему кумиру Сталину. Вместо Путина ответила его пресс-служба, заявившая, что «перед законом все равны».

Может быть, и равны, но только не у нас в России. А, например, в Дании, где вообще нет коррупции; или в Германии, или в Англии. В России же закон всегда использовали как орудие политической расправы. Используется он так и сейчас. И Путину ли, как бывшему чекисту, не знать этого! Уверен, что, служа в КГБ, он сам не раз применял закон именно с этой целью.

Позорный налет боевиков ФСБ на журналистскую фирму родил первый в путинской России политический анекдот: «Интересно, почему все налетчики ФСБ на «Медиа-Мост» скрывали лица под черными масками? Потому что среди них находился сам президент Путин».

После этого офис «Медиа-Моста» обыскивали еще 38 раз! В каждой из этих операций участвовало до 500 сотрудников Генеральной прокуратуры и ФСБ! У них что, не было более важных дел?..

Чем же этот медиа-холдинг так разозлил Путина? Да тем, что в передачах своей телекомпании НТВ критиковал его — и язвительно высмеивал в воскресной вечерней программе «Куклы». А Путин по своим личным качествам очень мстителен и болез-

ненно реагирует на критику. Все эти качества воспитаны в нем работой в КГБ. Этим Путин разительно отличается от своего предшественника Бориса Ельцина, который не обижался на то, что НТВ сатирически изображало его в той же программе «Куклы», и не преследовал своих политических противников.

А вот Путин преследовал! Как сообщила газета «Аргументы и факты», весной 2000 года администрация Путина обратилась с последним предупреждением к владельцу «Медиа-Моста» и телекомпании НТВ Владимиру Гусинскому. Она потребовала, чтобы Путин перестал быть персонажем программы «Куклы» и чтобы НТВ согласовывало свои оценки внутренней и внешней политики с администрацией президента.

Гусинский ответил отказом, справедливо заявив, что в этом случае передачи НТВ станут неинтересными, и его доходы снизятся.

И тогда Владимир Гусинский был арестован. Это произошло в июне 2000 года. В это время Путин находился с государственным визитом в Испании.

Когда журналисты всего мира обратились к нему за разъяснениями, Путин прибегнул к открытой лжи. Он заявил, что ничего не знает, потому что не смог дозвониться Генеральному прокурору...

Но такого в принципе не может быть! Для того чтобы обеспечивать президента бесперебойной связью с высшими чиновниками страны, существует мощная и технически совершенная система Федерального агентства правительственной связи и информации – ФАПСИ. Она создана на основе технических подразделений КГБ. Сейчас ФАПСИ входит в ФСБ.

Чем руководствовался Путин, адресуя журналистам столь откровенную ложь? Думаю, что своим опытом работы в КГБ. Ведь КГБ всегда врал журналистам всего мира, и никаких скандалов из-за этого не происходило. Но в этот раз скандал прогремел на весь мир...

Гусинского поместили в Бутырскую тюрьму Москвы, славящуюся своими варварскими условиями содержания заключенных. Формальным поводом было обвинение в финансовых махинациях, но на допросе от Гусинского потребовали другого – отказаться от части акций телекомпании НТВ, чтобы она могла перейти под контроль государства.

Гусинский согласился на это предложение и был выпущен на свободу. Уголовное дело против него было закрыто, что свидетельствовало о том, что оно было изначально возбуждено только по политическим соображениям.

Гусинский уехал в Испанию и там отказался от своих обязательств, заявив, что дал их под давлением. И тут всплыла совершенно невыгодная для правительства деталь – на одном из этих протоколов, который Гусинский вынужденно подписал в тюрьме, обнаружилась подпись министра печати Лесина! Она свидетельствовала о том, что государство прямо участвовало в ликвидации телекомпании НТВ.

Путин и правительство пытались представить борьбу вокруг НТВ как чисто хозяйственную, а не политическую. Они утверждали, что НТВ не выплачивает долги Газпрому и другим фирмам. Однако, как только появлялась возможность экономического урегулирования, государство тотчас ее отвергало.

Так случилось в январе 2001 года, когда американский видеомогнат Тед Тернер, владелец Си-Эн-Эн, предложил купить часть акций НТВ. В обмен он потребовал гарантий политического невмешательства Кремля в его редакционную политику. Такие гарантии ему предоставлены не были, и сделка не состоялась.

«Во всей этой печальной истории есть один положительный момент, – заявил тогдашний руководитель пресс-службы «Медиа-Моста» Дмитрий Остальский. – Наконец все точки над «і» расставлены. Никакие инвесторы, никакие деньги ни «Газпрому», ни Кремлю не нужны. Им нужно только одно – полный контроль над НТВ. Декларируемая господином Путиным и членами его администрации приверженность свободе слова – это всего лишь словесная шелуха, которая прикрывает реальные действия власти против независимых средств массовой информации».

Весной 2001 года телекомпания НТВ – единственная в России независимая телекомпания, отваживавшаяся критиковать Путина, – была уничтожена. Беспардонно и грубо, как это принято в КГБ.

Нет, сама-то телекомпания продолжает существовать, но работают в ней другие люди. В каждой своей передаче они клянутся в верности Кремлю и лично Путину. Независимых телеканалов в России больше нет.

Правда, осенью 2001 года часть старой творческой команды НТВ возобновила вещание на другом телеканале, но вскоре была закрыта, поскольку так же продолжала критиковать Путина. В июне 2002 года ее деятельность была временно возобновлена, однако критического задора в ее передачах поубавилось. Но все равно она тоже была закрыта. А за разгон НТВ несколько сотен чекистов, сотрудников ФСБ, были награждены медалями и ценными подарками.

3. ПОЧЕМУ ФСБ НЕ УМЕЕТ РАБОТАТЬ С ПРЕССОЙ

Эти события обнажили еще один факт, который ФСБ из всех сил пытается скрыть: что она не умеет работать с прессой. Ну, нет у нее такого исторического опыта!..

Ведь в советские времена КГБ действительно не занимался контролем прессы, хотя эта задача перед ним и стояла. Учреждений, для которых эта работа была главным делом, существовало так много, что КГБ попросту самоустранился.

Во-первых, прессу контролировали сами редакторы газет, опасавшиеся из-за пустяковой ошибки подчиненных потерять руководящую должность. Во-вторых, райкомы КПСС по всей стране скрупулезно вычитывали каждую газетную строку в поисках крамолы. А в-третьих, существовало еще и официальное министерство цензуры, именовавшееся Комитетом по охране государственной тайны в печати.

Этот Комитет издавал секретный журнал, сообщавший о том, какие сведения нельзя в ближайшие три месяца публиковать в открытой печати. По виду он напоминал популярные тогда толстые литературные журналы и печатался наверняка в тех же типографиях, но под грифом «Совершенно секретно».

Он поступал крошечным тиражом лишь в самые секретные ведомства. Входила в их число и разведка.

О, как же этот журнал был захватывающе интересен!

Для нас, молодых разведчиков, он служил единственным источником информации о том, что происходит в нашей стране. Из тупого перечня запретов мы узнавали неприкрытую правду.

«Запрещается сообщать в открытой печати о том, что 26 августа нынешнего, 1977 года, на станции Шарапова охота в 20 километрах от Москвы приземлился неопознанный летающий объект. Также запрещается упоминать о лекциях профессора Ажажи о «летающих тарелках» и само имя этого профессора», – бесстрастно сообщал журнал. Читая эти строки, мы всплескивали руками. Оказывается, «летающие тарелки» и в самом деле существуют! Но тогда почему коммунистическая идеология полностью их отрицает, а тех, кому довелось видеть неопознанный летающий объект, КГБ объявляет сумасшедшим?!

Далее журнал сообщал, что нельзя писать о том, что председатель Комитета по мирному использованию атомной энергии СССР Славский является еще и министром среднего машиностроения. А это секретное министерство, как мы уже знали, занимается производством ядерного оружия.

«Какой цинизм! – поражались мы. – Один и тот же человек является и главным борцом за запрещение атомного оружия, и создателем его новых видов!»

Разумеется, при столь мощном контроле над прессой и другими ведомствами КГБ в этой работе просто не находилось места.

Поэтому усилия КГБ в работе с прессой были направлены на другое – вербовку иностранных журналистов. Чтобы через них публиковать в мировой прессе лживые ма-

териалы, восхваляющие коммунизм и Советский Союз. Иностранных журналистов, живущих в других странах, вербовала разведка КГБ. Тех же, кто работал в Москве, склонял к сотрудничеству 17 отдел Второго Главного управления КГБ (ныне – ФСБ).

В структуре теперешней ФСБ такой отдел по-прежнему существует.

Вербовал КГБ и советских журналистов, но вовсе не для того, чтобы использовать их для тех же целей. Ведь публиковать пропагандистские материалы об СССР все журналисты были обязаны по долгу службы. КГБ использовал их для другого. В первую очередь, для получения информации о настроениях среди диссидентствующей интеллигенции.

Когда я служил в КГБ, у нас как легенда передавались из уст в уста рассказы об отказах наших граждан от вербовки. Для них это был рискованный шаг, требовавший большого мужества. От вербовки чаще всего отказывались деятели искусства, писатели и, как ни странно, военные. Случаев же такого отказа у журналистов я не знаю ни одного. Да и как откажешься, если только после вербовки тебя могут выпустить на несколько дней за границу, где ты напишешь серию очерков, которые, может быть, принесут тебе известность. Твой профессиональный престиж повысится. А если откажешься, КГБ отомстит – тебя не назначат заведующим редакцией, диссертацию не допустят к защите, а издательство, где готовилась к выходу твоя книга, без объяснения причин вернет рукопись. Даже квартира, которую ты должен был получить после 20 лет ожидания, будет отдана другому. Но самым тяжелым и унижительным станет запрет задавать вопросы о причинах всего этого: начальник лишь многозначительно улыбнется и молча разведет руками...

Поэтому, увы, почти все российские журналисты старшего поколения являются агентами КГБ. Особенно – международники. Одного моего знакомого журналиста-международника завербовали в возрасте 14-ти лет во время Второй мировой войны. Он тогда был юнгой на корабле, перевозившем из США материальную помощь Советскому Союзу. В сталинское время еще жестче соблюдалось правило о том, что каждый советский человек, выехавший за границу, должен быть агентом НКВД, и возраст вербуемых не был помехой. Да и что мог противопоставить 14-летний мальчишка всемогущему сталинскому НКВД? Он является информатором ФСБ и поныне...

Не подлежали вербовке только работники ЦК КПСС и их дети. Но даже здесь КГБ находил лазейку.

В аппарате ЦК КПСС низшей должностью был «младший референт». Внутри страны эта должность считалась очень высокой, для многих она была вершиной карьеры. Даже министры на всякий случай подобострастно кланялись младшему референту ЦК. Его положение давало неограниченные возможности служебного роста, а также высокую зарплату, персональную машину, право покупать икру и, конечно, право выезда за границу. Поэтому очень многие из младших референтов ЦК, – солидные сорокалетние мужчины, – с радостью соглашались стать сотрудниками посольств или зарубежными корреспондентами советских газет и журналов. Что может быть приятнее, чем пожить несколько лет в роскошных условиях в одной из западных столиц! В бедные или слишком жаркие страны эти люди тоже ездили, но лишь на очень высокие должности.

Но вот незадача: за младшими референтами место штатного сотрудника ЦК КПСС не сохранялось. Им приходилось увольняться, чтобы по возвращении в Москву поступить в ЦК вновь, что получалось далеко не всегда...

И тут же они теряли иммунитет от вербовки, становясь легкой добычей органов КГБ. Их вербовали, и в зарубежных советских посольствах они исправно выполняли функции агентов. Потом они возвращались в Москву, снова устраивались в ЦК, и КГБ от них отставал. Но через несколько лет младших референтов снова тянуло на Запад, где их опять постигала та же судьба, если в Москве они не получали повышение в чине.

Один мой знакомый, корреспондент «Нового времени» в Токио Юрий Тавровский, целых три раза был таким временным агентом. Он то зачислялся в агентурную сеть, то его личное дело агента сдавалось в архив КГБ. Наконец, вернувшись в Москву,

он стал заведовать сектором Китая в Международном отделе ЦК КПСС. О нем рассказал мне начальник китайского отдела Второго Главного управления КГБ (нынешнего ФСБ). Наш разговор закончился таким диалогом:

– Наш агент Тавровский, которого ты хорошо знаешь, стал заведующим сектором в ЦК КПСС, и мы от него отказались...

– По-моему, это он сам от вас отказался! – поправил я, и оба мы рассмеялись...

4. ФСБ ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ

После крушения коммунистического режима, – временного, как впоследствии оказалось, – Комитет по охране государственной тайны в печати был упразднен. Сейчас его функции выполняет ФСБ. Эта работа для него непривычна, но ее облегчает то, что подавляющее большинство сотрудников Комитета по охране государственной тайны перешло в ФСБ. Ведь почти все рядовые клерки его – женщины, и в условиях начавшейся безработицы и массового сокращения раздутых советских министерств им некуда было деваться. Да, в ФСБ сейчас платят мало, но это лучше, чем вообще ничего. Да и кто, кроме женщин, может справиться со скучнейшей работой цензора, с утра до вечера шелестящего страницами, не вставая из-за стола!

Но чиновники бывшего советского Комитета по охране государственной тайны приобрели в ФСБ и политическое влияние! Ведь там воцарился идеологический вакуум. Коммунисты, чью идеологию поддерживали чекисты, находились в оппозиции новой власти. Выражать им открытую поддержку чекисты еще побаивались. Поэтому ФСБ официально встала на защиту мощного реликта коммунистической системы – военно-промышленного комплекса.

Интересы ФСБ и армии тесно связаны. Потому что абсолютно все российские генералы и около 70% офицеров являются агентами ФСБ. Именно этот фактор, аналогичного которому нет нигде в мире, кроме Китая, Северной Кореи и бывшего саддамовского Ирака, позволяет понять истинные пружины нынешней российской политики. Начиная от войны в Чечне и кончая антиамериканской и антизападной истерией.

Первой жертвой новой ФСБ стал журналист, разоблачивший гнусные секреты наших военных. Это был ученый и публицист Вил Мирзаянов, написавший в 1992 году в газете «Московские новости» о том, что в России производится химическое оружие.

Ученого тут же арестовали. Было объявлено о начале закрытого судебного процесса, направляемого ФСБ, который должен был осудить отважного правдолюбца к 12-летнему сроку тюремного заключения за разглашение государственной тайны. ФСБ уже втайне торжествовала победу, наивно полагая, что и сейчас с ним, как и в недавние советские времена, побоятся спорить.

Но времена неузнаваемо изменились. Люди уже не боялись ФСБ (хотя теперь снова бояться). В результате пристального внимания общественности стала ясна ложность сфабрикованных обвинений, и Мирзаянова вынуждены были освободить.

Потом ФСБ мелко отомстила Вилу Мирзаянову, долго отказывая ему в выдаче заграничного паспорта для поездки в Германию на конгресс химиков, борющихся за уничтожение химико-бактериологического оружия. Это происходило уже в то время, когда ФСБ беспрепятственно выдавала заграничные паспорта членам российской мафии.

Потерпев поражение, ФСБ на несколько лет успокоилась, но затем возобновила наступление на свободу печати абсолютно по той же схеме. В 1996 году она выдвинула точно такое же обвинение в разглашении государственной тайны отставному военному моряку, капитану первого ранга Александру Никитину.

ФСБ обвинила его в том, что он раскрыл самую позорную тайну Северного флота, сообщив международной экологической организации «Беллуна» места аварий советских атомных подводных лодок. Они причинили огромный ущерб природе Балтии и Северной Европы.

Загвоздка было лишь в том, что места аварий были известны в этих странах и ранее...

ФСБ через подконтрольные средства массовой информации России повела атаку на Никитина. Журналисты, не стесняясь, писали так: «Сотрудник КГБ, у которого я взял интервью, объяснил мне сущность преступления Никитина. Оказывается, то, что места аварий были всем известны, не имеет никакого значения. Никитин все равно является разгласителем государственной тайны!» Это было признаком инфантилизма новой российской журналистики. В нее действительно пришло много молодежи, выросшей в эпоху свободы и не знакомой с цинизмом ФСБ.

С некоторыми из них, поносившими Никитина хоть и по указке ФСБ, но вполне искренне, я провел разъяснительную работу. Но не мог же я сделать этого в масштабах всей России!

Благодаря широкой международной поддержке Александр Никитин был оправдан в конце 1999 года. Однако перед этим ему пришлось просидеть полтора года в тюрьме, а потом, будучи освобожденным под подписку о невыезде и живя в своей квартире, вздрагивать от каждого звонка и в любую минуту ждать второго ареста.

Затем во Владивостоке по обвинению в шпионаже был арестован военный журналист Григорий Пасько. Его тоже пришлось отпустить. Однако суд оправдал его не полностью. Пасько и его адвокаты подали протест, и суд направил дело на дополнительное расследование.

А оно совпало с приходом к власти Путина. Порядки в России ужесточились. И Пасько был осужден на четыре с половиной года за то, за что незадолго до этого был оправдан.

Вскоре после осуждения Пасько Путин заявил, что помиует его, если тот обратится к нему с прошением об этом, признав тем самым себя виновным в шпионаже в пользу Японии. Но Пасько отверг такую возможность и предпочел мужественно коротать свои дни в тюрьме.

5. КАК ФСБ ВЕРБУЕТ ЖУРНАЛИСТОВ

В своей работе с прессой ФСБ активно использует агентуру, оставшуюся с советских времен. Ее очень много, о чем говорилось выше. Больше всего агентов имеется на первом телеканале, в государственной телекомпании ОРТ.

Это объясняется тем, что телевидение в СССР изначально создавалось под контролем КГБ. Ведь оно таило в себе огромную опасность для коммунистической идеологии. Что, если диктор крикнет в прямом эфире: «Долой КПСС! Все на борьбу с коммунистами!» Это могло привести к массовым беспорядкам. Поэтому КГБ десятилетиями опутывал Останкинскую телебашню системой двойного и тройного контроля. Огромный комплекс зданий российского телевидения в Останкино строился с таким расчетом, чтобы в нем все прослушивалось и просматривалось. Провода аппаратов прослушивания вмонтированы в его стены со времен строительства.

Говорят, что в подвальном этаже расположен огромный зал, принадлежащий ФСБ. Туда сходится аппаратура прослушивания. Абсолютно все тамошние журналисты знают об этом. Не доверяя стенам, они беседуют в своих кабинетах лишь на малозначимые темы. Для того чтобы поговорить серьезно, принято выходить в коридор.

Первый телеканал остается таким же рупором ФСБ, каким он был в советские годы. Лучшей иллюстрацией этого стал клеветнический фильм о генерале Олеге Калугине, показанный на ОРТ в августе 1999 года. В конце восьмидесятых годов генерал КГБ Олег Калугин совершил мужественный поступок, выступив с серией разоблачительных статей о КГБ в российской печати. Он показал истинное лицо КГБ, имевшего в глазах большинства народа героико-романтический ореол, созданный коммунистической пропагандой во времена Андропова. Из статей же генерала Калугина простые люди России узнали, что КГБ – это прибежище вовсе не героев, а карьеристов и приспособленцев, интриганов и изменников, приносящих стране не пользу, а вред.

Лишившись психологической поддержки общества, КГБ начал разваливаться на куски. А с ним – и вся Советская империя, казавшаяся незыблемой. Сотни высокопоставленных генералов КГБ, перед которыми еще недавно трепетала вся страна, вмиг потеряли свои посты и оказались на положении нищих пенсионеров. Этого они не могут простить Калугину до сих пор. Но сейчас их реваншистские настроения поддерживает само государство.

Не случайно премьера фильма состоялась 19 августа, в годовщину коммунистического путча 1991 года. Фильм полон ностальгии по коммунизму и животной ненависти к Калугину. Содрогающиеся от злобы отставные генералы утверждали, что Калугин уже десятки лет был американским шпионом.

Цинизм ситуации заключался в том, что главный обличитель Калугина, бывший заместитель председателя КГБ СССР Виктор Грушко сам успел посидеть в тюрьме по обвинению в государственной измене после путча 1991 года. Грушко, о чем мало кто знает, еще и является соседом Калугина по квартире. Как же он мог жить столько лет рядом со шпионом?.. К тому же Грушко наверняка санкционировал назначение Калугина на его последнюю должность в КГБ – заместителя Министра атомной промышленности СССР по вопросам режима. Как же он назначил шпиона руководителем этого секретнейшего министерства?..

Когда фильм окончился, и на экране показался список авторов, я с грустью вздохнул. Многих из них я знаю лично. Разумеется, не все они стали агентами ФСБ, но их руководители стали. Иначе ФСБ побоялась бы продвигать на общероссийский экран свой откровенно пропагандистский фильм...

Генерал-майор ФСБ А. Зданович, назначенный в 2002 году заместителем директора Всероссийской Государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК).

Так же много агентов ФСБ и на Втором канале. Отличие состоит в том, что если на Первом агентура и техника подслушивания были накоплены в течение десятилетий советского периода, то на Втором все это было создано после 1991 года. Увы, уже после начала демократических реформ в России...

Второй канал тоже принадлежит государству и называется Российским. Так он был назван в 1991 году в противовес Общесоюзному Первому, когда Россия, после избрания президентом Ельцина, заявила о своем государственном суверенитете.

ФСБ приступила к вербовкам на Российском телевидении только через два года после создания нового государства, в 1993 году, поздней осенью. Это произошло после провала второго коммунистического путча в России. Тогда Ельцин приступил к усилению роли ФСБ в России, думая, что чекисты теперь находятся на его стороне, в то время, как они по-прежнему принадлежали коммунистическому прошлому.

Говорят, что именно в те месяцы он подписал указ о возрождении в России процедуры приема иностранцев в государственных учреждениях такой, какая существовала при коммунистической власти. Тогда в каждом министерстве имелась специальная комната для приема иностранцев, оснащенная техникой подслушивания и подсматривания. Право встречаться с иностранцами имели исключительно сотрудники международного отдела – офицеры КГБ или его агенты.

Рассказывают, что директор ФСБ подсунул этот указ на подпись Ельцину, когда тот поднимался по трапу самолета, отправляясь в очередное путешествие. Недовольно поморщившись, он подписал указ не глядя: ФСБ часто использует такой хитрый прием. Для нас же важно другое – с момента подписания указа прошло уже много лет, а он так и не выполняется.

В 1991 году агентуры КГБ на Российском телевидении вообще не было. Ведь оно создавалось заново как рупор оппозиции коммунистам. Все журналисты в нем бы-

ли молодыми, которых не успели завербовать. В прежние годы КГБ мог бы завербовать их еще на студенческой скамье, но, к счастью, студенческие годы этих молодых журналистов пришлось на вторую половину восьмидесятых годов, когда КГБ начал слабеть.

О том, что на молодом Российском телевидении тогда не было агентуры, я знаю точно. Ведь тогда я уже решил уйти из КГБ и подыскивал новое место работы. Российское телевидение импонировало мне больше всего. Разведка, где я еще числился, была парализована, и на службу можно было не ходить. По крайней мере, мне, референту начальника научно-технической разведки.

Я решил использовать в личных целях свое служебное положение, чтобы узнать, много ли на российском телевидении наших агентов. Для этого съездил в управление РТ, занимающееся разведкой на территории России. В нем есть отдел, который ведет агентурно-оперативную работу на телевидении.

«Увы! – вздохнул начальник отдела, – агентуры там у нас пока нет. Не успели завербовать... Может быть, вы нам поможете?» Без сомнения, он решил, что я устраиваюсь на российское телевидение как разведчик, а не как свободный журналист, порвавший с разведкой навсегда. Кстати, поэтому меня туда и не приняли – побоялись иметь дело с бывшим подполковником КГБ.

Но за минувшее десятилетие ФСБ, кажется, успела многих завербовать. То, что на государственном российском телевидении теперь полно агентов, ощущается в самом тоне, каким там подаются новости.

Этот тон имеет две характерные черты, по которым всегда можно определить присутствие ФСБ. Во-первых, он исключает критику коммунизма. А во-вторых, – критику ФСБ. Именно по этим двум признакам вы можете узнать агента ФСБ на телеэкране, с каким бы апломбом он ни вещал. Третьим признаком является ненависть к генералу Калугину, хотя лично данному журналисту этот человек не сделал ничего плохого.

Излюбленным приемом ФСБ является приручение журналистов, пишущих на темы разведки и контрразведки. Наиболее типичным примером этого является еще довольно молодой журналист Александр Хинштейн, обозреватель «Московского комсомольца», а ныне – депутат путинской марионеточной Госдумы.

В начале девяностых годов он начинал свою журналистскую карьеру разоблачительными статьями о КГБ. Они имели успех. Однако вскоре Хинштейн ощутил недостаток информации для новых статей. Ведь сам он в КГБ не работал, и был вынужден обратиться к тем, кого бичевал.

Начальники пресс-служб разведки СВР и контрразведки ФСБ встретили его с распростертыми объятиями. Серьезно наморщив лбы, они предложили давать молодому журналисту эксклюзивные материалы. Тот, сияя от гордости, согласился. Откуда ему было знать, что такой прием всегда использовался КГБ в работе с иностранными журналистами! Под видом суперсекретных сведений, взятых чуть ли не со стола генерального секретаря ЦК КПСС, им вручали откровенную дезинформацию, которую довольные журналисты разносили потом по всему миру.

Тоже произошло и с Александром Хинштейном. Очень скоро он сделался глашатаем начальников пресс-служб разведки и контрразведки.

Характерной чертой периода правления Путина является взаимодействие ФСБ и МВД в гонениях на журналистов. Теперь, в отличие от советского периода, между ФСБ и МВД царит полное взаимопонимание. Давно забыты брежневские времена, когда ЦК КПСС всячески раздувал противоречия между КГБ и МВД, опасаясь того, что они объединятся с целью государственного переворота.

Это трогательное единство ФСБ и МВД ярко проявилось в гонениях на корреспондента радио «Свобода» Андрея Бабицкого. В своих репортажах со второй Чеченской войны он позволял себе освещать события не так, как хотелось бы российским спецслужбам. Рассказывал о потерях российских войск, предъявлял доказательства их зверств по отношению к мирному населению.

Зимой 1999 года Бабицкого арестовали, потом провели инсценировку его обмена на российских пленных, находившихся у чеченцев. Но оказалось, что передали Бабицкого вовсе не чеченцам, о чем растредила официальная печать, а все тем же российским спецслужбам, среди агентов которой есть и чеченцы. Эти люди отобрали у Бабицкого паспорт, силой вручили ему другой, фальшивый, изготовленный в лабораториях МВД, а после этого Бабицкий был снова арестован за хранение фальшивых документов.

Дело Бабицкого было окутано мраком тайны.

«ФСБ не имеет никакого отношения к задержанию Бабицкого!» – с болью в голосе клялся генерал Зданович с телеэкранов, хотя за несколько минут до этого все могли видеть кадры передачи журналиста неизвестным людям, под которыми бежала строка: «Съемка произведена ФСБ».

ФСБ и здесь потерпела поражение. Сейчас она старается не вспоминать об этом инциденте, а сам журналист по-прежнему работает на радио «Свобода».

В девяностые годы у ФСБ не было агентов и в англоязычной газете «Москоу тайме», и поэтому там мне никто не мешал печататься. Но с 2000 года меня там не публикуют...

В один из темных вечеров зимы 1999 года на северной окраине Москвы группа юнцов напала на одинокую женщину, выходившую из метро. У нее отняли сумочку, несколько раз ударили. Несмотря на то, что прохожих вокруг было мало, нападавших удалось задержать.

Один из них оказался студентом юридического института, сыном тележурналистки НТВ Элеоноры Филиной.

Журналистка-мать хотя и была в ужасе, но отнеслась к поступку своего сына вполне критически, смирилась с судьбой. С полной достоверностью можно утверждать, что она не обивала пороги милицеских кабинетов и не умоляла следователей со слезами на глазах смиловиться над ее несмысленным отпрыском.

Элеонора Филина была ведущей литературно-художественной передачи «В нашу гавань заходили корабли», наполненной духом романтики. В ней звучало много стихов, песен о морях. Она была призвана давать душевное отдохновение зрителям.

Никакого политического аспекта не было и в уголовном деле сына журналистки, пока к милицескому следователю не позвонил офицер ФСБ и не потребовал передать материалы на Лубянку.

– Но для чего? – удивился милицеский следователь.

– Тебя это не касается! – отрезал чекист. – Передавай дело в ФСБ, и точка. Это приказ.

Но ФСБ не имеет права приказывать милиции. И милицеский следователь решил сделать этот звонок достоянием гласности. Он обратился в редакцию независимой «Новой газеты». Появилась разоблачительная статья. В ней милицеский следователь заявил, что не желает возвращения советских порядков, когда все вопросы жизни общества тайно решал КГБ. Увы, через год этот следователь был уволен из милиции, о чем с горечью сообщила «Новая газета»: ФСБ мстительна...

Выяснилось, что на квартиру к Элеоноре Филиной приходил офицер ФСБ. Он обещал помощь в смягчении судьбы сына в обмен на кое-какие услуги. А слово «услуги» на языке ФСБ означает только одно – стать стукачом. Видимо, ФСБ уже тогда планировала враждебную акцию против НТВ, состоящую вскоре, 11 мая, но не имела достаточно информации об обстановке в журналистском коллективе и потому нуждалась в осведомителях.

Публикация статьи в «Новой газете» вызвала скандал. НТВ, разумеется, сообщило о происшедшем с телеэкранов. Скандал был несколько мощным, что в него вынужден был вмешаться сам генерал Зданович. Выступая по правительственному каналу телевидения, он заявил, что все это вранье и клевета на органы, а дело состояло в другом. Просто ФСБ планировала принять сына журналистки к себе на службу, но после

того, что с ним произошло, отказалась. И вот якобы для того, чтобы сообщить об отказе, офицер ФСБ не поленился посетить Элеонору Филину на дому.

А вот уже это было действительно враньем! Каждый отставной офицер КГБ подтвердит вам, что такого не может быть.

Да, случается, что ФСБ отказывается от приема некоторых кандидатов, не выдержавших проверки. Но ведь сотрудничество с ними не прекращается! Их продолжают использовать как агентов, говоря так: «Будешь поставлять нам ценную информацию – и мы все равно примем тебя на работу в органы!»

Зачастую так и бывает: то, что не получалось вчера, сегодня получается. Ведь все решается субъективно, кучкой начальников в управлении кадров.

Но и это еще не все. Офицерам отдела кадров прямо запрещено сообщать кандидатам на работу в ФСБ об отказе. Потому что в этом случае кандидат может поинтересоваться причиной, а ее выдавать нельзя.

Этот запрет был введен после шумного скандала, разразившегося в начале восьмидесятых годов. Тогда одному из молодых выпускников престижного московского института отказали в приеме в разведку из-за того, что его мать – еврейка.

СССР был страной официального антисемитизма, и ни на какую престижную работу, в первую очередь в КГБ, евреев не принимали.

– Мне отказали из-за того, что моя мать еврейка? – спросил несостоявшийся разведчик.

– Да! – подтвердил офицер отдела кадров разведки, отводя глаза: сам он, как выяснилось, тоже был молодым и неопытным.

Молодой человек обо всем рассказал матери, и та написала жалобу в ЦК КПСС. Начиналась она так: «Когда меня в 1941 году призывали на фронт, не спрашивали, еврейка ли я...».

Разразился грандиозный скандал, не вышедший, впрочем, за стены Лубянки. Молодому кадровику объявили строгий выговор, а всем его коллегам запретили говорить что-либо своим подопечным не только о причинах отказа в приеме на работу в КГБ, но даже о самом его факте...

Меньше всего агентуры ФСБ, как ни странно, в коммунистических средствах массовой информации – «Правде», «Советской России». Агентура там попросту не нужна, потому что политическая платформа этих газет полностью соответствует той, которую разделяют сами чекисты. О ФСБ, его прошлом и настоящем, коммунисты пишут лишь с восхищением. К тому же в советские годы ЦК КПСС запрещал КГБ вербовать агентуру в партийном аппарате, к которому относилась и партийная пресса. Сейчас в коммунистических изданиях агентами являются только те, кто раньше работал в других средствах массовой информации и там был завербован. Но даже эти агенты не используются ФСБ по назначению: чекисты полностью доверяют коммунистам.

Особняком стоит ультралевая оппозиционная газета «Завтра». Говорят, что во времена Ельцина в ней под псевдонимами печатались многие руководящие работники ФСБ, находящиеся в скрытой оппозиции к его режиму. Думаю, что в этой газете агентура есть. Она необходима для сохранения в тайне тесных контактов этой газеты с ФСБ.

Есть у ФСБ и карманная политическая партия – ЛДПР (Либерально-демократическая партия России). С ее помощью ФСБ вбрасывает в прессу политические инициативы, на шаг опережающие действия властей по возвращению страны в коммунистическое прошлое. Впрочем, с приходом к власти Путина этим вбрасыванием стал заниматься и Кремль...

К числу этих мер можно отнести выступление одного из руководителей ЛДПР Алексея Митрофанова на заседании Государственной думы 15 мая 2000 года. Неожиданно и без всякой связи с другими обсуждавшимися вопросами Митрофанов предложил установить в Москве памятник Сталину. Реакция депутатов была скомканной, но, несомненно, этот шаг был инспирирован ФСБ. Потому что образ Сталина все более от-

кровенно начинает использоваться в официальной пропаганде после прихода к власти Владимира Путина.

6. КАК ФСБ БОРЕТСЯ С ПРЕССОЙ НА ПРОСТОРАХ РОССИИ

В русской провинции независимую прессу не любят. Инициаторами этой не любви выступают сами власти, погрязшие в коррупции: Обычно для борьбы с прессой они используют самую грубую силу – милицию. ФСБ привлекается ими лишь в сложных случаях.

Следует также отметить, что в российской провинции ФСБ еще сильнее и влиятельнее, чем в Москве. Причина этого чисто психологическая – люди по-прежнему боятся спецслужб, как и в советские времена. Да и провинциальные нравы более консервативны, чем столичные.

Кроме того, в провинции с журналистами привыкли не церемониться, в отличие от Москвы. Только здесь есть куда пожаловаться, например, в правозащитные организации или иностранным корреспондентам. В провинции всего этого нет. Лишь малая часть случаев жестокого давления на прессу становится достоянием гласности. Огромную роль в этом играет Фонд защиты гласности – общественная организация, защищающая свободу слова и права журналистов. Только благодаря этому Фонду страдания провинциальных журналистов России становятся известными россиянам. Поговорим о них поподробнее. Например, о том, как в Волгоградской области милиционер убил журналиста и не только не понес за это никакого наказания, но и продолжил службу в милиции!

Для западных журналистов этот случай стал бы чем-то невероятным, но в России он никого не удивляет.

В апреле 1998 года судебная коллегия по уголовным делам Волгоградского областного суда рассмотрела кассационную жалобу осужденного 4 февраля 1998 года Центральным районным судом Волгограда милиционера Константина Солодяшкина. Этот милиционер обвинен в умышленном убийстве журналиста газеты «Крестьянское слово» Александра Коноваленко. Убийство произошло 6 июня 1995 года. Следствие тянулось долгих три года. Убийца был приговорен всего к 5 годам лишения свободы. Такой срок считается в России более чем мягким. Минимальным наказанием за убийство считается 7 лет. А максимальным – расстрел, который в последние годы заменяют на пожизненное заключение. Но суд дал милиционеру Солодяшкину наказание ниже нижнего предела.

Тем не менее милиционер Солодяшкин счел для себя даже такой срок слишком долгим и подал жалобу в областной суд. Суд оставил приговор без изменения. Но ирония в том, что Солодяшкин так и не был взят под стражу, продолжая работать в милиции, арестовывая и привлекая к уголовной ответственности других людей! Возможно ли такое в Америке? Или в Германии? В сегодняшней России – возможно.

16 апреля 1998 года в Саранске, столице Мордовии, небольшой национальной республики в Поволжье, было совершено покушение на главного редактора независимой газеты «Столица С» Станислава Холопова. Утром, когда журналист ожидал редакционную машину у подъезда своего дома, на него напали двое неизвестных и нанесли два удара ножом, задев сердце и печень.

Следует отметить, что Мордовия славится своими суровыми нравами. Именно здесь по решению Сталина в тридцатые годы была раскинута огромная сеть лагерей, существующая и поныне. При Сталине здесь содержались политические заключенные, при Брежневе и Андропове – тоже, но в меньших масштабах. Именно здесь находится печально известный лагерь Явас, принадлежавший КГБ. В секретных документах он упоминался под псевдонимом «Дубравный». Действительно, в Мордовии очень много красивых лесов, но их красота не смягчает нравов местных жителей, четыре поколения которых выросли в тюремной обстановке. Многие дети здесь не знают иной жизни, кроме лагерной – ведь их родители работают в лагерях: отцы – надзирателями, а матери

– тоже надзирательницами в женских лагерях, а еще – секретаршами, медсестрами, прослушивательщицами телефонов.

Поэтому для местных жителей убийство журналиста сенсацией не является. Преступникам, нанесящим тяжелые ранения Станиславу Холопову, удалось скрыться. Журналист был доставлен в третью городскую больницу, где ему была сделана операция, длившаяся полтора часа. Состояние его оставалось тяжелым.

Для расследования обстоятельств этого дела была создана оперативно-следственная бригада из сотрудников управления уголовного розыска, следственного управления МВД Мордовии и Ленинского районного отделения милиции. (В Мордовии, как можно видеть, до сих пор сохранились Ленинские районы, переименованные в большинстве крупных городов. Это говорит о том, что коммунисты до сих пор находятся у власти в Мордовской республике. А они ой как не любят независимую прессу!..)

По мнению сотрудников редакции «Столицы С», нападение на Станислава Холопова было связано с его профессиональной деятельностью. Милиция также не исключала такую версию – но почему-то начала обыски с редакции газеты, предполагая, что причиной стали внутренние конфликты в коллективе, и, рассчитывая таким образом найти заказчика преступления. Но часто ли журналисты нанимают убийц для устранения своих коллег по перу?

Необходимо отметить, что на «Столицу С» за последние три года неоднократно пытались оказывать воздействие как официальные власти, так и криминальные структуры. Станиславу Холопову неоднократно угрожали по телефону, фотокорреспондент Эдуард Ретунский был избит, редакция ограблена в мае 1996 года. Кроме того, редакция судилась с МВД Мордовии, против редактора пытались возбудить уголовное дело. 21 апреля 1998 года Фонд защиты гласности обратился к главе Республики Мордовия Н. И. Меркушину и министру внутренних дел республики Ю. А. Ляшеву с письмом, в котором содержится требование «тщательного, квалифицированного расследования покушения на жизнь Станислава Холопова» и выражена надежда на то, что «в руководстве республики и в правоохранительных органах есть еще люди, у которых хватит совести и энергии, чтобы вывести на чистую воду преступников и тех, кто за ними стоит, кто бы они ни были». Надо ли говорить о том, что расследование покушения на независимого журналиста ничем не окончилось?

Похоже, что за милицией стояла местная ФСБ. Особенно явно чувствуется ее влияние в соседнем Татарстане, где установлен жесткий авторитарный режим президента Шаймиева. Будучи еще более авторитарен, чем нынешние московские правители, он старается всячески подчеркнуть свою независимость от Москвы. Но это – независимость особого рода. Она символизирует движение не вперед, к демократии и свободе, а назад, к коммунизму и сталинизму. Недаром местная ФСБ здесь называется КГБ, как и в советские времена. Никого вокруг это не удивляет, и только немногочисленные иностранные туристы в Казани с язвительным смехом фотографируют вывеску КГБ на здании местной контрразведки. Делать это им пока еще разрешают...

КГБ Татарии более влиятелен, чем управления ФСБ в других российских республиках. В событии, о котором я сейчас расскажу, КГБ Татарии формально не участвовал, но дыхание его ощущалось там очень близко.

21 августа 1999 года в Уфе, столице соседней республики Башкортостан, где также царствует по-восточному деспотичный режим Рахимова, сотрудниками милиции были избиты корреспондент «Независимой газеты» Вера Постнова, приехавшая из Казани готовить очерк о митинге оппозиции, и редактор местной газеты «Вместе» Виктор Шмаков. Журналисты оказались свидетелями стычки сотрудников правоохранительных органов с демонстрантами, пытавшимися прорваться через милицкий кордон ко Дворцу нефтяников, где проходил учредительный съезд блока «Вся Россия». Вера Постнова и Виктор Шмаков вместе с несколькими участниками демонстрации были избиты, насильно посажены в автобус и отправлены в Кировское отделение милиции, где журналистов избили еще раз, после чего продержали в камере 12 часов.

Вечером Вера Постнова вместе с активистами татарской националистической оппозиции на автомобиле возвращалась в Казань, но недалеко от города Дюртюли (Республика Башкортостан) их машина попала в аварию. Находившиеся в автомобиле получили травмы различной тяжести и были отправлены в районную больницу.

Многое здесь наводит на размышление: ведь милиция не занимается митингами политической оппозиции, не охотится за журналистами из-за их политических взглядов. Всем этим занимается КГБ Татарии. Не он ли устроил автомобильную катастрофу несчастным журналистам и демонстрантам?..

ФСБ все чаще пытается оказывать давление на журналистов – прямое и косвенное. К прямому относится откровенное воспрепятствование журналистам в выполнении их профессионального долга.

Так, 2 апреля 1999 года в центре Ульяновска на улице Льва Толстого сотрудниками ФСБ был избит фотокорреспондент газеты «Симбирские губернские ведомости» Михаил Вялов, который пытался сфотографировать момент операции по задержанию преступников оперативной группой отдела по борьбе с терроризмом местного ФСБ. Фотокорреспонденту также засветили пленку. Позже пресс-служба ФСБ уведомила редакцию «Симбирских губернских ведомостей», что Михаил Вялов не подвергался избиению. Он просто «споткнулся и упал» в тот момент, когда у него проверяли документы.

Этот пример говорит о том, что в провинции ФСБ действует нагло и безнаказанно, как и его предшественник НКВД при Сталине. Там ФСБ не встречает широкого общественного сопротивления.

Наглость и самоуверенность ФСБ по отношению к журналистам проявляется не только в Ульяновске, на родине Ленина. В Воронеже заведующий отделом права и социальных проблем газеты «Коммуна» Борис Ваулин в ноябре 1988 года обратился к руководителю пресс-службы Управления ФСБ по Воронежской области Александру Тимашову с просьбой уточнить причину ареста заместителя главы администрации Воронежской области, начальника финансового управления Виктора Ситникова. Начальник пресс-службы ФСБ отказался, мотивируя это тем, что «руководство управления не рекомендует давать какую-либо информацию журналистам».

Даже по форме этот ответ был лживым. Ведь ФСБ – военная организация, и ее начальник дает своим подчиненным не рекомендации, а приказы. Но приказ не давать информацию журналистам?.. В наше время это звучит анахронично, напоминает о сталинских временах. Давайте объявим этот приказ лишь вежливой рекомендацией!..

Но на этом история не закончилась. В тот же день воронежский журналист Борис Ваулин обратился к руководителю пресс-службы Управления внутренних дел с той же просьбой. Но и начальник милицейской пресс-службы в информации отказал, сославшись на тайну следствия. А вечером, наверное, начальники пресс-служб ФСБ и МВД встретились в ресторане за бесплатным угощением, поставленным местной мафией, и, умирая от смеха, говорили о том, как они ловко поставили на место зарвавшегося журналиста.

Все чаще ФСБ пытается нагло действовать и в Москве.

По сообщению газеты «Комсомольская правда», сотруднику этого издания Ольге Бакушинской по телефону угрожали люди, представившиеся офицерами ФСБ. В связи с фактом телефонного хулиганства журналистка обратилась в Савеловскую прокуратуру Москвы. Разумеется, это обращение никаких юридических последствий не имело.

30 марта 1999 года в Фонд защиты гласности обратился журналист московской газеты «Версия» Андрей Жданкин. Он сообщил, что после публикации в 11 номере этого издания его статьи «Чекисты без предела», содержащей сведения о покровительстве ФСБ криминальным группировкам в северокавказской республике Адыгея, ему по телефону угрожали неизвестные.

ФСБ пытается использовать прием наглого давления на прессу, выработанный ее сталинскими предшественниками. Он основан на уверенности ФСБ в том, что основная масса населения страны, в том числе и журналисты, не знает своих гражданских

прав. Применяя этой прием против столичных журналистов, ФСБ порой терпит сокрушительное моральное поражение.

В мае 1996 года в здании Останкинского военкомата в Москве прогремел взрыв. Как всегда, ФСБ и милиция оказались ни к чему не готовы, и никаких данных о взрыве им получить не удалось. Спецслужбы стали усиленно замалчивать этот взрыв.

И вот в июне следующего, 1997 года, известный московский журналист Александр Подрабинек опубликовал в журнале «Экспресс-хроника» серию статей о взрыве. Естественно, ФСБ потребовало от него выдать материалы, на основании которых он написал статью.

Необразованных чекистов не остановило даже то, что Александр Подрабинек является одним из руководителей Общества «Мемориал», расследующего преступления НКВД-КГБ в сталинскую эпоху.

Разумеется, он отказал ФСБ в выдаче материалов, сославшись на статью 41 Закона РФ «О средствах массовой информации». Этот закон прямо запрещает журналистам выдавать властям источники своей информации, полученной на конфиденциальной основе. Недаром ФСБ так активно выступает за пересмотр этого закона, используя подконтрольные политические партии в Думе – коммунистов и ЛДПР. Новая редакция закона уже готова. В соответствии с ней журналист обязан сообщать источник своей информации даже не суду, а простому следователю, которым может оказаться любой сотрудник ФСБ.

Но вернемся к Александру Подрабинеку. Он не только не выдал ФСБ источник своей информации, но и использовал этот случай для морального обличения ФСБ через средства массовой информации. Он напомнил, что в «органы госбезопасности ни разу не выразили раскаяния в своей преступной деятельности во времена социализма» и что «в аппарате ФСБ по-прежнему работают люди, ответственные за политические репрессии в СССР». Поэтому он сомневается в возможности следственных органов ФСБ вести предварительное расследование объективно и в рамках действующего законодательства.

В провинции ФСБ привлекает к ответственности журналистов. В декабре 1997 года, по сообщению новосибирской газеты «Момент истины», Центральный районный суд Новосибирска удовлетворил иск о защите деловой репутации, предъявленный УФСБ по Новосибирской области к этой газете. Причиной послужила публикация ряда статей, в которой Управлению ФСБ по Новосибирской области ставится в вину развал экономики области. Решением суда с редакции газеты взыскано 500 тысяч рублей.

В маленьких провинциальных городках руководство мэрии, ФСБ и милиции, как правило, являют собой одну и ту же коррумпированную группировку. Кроме того, все местные руководители являются старыми и проверенными агентами КГБ еще с советских времен. Поэтому разоблачения местными журналистами злоупотреблений одной из ветвей власти неизбежно встречают противодействие всех остальных.

Например, давно говорят о том, что органы ФСБ негласно поддерживают фашистов. Об этом опубликовано множество статей но, увы, только в центральной прессе. Когда такие статьи появляются в провинциальной прессе, они сильно раздражают местное руководство. Потому что именно здесь, на региональном уровне, сотрудничество властей с фашистами проявляется ярче всего.

По сообщению нижегородской телекомпании «Диалог», в ноябре 1998 года мэр крошечного городка Кстова, вблизи Волги, вдруг отказался от продолжения своих регулярных выступлений на местной телестанции «Сеть НН». Раздражение мэра вызвала серия передач телестанции, рассказывающих о том, что он, мэр города Вячеслав Болячек, вместе с районным отделом ФСБ оказывает покровительство местному отделению фашистской организации «Русское национальное единство». Сама по себе эта новость не является сногшибательной, потому что давно известно, что мэры других городов, и главы других отделов ФСБ и милиции поступают так же. Сенсацией было бы другое – если бы они поддерживали демократические организации. Вот тогда бы все действительно удивились.

Вячеслав Болячек заявил, что администрация района не оказывала содействия ни одной из партий, ни одному из движений, ни с одной из партий никогда не сотрудничала, и потребовал от радиостанции принести извинения ему и руководителям соответствующих правоохранительных органов, то есть ФСБ.

А вот это действительно странно! Российский закон не признает косвенных извинений. Требовать их могут только сами истцы, и ФСБ вполне могла потребовать таких извинений от телестанции «Сеть НН». Но почему-то сделало это через Болячека. В этом, разумеется, проявилось лишь слабое знание провинциальными чекистами российских законов.

Но не только это. Потребовав извинений через местного мэра, чекисты откровенно дали понять, что он является их соратником. Вячеслав Болячек призвал представителей государственных органов, партий и движений, а также предпринимателей отказать от сотрудничества с телестанцией «Сети НН» и потребовал от ФСБ и прокуратуры Нижегородской области тщательного расследования, выявления авторов клеветы и принятия мер к виновным. Мэр города Кстова также обратился в Судебную палату по информационным спорам при президенте РФ с просьбой дать моральную и правовую оценку происшедшему. Так ФСБ использует своих сторонников в органах местной власти для оказания давления на свободную прессу.

Иногда в российской провинции журналистов убивают за отказ становиться агентами. В 1996 году в Чечне при невыясненных обстоятельствах была убита журналистка Надежда Чайкова. Вскоре в № 42 «Общей газеты» за 1996 год была опубликована статья под заголовком «Надежда Чайкова отказалась работать на ФСБ». ФСБ была настолько раздосадована этой статьей, что создала специальную комиссию для служебного расследования.

Через три месяца комиссия сообщила о результатах своей работы. Ссылаясь на информацию агентов ФСБ в Чечне, комиссия утверждает, что Надежду Чайкову убила «одна из банд».

Но некоторые из банд, между прочим, работают на ФСБ. И, кроме того, я знаю, что комиссии для служебного расследования создается вовсе не тогда, когда убили кого-то из посторонних, в том числе журналистов. Эти комиссии создаются лишь после утечки нежелательной информации. Должно быть, этим и занималась вышеупомянутая комиссия. Ответ же о том, кто и зачем убил Надежду Чайкову, ясен и без всякой комиссии. Папка с материалами об убийстве наверняка хранится в одном из сейфов ФСБ, и, для того чтобы ознакомиться с ними, не надо создавать никакой комиссии. Достаточно разрешения начальника отдела...

В последние годы правления Ельцина, в конце 1999 года, в России уже отчетливо были видны признаки ужесточения политического режима. Поводом к этому послужила вторая Чеченская война. ФСБ вновь почувствовала себя вольготной, особенно в провинции. В своей нескончаемой борьбе с прессой она вернулась к лозунгу советской эпохи о том, что «непродуманные» статьи журналистов нарушают общественный покой.

Пробный шаг в этом направлении был сделан в октябре 1999 года, когда в Екатеринбурге исполняющий обязанности начальника Управления ФСБ по Свердловской области Б. Козиненко направил в Уральское региональное управление регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о средствах массовой информации многозначительное письмо. В нем утверждалось, что в некоторых газетах Свердловской области якобы появились материалы, способствующие дестабилизации социально-политической обстановки. В их числе в письме были названы две статьи: «Сумасшедший взрывник», (напечатана 7 сентября в газете «Вечерние ведомости из Екатеринбурга») и «Взрывника Мухина трясло от пьянства» («Комсомольская правда» за 16 сентября).

В этих статьях шла речь о возможности террористических актов в Екатеринбурге. Б. Козиненко сообщил, что в результате проведенной совместно с ГУВД Свердловской области проверки сведения, содержащиеся в обеих статьях, не нашли подтвер-

ждения. Вместе с тем, по мнению начальника местного управления ФСБ, обе они вызвали негативный общественный резонанс, хотя свидетельств этого негативного резонанса тоже не было никаких. В связи с этим Б. Козиненко предложил региональному управлению принять соответствующие меры согласно действующему законодательству.

Беспокойство начальника ФСБ становится понятным только сейчас. Ведь незадолго до этого в Москве и ряде других городов произошли странные взрывы, в результате которых началась вторая Чеченская война, приведшая к воцарению Путина. Уже тогда ходило много разговоров о том, что к этим взрывам причастны спецслужбы. Это нашло подтверждение в сентябре того же года в Рязани, где ФСБ, похоже, готовилась взорвать жилой дом. Бдительные жильцы заметили странные приготовления. Вызвали милицию, и тогда ФСБ объявила все это учениями. Резонно предположить, что аналогичные взрывы собирались совершить и в Екатеринбурге, но бдительные журналисты узнали об этом, спасши таким образом тысячи человеческих жизней. Журналисты сорвали взрыв, и раздосадованный начальник ФСБ, которому теперь нечем было рапортовать начальству, пожаловался на журналистов в региональное управление контроля над прессой. Поистине, такое возможно только в России.

Даже в Петербурге ФСБ действует так же разнузданно, как в любом маленьком провинциальном городке, откуда жалобы до Москвы иногда не доходят.

Петербург тоже исторически относится к городам, где некому было жаловаться. Ведь, там, в отличие от Москвы, в советское время не было иностранных корреспондентов, и местное управление КГБ было воспитано на жестких традициях борьбы с диссидентами.

Они проявили себя в мае 1998 года, когда капитан Никитин, обвинявшийся в то время ФСБ в шпионаже и впоследствии оправданный, давал интервью в прямом эфире. Как только Никитин заговорил, отвечая на вопросы корреспондента, в эфире неожиданно возник шум, а затем послышались голоса рекламной службы другой радиостанции, полностью заглушившие пресс-конференцию Никитина.

В результате проведенного расследования было установлено, что техника радиостанции «Гардирика», передававшая пресс-конференцию Никитина, была в исправном состоянии, а возникшие помехи объяснялись подключением шумового устройства к телефонному кабелю, с которого велась трансляция. Материалы служебного расследования были переданы в прокуратуру Центрального района Санкт-Петербурга, где они, как и следовало ожидать, благополучно сгинули. Ведь прокуратура и ФСБ – это близнецы-братья. В России между ними всегда царит полное взаимопонимание.

Но в последнее время ФСБ начинает откровенно и грубо действовать и в Москве, свидетельством чему стало уничтожение единственной независимой частой телекомпании НТВ. Но сейчас, перелистывая страницы прессы пятилетней давности, осознаешь, что психологические условия для этого начали создаваться раньше, как только Путин стал премьером, а потом и объявлен преемником Ельцина.

Репрессии начались в редакции «Новой газеты» – независимого средства массовой информации, сообщаящего и о ФСБ, и о Чеченской войне, и о нравах правящей верхушки России нелицеприятную правду. 24 августа 1999 года радиостанция «Эхо Москвы» сообщила о том, что у редакции «Новой газеты» заблокированы банковские счета, по словам главного редактора газеты Дмитрия Муратова, «максимальными претензиями налоговых инспекторов являются не оформленные должным бюрократическим образом командировки наших корреспондентов в районы боевых действий в Чечне. Они были связаны с акцией «Забытый полк», рассказывающей о том, как командование наших войск бросает своих, предает своих солдат в бою. Также внимание налоговых органов привлекли командировки на Северный полюс и к представителям экстремистского мусульманского движения «Талибан».

Дмитрий Муратов сообщил также, что в течение последних четырех месяцев редакция «Новой газеты» неоднократно подвергалась проверкам со стороны налоговых органов. Причем налоговые инспекторы выполняли функции, им не свойственные. Они

выступали в качестве агентов ФСБ. Не таясь, налоговые инспекторы заявили работникам «Новой газеты»: «Вы должны знать, с кем дружить и какие заголовки печатать».

Тем не менее главный редактор подчеркнул, что, несмотря на такие действия налоговой полиции, газета будет выходить. Он предположил, что возможными причинами сложившейся ситуации могли стать серия публикаций о коррумпированных генералах ФСБ, выступления Юрия Щекочихина на эту тему.

26 августа Дмитрий Муратов сообщил, что счета газеты разблокированы, а управление по связям с общественностью Государственной налоговой службы России распространило сообщение о том, что территориальной налоговой инспекции дано указание приостановить взыскание штрафов, наложенных на «Новую газету».

Но на этом репрессии против «Новой газеты» не кончились. Они лишь приобрели законспирированный характер. 7 марта 2000 года неизвестными преступниками была взломана компьютерная сеть «Новой газеты». В номере, который не вышел из-за этого, планировалось опубликовать материалы, касающиеся финансирования предвыборного штаба Путина. Представители редакции отмечали, что в последнее время на журналистов оказывалось давление в связи с публикациями о ситуации в Чечне и связях высших чиновников с бизнесом. В редакцию также поступали предложения изменить политическую линию газеты в обмен на финансовую помощь. Редакция в ходе собственного расследования пришла к выводу, что возможность технической ошибки, которая могла бы привести к уничтожению выпуска газеты, полностью исключена.

Мощный стимул нападкам ФСБ на свободную прессу дала вторая Чеченская война. С ее началом ФСБ начало вбрасывать в прессу тезис о том, что США незаконно ввезли в Россию большую партию долларов для подкупа журналистов, критикующих действия российских войск в Чеченской войне. Цель была предельно ясна: объявить каждого, кто отважится разоблачать Чеченскую войну, американским шпионом и предателем родины.

Внушить простым людям мысль о том, что журналист не может защищать права человека, заступаться за униженных и оскорбленных по зову сердца, а только за деньги. ФСБ муссирует мысль о том, что журналисты – это продажные твари, способные работать лишь за мзду.

Но самое смешное состоит в том, что подавляющее большинство чекистов действительно думают так! Помню, сколько мне пришлось в годы службы в КГБ спорить со своими коллегами, доказывая, что писатели и журналисты далеко не все пишут за деньги, а порой и во вред себе. В мышление чекиста это не укладывается. Писателей и журналистов они сравнивают с собой.

Для пропаганды таких взглядов ФСБ использует своих людей в Государственной Думе. Но делая это, как всегда, неубедительно.

Так, 2 февраля 2000 года в Петербурге состоялась пресс-конференция, на которой депутат Государственной Думы Алексей Александров заявил, что в Санкт-Петербург незаконно ввезена большая партия долларов США для подкупа российских журналистов...

Все в этой пресс-конференции выглядело глупо, и в первую очередь место ее проведения – петербургское отделение ИТАР-ТАСС. Это ведомство, хотя и не является теперь официально государственным, по-прежнему остается рупором властей, чем оно было все советские годы. Примечательно, что именно в ИТАР-ТАСС на должность заместителя его президента был направлен начальник пресс-службы Внешней разведки Юрий Кобаладзе после своего увольнения с прежнего поста. Присутствие спецслужб в ИТАР-ТАСС по-прежнему остается очень мощным. Значительная часть корреспондентов ИТАР-ТАСС, как и в советские времена, являются офицерами разведки. Ясно, что без согласования с ФСБ петербургское отделение ИТАР-ТАСС никогда бы не отважилось предоставить свой зал для проведения какой бы то ни было пресс-конференции.

Сам депутат Александров тоже ответил глупо на вопрос журналистов о том, какие информационные агентства сообщили об одалживаемых или уже поступивших деньгах. Он заявил, что таких сведений не имеет (зачем же он тогда устраивал пресс-

конференцию, позвольте спросить?), но не сомневается в достоверности ввоза долларов и даже призвал журналистов и правоохранные органы к бдительности. Значит, эту информацию он получил в спецслужбах. Но почему в таком случае они сами не устраивают пресс-конференции?

Впрочем, почти в тот же день начальник Центра общественных связей ФСБ Александр Зданович заявил, что российские спецслужбы проверяют информацию о вбросе в Россию через арабские и американские банки 1,5 миллиардов долларов для лоббирования в средствах массовой информации интересов чеченских боевиков.

ФСБ по-прежнему тупо и необоснованно продолжает обвинять в коррупции всех журналистов, раскрывающих грязную правду о войне в Чечне. Так, немало хлопот доставляли верхушке армии и ФСБ статьи отважной журналистки «Новой газеты» Анны Политковской о преступлениях российских военных в Чеченской войне. С риском для жизни она ездила на фронт, встречалась с простыми чеченцами и русскими солдатами и узнавала многое из того, чего совсем не хотелось бы слышать высшему руководству страны в Москве – например, сообщения о пытках, казнях и похищениях мирных жителей, которые проводят в Чечне российские военные.

В феврале 2002 года представитель Центра общественных связей расквартированной в Чечне армии Илья Шабалкин заявил, что Анна Политковская ездит в Чечню «для разрешения своих финансовых проблем и разногласий с некими фондами, в частности с фондом Сороса», который якобы оплачивает поездки журналистки. Эта ложь выглядела особенно циничной именно применительно к Анне Политковской, которая рисковала собой, работая в Чечне. Она подвергалась молчаливому сопротивлению и даже провокационным задержаниям со стороны российских военных. 7 октября 2006 года Анна Политковская была убита в подъезде собственного дома.

С 2000 года, когда Путин официально стал президентом, давление на прессу усилилось. Областные управления ФСБ, чувствуя настроения, царящие в Кремле, сами стали предпринимать акции по ограничению прав журналистов в своих регионах.

Так, Управление ФСБ по Волгоградской области вынудило редакторов некоторых газет заключить с ним соглашение о сотрудничестве. Это сотрудничество предполагало, что газеты перестанут публиковать острые критические материалы, а взамен получают благоволение и поддержку ФСБ. Те же, кто откажется от заключения этого соглашения, будут признаны диссидентами и изгоями.

В апреле 2000 года корреспондент франко-германской телекомпании ARTE в Москве Филипп Ланье решил взять телефонное интервью по этому поводу у начальника пресс-службы Волгоградского УФСБ И. Кузнецова, но тот отказался разговаривать с Ланье по телефону. Но ведь пресс-служба вроде бы и существует для того, чтобы общаться с журналистами! Однако в российских спецслужбах она, похоже, действует ради других целей – сокрытия правды и проведения дезинформационных акций.

Тенденция к ограничению этой свободы особенно сильна в регионах, пронизанных мафией и коррупцией. Наиболее ярким примером является Дальний Восток. Вот уж где внедрение «информационной безопасности» поставлено на широкую ногу!

11 марта 2002 года во Владивостоке состоялось первое заседание совета по информационной безопасности при губернаторе Приморского края. А губернатор этого края Дарькин – видный деятель местной мафии, о чем всем известно. Об этом не раз сообщали многие российские средства массовой информации.

В Приморский совет по информационной безопасности вошли 17 человек, в основном представители силовых ведомств. Возглавляет его бывший исполняющий обязанности начальника УФСБ по Приморскому краю Александр Громов. На своем первом заседании, о котором журналисты даже не были оповещены, совет определил свои основные задачи. Главная среди них – выполнение решений высших органов государственной власти по технической защите государственной тайны.

Но ведь эта задача давно уже решена! Существуют государственные органы, которые профессионально занимаются охраной тайны. Это – все та же ФСБ и соответствующие подразделения Министерства обороны. Зачем навязываться им в качестве

лишнего советчика, когда у них и без того полно своих представителей в любом регионе России?

И, тем не менее, на этом заседании были созданы целых два дополнительных органа по охране информации в Приморском крае – Отдел информационной безопасности края и Совет по информационной безопасности при губернаторе.

Почему же так озаботились приморские чиновники вопросами защиты секретов в своем крае в условиях того, что количество этих самых секретов там как раз сокращается? Ведь вооруженные силы России на Дальнем Востоке уменьшились в несколько раз после устранения угрозы войны с Китаем и Японией, а именно они были главным вместилищем секретов! Нет, вовсе не военная информация заботит дальневосточную бюрократическую верхушку, а только та, что связана с деятельностью местной мафии.

С приходом Путина к власти руководители ФСБ по всей стране стали активнее жаловаться в суд на критические выступления в прессе. И суд всегда поддерживает иск ФСБ!

В провинции сейчас достаточно даже самой невинной критики в адрес ФСБ, опубликованной в местной газете, чтобы начальник местного управления ФСБ обратился в суд с иском о защите собственной чести и достоинства. Например, в марте 2002 года корреспондент «Народной газеты», издающейся в Костроме, Евгений Родионов написал в своей статье лишь одну фразу: «Прокуратура и ФСБ увязли в политических интригах и не заняты выполнением прямых обязанностей». Этого хватило для того, чтобы начальник местного управления ФСБ Владимир Смирнов обратился в суд с требованием опровержения и компенсации морального вреда в размере 200 тысяч рублей (около семи тысяч долларов.) У провинциальных журналистов таких денег просто не может быть, их средняя зарплата в месяц не превышает порой и сотни долларов. И суд принял иск начальника ФСБ к производству, хотя никакого оскорбления его личной чести и достоинства в вышеприведенных словах нет. Тем не менее, дело до сих пор находится в производстве Свердловского районного суда Костромы.

Увы, российские суды всегда выступают на стороне спецслужб. На языке путинской бюрократии это называется «государственным подходом», то есть защитой интересов государства в ущерб интересам личности. В наши дни капитана Никитина, – отважного эколога, рассказывавшего о загрязнении Северного моря российским военно-морским флотом, уже бы не оправдали.

Особенно показательным является иск директора ФСБ Николая Патрушева к «Новым известиям». 4 августа 2001 года эта газета опубликовала статью «Патрушев вспомнил о Чечне». Патрушева возмутил заголовок статьи, а также содержащиеся в ней несколько фраз, в том числе такая: «У Патрушева появились шансы проявить себя во всей чекистской красе на ниве борьбы с очагом международного терроризма. И директор себя проявил. Не прошло и года, как он получил в подарок звание генерала армии».

Но ведь все это было сущей правдой! Действительно, вскоре после назначения ответственным за чеченскую операцию директору ФСБ было присвоено высшее генеральское звание, хотя никаких успехов в Чечне нет. Более того, он даже получил высшую государственную награду – Звезду героя России, о чем в газете не было сказано. Награждение было проведено секретно, и журналисты узнали о нем окольными путями. Звезда героя стала для Патрушева заранее выданной индульгенцией за все преступления и просчеты, которые могут совершить российские военные в Чечне.

Тем не менее, Московский городской суд признал эту фразу, а также несколько других, не соответствующими действительности и взыскал с автора статьи, известного журналиста Валерия Якова, 5000 рублей (около 160 долларов). Валерий Яков обратился с жалобой в Верховный суд, но тот оставил ее без удовлетворения...

В нынешней России суд может действовать наперекор ФСБ лишь тогда, когда она покушается на интересы слишком уж высокопоставленных лиц. Так случилось с УФСБ по Владимирской области, когда она предъявила иск к мэру Москвы Юрию Лужкову о защите деловой репутации.

Подробности этой истории известны мало. В июле 1999 года неожиданно началось уголовное преследование жены мэра Елены Батуриной. Дело было явно заказным и направленным против самого мэра. Причиной его была, скорее всего, подкованная борьба в высшем руководстве страны. Кому-то потребовалось свалить московского мэра. О том, что в этом заинтересовано высшее руководство, свидетельствовало участие в этом деле ФСБ.

Елена Батурина не была ни шпионкой, ни террористкой, а всего лишь хозяйкой фирмы по производству пластмассовых изделий. Преступления, в которых ее обвиняли, были чисто финансовыми, и с ними вполне могла бы справиться обычная милиция, без всякой помощи ФСБ.

Лужков заявил, что возбуждение уголовного дела, в котором фигурирует фирма его жены, является произволом властей и правоохранительные органы используются в политических целях. В газете «Метро» были опубликованы статьи «Над пропастью во лжи», «Операция «Провокация»».

После этих выступлений Управление ФСБ по Владимирской области обратилось с судебным иском о защите деловой репутации к Лужкову и газете «Метро», но Пресненский межмуниципальный суд принял решение отказать ФСБ в этом иске.

Но совсем не таким лояльным оказался Владивостокский суд к журналистке Татьяне Ощепковой! В начале 2002 года она опубликовала в газете «Ежедневные новости» статьи «Неформалы от госбезопасности» и «Гостайны в России нет». В них освещался ход процесса по делу военного журналиста Григория Пасько.

В этих статьях журналистка назвала преступником следователя ФСБ Александра Егоркина, фальсифицировавшего протокол осмотра квартиры Григория Пасько. Она имела на это полное юридическое право: ведь первый суд над Григорием Пасько признал эти протоколы сфальсифицированными и даже принял по этому поводу частное определение!

Но ведь в итоге Пасько все равно был осужден вторым судом, и следователь ФСБ Егоркин счел себя вправе требовать сатисфакции от журналистки, вполне законно назвавшей его преступником! Он просил суд обязать ее опровергнуть распространенные сведения и взыскать с редакции в качестве возмещения морального вреда 100 тысяч рублей.

Конечно, требование следователя ФСБ было абсолютно антизаконным. Но во Владивостоке сейчас все боятся ФСБ, в том числе и судьи. Если ФСБ смогла расправиться с невинным Пасько несмотря на всю его международную поддержку, то что тогда она сможет сделать с рядовым жителем Владивостока, даже если он и судья?..

И суд обязал газету опубликовать опровержение и взыскал шесть тысяч рублей с редакции и две тысячи – с журналистки Татьяны Ощепковой.

Журналистка и редакция подали жалобу в областной суд и, казалось бы, одержали победу. Но областной суд лишь послал дело на новое рассмотрение, и не куда-нибудь, а все в тот же самый Первомайский суд первой инстанции. Тем самым он предал Татьяну Ощепкову, отдал ее на растерзание тому суду, на который она пожаловалась.

И действительно: Первомайский районный суд, как и следовало ожидать, признал свое прежнее решение правильным, и лишь увеличил наказание: он взыскал с редакции вместо прежних шести тысяч рублей десять тысяч, а для Татьяны Ощепковой наказание было оставлено прежним – две тысячи рублей. Хотя она и была полностью права.

Увы, российский суд очень часто наказывает невиновных и оправдывает виноватых, особенно в провинции. На этой пессимистической ноте хотелось бы закончить эту главу, хотя факты, подобные вышеприведенным, множатся в России день ото дня.

Спасибо Фонду защиты гласности, предоставившему мне эти факты!

IV. КАК ФСБ ПРЕСЛЕДУЕТ МЕНЯ

1.

Журналистов, пишущих о ФСБ, в нынешней России очень мало. Это неудивительно: ведь тема небезопасна. И к тому же все понимают, что писать на эту тему могут только те, кто сам работал в КГБ. А там пишущих людей всегда была горстка, хотя журналистские должности, отведенные чекистам в многочисленных зарубежных корпунктах советской прессы, исчислялись сотнями.

Изредка в российской печати появляются статьи о ФСБ, написанные штатскими журналистами, но доверия они не вызывают. Читатели понимают, что они могли быть созданы только под диктовку самого ФСБ. Журналист в этом случае выступает лишь в роли интерпретатора, переводчика сбивчивой речи офицера ФСБ на журналистский язык. О, как много журналистов сколотило себе крупные состояния на такой же интерпретации действий НКВД в сталинское время! Их лживые пьесы шли во всех театрах, по ним создавались фильмы. Их огромные дачи, сложенные из сосновых бревен и расположенные на просторных участках земли, выделенных по указу самого Сталина, сейчас являются предметом судебных разбирательств многочисленных наследников.

Но сейчас времена изменились, и молодые читатели инстинктивно чувствуют ложь.

О проблемах ФСБ сейчас отваживаются писать лишь несколько отставных полковников. Их статьи отмечает двойной стандарт. В первой их части авторы сквозь зубы признают, что КГБ действительно совершал преступления, да и в ФСБ есть проблемы, но во второй они все равно объявляют КГБ героем.

В России только двое бывших разведчиков встали на путь его решительного разоблачения. Они подвергают КГБ и его наследницу ФСБ моральному порицанию, открыто называют их преступными организациями. Это – генерал Олег Калугин, вынужденный уехать в Америку, опасаясь расправы, и я, его младший коллега и единомышленник.

Я также подвергаюсь провокациям. ФСБ особенно бесит то, что я занимал в КГБ довольно солидный пост референта начальника научно-технической разведки. Свои статьи я подписываю с упоминанием прежней должности. ФСБ не может упрекнуть меня в некомпетентности, как какого-нибудь штатского журналиста, и оттого испытывает ко мне особое чувство злобы. В глубине души ФСБ не может понять, для чего я все это делаю. По ее мнению, гораздо выгоднее было бы, наоборот, воспевать ФСБ и получать за это моральные и материальные поощрения.

ФСБ находится по сей день в плену советских иллюзий. Советская коммунистическая империя держалась на трех китах. Первым был аппарат КПСС, вторым – армия, а третьим – КГБ. Ни первый, ни второй кит не выдержали испытания буржуазной жизнью, и только третий, КГБ, остался преданным коммунизму навсегда.

Партийный аппарат позорно капитулировал перед демократическим правительством Ельцина. Он цинично отсек от себя фанатиков – сталинистов старшего возраста. Одни из них покончили с собой, застрелившись или бросившись из окон, другие – стали нищими пенсионерами. Ведь они были истинными коммунистами и не могли предположить, что коммунизм в России когда-нибудь рухнет. Эти люди искренне считали, что он будет существовать вечно, и поэтому не делали никаких накоплений. Даже властитель Москвы, первый секретарь Московского горкома КПСС Гришин умер, сидя на стуле в многочасовой очереди в собесе, куда он пришел просить об увеличении своей мизерной пенсии. А ведь всего за несколько лет до этого перед ним трепетала вся Москва.

Большинство же партаппаратчиков ушло в бизнес, срослось с мафией. Их приход в партийный аппарат за десятилетия до этого был лицемерным, продиктованным лишь карьеристскими устремлениями. До сих пор многие в России задаются вопросом

о том, куда делось золото КПСС, составлявшее значительную часть национального бюджета. А между тем ответ известен: часть его пошла на становление коррумпированного партийного бизнеса в новой демократической России.

Для армии распад СССР стал шоком. Потому что служить в армию шли люди иного типа, чем партийные аппаратчики. В большинстве своем это были недалекие деревенские пареньки, воспитанные, подобно всем русским крестьянам, в духе слепого преклонения перед властью. Ведь условия жизни и учебы в военных училищах очень тяжелы, и юноши из крупных городов выбирали гражданские профессии, предпочитая свободу. Поступить в российские военные училища очень легко, достаточно обладать хорошим здоровьем.

Кроме того, русскому крестьянину присуще некритическое восприятие слов начальства. И потому наивные сельские пареньки твердо верили всему, что им внушали профессиональные лжецы, армейские политические воспитатели. Они слепо верили в коммунизм и так же тупо ненавидели Запад. «Мы – фанатики!» – с гордостью говорили мне знакомые армейские офицеры.

Крушение коммунистического строя вызвало в армии волну самоубийств. Оно деморализовало ее. Очень многие офицеры даже поверили в Бога, стали набожными христианами, что раньше категорически запрещалось. Например, если где-нибудь на бескрайних просторах России обосновывалась новая воинская часть, ее командиры первым делом добивались закрытия последних сохранившихся церквей в округе. Так военные коммунисты, славившиеся своей особой идеологической непримиримостью, боролись с религией. Сейчас же, после семидесяти лет коммунизма, во многих военных городках возводятся храмы. Солдаты и офицеры молятся в них совершенно открыто, никого не боясь.

И только в ФСБ нет ничего подобного. Чекисты оказались самыми стойкими коммунистами. В штабах разведки и контрразведки не было построено ни одной церкви. Более того, ФСБ до последнего времени владела зданием церкви XVII века на Лубянке, уникальным памятником истории. Ее иконы и фрески были уничтожены чекистами еще в двадцатые годы. Сначала там, как и во всех церквях, занятых ВЧК, была устроена тюрьма и камера пыток, затем в течение семидесяти лет размещался гараж спецмашин. Именно отсюда в сталинские времена по ночам выезжали черные автомобили. Они направлялись за новыми жертвами. Сидевшие в них чекисты врывались в дома горожан и арестовывали безоружных и ни в чем не повинных людей. Среди них были и представители высшей партийной элиты, и простые рабочие. Много было дворян, священников. В народе эти автомобили прозвали «черными воронами», предвестниками смерти.

К утру сюда свозили тысячи арестованных, многих из которых расстреливали тут же, в подвале. Лишь в 2002 году здание гаража было возвращено Церкви. Сейчас там совершаются Церковные службы.

Скорее всего, это было сделано под давлением общественного мнения и в угоду общей тенденции. Действительно, во всей стране происходит церковное возрождение, а в самом центре Москвы, на Лубянке, ФСБ до сих пор использует церковь под гараж! Непорядок!

Но ни в коей мере открытие храма на Лубянке не было продиктовано раскаянием чекистов за свои прежние и нынешние преступления. Наоборот, это тема даже не затрагивалась в торжественных речах, словно эта церковь открывалась где-нибудь в университете или на заводе. О том, что ее стены и пол буквально пропитаны кровью невинных мучеников, которые прямо здесь, в этой самой церкви, были убиты или замучены насмерть, даже не упоминалось! Такая лицемерная позиция в оценке исторического прошлого КГБ официально возобладала именно сейчас, с приходом Путина к власти.

ФСБ проявляет главную черту антихристианского поведения – упорствование в грехе и отказ от покаяния. ФСБ так и не признала то, что массовые репрессии ни в чем не повинных людей, их убийства и пытки, которые совершали чекисты на протяжении

семидесяти лет коммунистической власти, были преступлениями. ФСБ замалчивает их, не хочет вспоминать, но зато неустанно повторяет, что всю жизнь, начиная с 1917 года, она служила родине, хотя на самом деле служила коммунистической идее, действуя порой вразрез с национальными интересами страны.

В своих редких выступлениях по российскому телевидению я призывал своих бывших коллег-чекистов покаяться в грехах и отречься от дьявольской идеологии коммунизма. Каждый раз после этого мой телефон потрясал шквал звонков от стариков-ветеранов и даже сорокалетних ровесников.

– Нам не в чем каяться! – кричали они, изнемогая от ненависти. – Мы служили только своей родине!..

– А разве родина и коммунизм – это одно и то же? – переспрашивал я.

– Одно, одно! – кричали старики, наверняка участвовавшие в сталинских репрессиях.

– Но почему же тогда наш народ отказался от коммунизма? – задавал я свой последний вопрос. Ответить на него старым чекистам нечего. Только видно, что много грехов накопилось на каждом.

Впрочем, с приходом к власти Путина мои выступления по телевидению, и без того крайне немногочисленные, прекратились. Меня боялся выпускать на телеэкран...

Ненависть к христианству как нельзя лучше характеризует мировоззрение нынешних контрразведчиков России. Она говорит о том, что ФСБ – это не просто спецслужба, какие есть во всех странах мира. Это орган неутоленной обиды, оплот коммунистического реванша. ФСБ – это политическая сила. Ведя с ней духовную борьбу, разоблачая ее, я выполняю свой христианский долг борьбы с дьяволом. Этим я отличаюсь от моих коллег в других странах, пишущих о своих контрразведках просто как о спецслужбах, а не вооруженных отрядах местных коммунистических партий.

После распада СССР прокоммунистическая направленность ФСБ не ослабла, но, напротив, усилилась. ФСБ стала гораздо более коммунистической, чем даже в советские годы.

Ведь на рубеже восьмидесятых-девяностых годов оттуда уволились все люди демократических убеждений, а остались только убежденные коммунисты. К тому же не умеющие делать ничего, кроме написания скучных служебных бумаг. У них тотчас упала зарплата, понизился общественный престиж. Сотрудники ФСБ исполнились чувством мести и зависти к своим более удачливым бывшим коллегам. Они испытывают мучительную ностальгию по коммунистическим временам.

Когда я работал в КГБ, меня распирало от желания рассказать об истинной жизни этого самого секретного ведомства в Советском Союзе. Однако в то, что это время придет, я не верил. Но, к счастью, КГБ рухнул в 1991 году.

В один из последних дней перед увольнением меня вызвал начальник. Имя этого человека тогда еще было у многих на слуху: Геннадий Захаров, советский разведчик, арестованный в Нью-Йорке за шпионаж в августе 1986 года!

В ответ КГБ срочно арестовал в Москве ни в чем не повинного американского журналиста Николаса Данилова, выходца из семьи русских эмигрантов: агент КГБ из числа его приятелей вручил Данилову пакет с секретными материалами, после чего американец был немедленно схвачен. Не помогло даже то, что Данилов был потомком декабриста, а советская власть относилась к таким людям с подчеркнутым пиететом. В конце концов Данилова обменяли на Захарова, и тот был отпущен в Москву. Там его поощрили, сделав руководителем группы консультантов начальника научно-технической разведки, в которую входил и я.

Сейчас лицо Захарова было строгим. Кивком он указал мне на стул.

– Хочу тебя заранее предупредить! – сказал он. – Если ты собираешься писать книги о КГБ, то каждую публикацию ты должен согласовывать с нами...

– А вот этого никогда не будет! Я буду писать, как сочту нужным, и согласовывать это только со своей совестью! – с чувством мстительной радости отвечал я.

– Смотри, пожалеешь! – мутно взглянул на меня Захаров.

– Нет, пожалеете вы! – парировал я. И оба наших пророчества сбылись...

Последний раз переступив порог здания разведки в московском районе Ясенево, я с наслаждением вдохнул воздух свободы. Впервые в жизни я ощутил себя только журналистом. В тот же день я начал писать разоблачительную книгу о КГБ.

Поскольку я работал в Японии, то обратился к японским журналистам, аккредитованным в Москве. Для читателей их страны она могла бы быть интересной.

Но все было не так просто. Тогда многие иностранцы решили, что Россия окончательно порвала с коммунизмом, а значит, и с КГБ.

– Теперь твоя книга не актуальна. Она устарела. Ведь КГБ больше не существует! – говорили мне многие журналисты.

– Это не так, и вы скоро в этом убедитесь! – возражал я. Но, к счастью, в информационном агентстве «Дзидзи» нашлись люди, понимающие Россию. Они пообещали опубликовать мою книгу в своем издательстве.

По их просьбе, я написал несколько новых глав. Каждую из них темными зимними вечерами тайно отвозил в московский корпункт агентства «Дзидзи». Там переводчица Еко Нагоси, жена корреспондента Кэнро Нагоси, моментально переводила их на японский и отправляла по факсу в Токио.

В 1994 году книга вышла. Называлась она так: «Шпион, который любил Японию». Она произвела эффект разорвавшейся бомбы. Никогда еще в Японии не издавалось книги, столь откровенно рассказывающей о российском шпионаже. В книге раскрывался скрытый от посторонних внутренний мир резидентуры КГБ, полный доносов друг на друга, бюрократизма и чиновничества. Сам шпионаж, ради которого все и приехали в Японию, занимал в списке дел последнее место.

– И это – тот самый КГБ, которого мы так боялись?! – язвительными голосами вопрошали комментаторы с телеэкранов, потрясая моей книжкой. Признаюсь, мне это было приятно.

Моя книга нанесла мощный моральный ущерб российской разведке. Она парализовала ее работу в Японии на целых полгода. Теперь, едва российский разведчик знакомился с японцем, тот огорошивал его таким вопросом:

– Вы будете вербовать меня так же, как описывал Преображенский в своей книге «Шпион, который любил Японию?». – И при этом вынимал из портфеля мою книгу...

Такого унижения наша разведка не могла снести. Она решила отомстить...

– Сегодня днем тебе звонили из разведки, – сообщила мне в один из вечеров встревоженная жена.

– Они, что, забыли, что я у них больше не работаю? – с нарочитым весельем осведомился я, но на душе стало тревожно. Я понимал, что моя книга их рассердила, и меня ждет какая-то провокация.

Вскоре оттуда позвонили снова. Подняв трубку, я узнал голос героя-разведчика Геннадия Захарова, своего бывшего начальника, того самого, который когда-то предупредил меня о том, что я должен согласовывать с руководством разведки все свои статьи даже после увольнения.

– К тебе накопилось слишком много вопросов! – сказал он, и в его голосе слышалось торжество. – Приезжай к нам завтра утром на беседу!..

– Как только я войду в здание разведки КГБ в Ясенево, известное всему миру, вы меня там тотчас сфотографируете. А потом подsunете фотографию японским корреспондентам. И они будут думать, что я по-прежнему работаю в разведке. Это провокация, и я на нее не поддамся! – ответил я.

– Ну, тогда давай встретимся на нейтральной территории... – предложил Захаров.

– Нет, на это я тоже не согласен, потому что это будет похоже на встречу с агентом, и еще неизвестно, какую пакость вы мне сделаете во время этой встречи. Если хотите, приезжайте ко мне домой... Но учтите: секрет из вашего посещения я делать не буду. Я расскажу о нем иностранным журналистам, опубликую статью в газете...

– Но ведь тогда тебе придется выдать мое имя. А это – преступление! – парировал Захаров.

– Обойдусь и без имени! – сказал я.

Захаров со вздохом согласился: видимо, слишком уж настойчиво требовало от него руководство разведки во главе с Примаковым личной встречи со мной. Интересно, для чего же им нужен именно личный контакт? Я же решил согласиться на встречу для того, чтобы понять, какую именно месть планирует мне разведка.

Поездка ко мне домой несла унижение Захарову: ведь я младше его по званию, к тому же отставник. Для меня же она была наиболее безопасной. Ведь дома и стены помогают...

Формально законов я не нарушил. В книге не раскрывались имена агентов КГБ и действующих сотрудников разведки. Значит, мне могли отомстить, лишь хитро придравшись к чему-нибудь другому.

Так и оказалось. Сидя у меня в гостиной, попивая чай и настороженно оглядываясь по сторонам, стараясь угадать, не прячутся ли в соседних комнатах японские журналисты, Захаров вдруг заявил дружеским тоном:

– Отдай мне рукопись своей книги!.. Высокое начальство хочет с ней ознакомиться.

– У меня ее нет, я ее передал японцам, а копии, себе не оставил! – соврал я.

– Очень жаль! – вздохнул Захаров, поднимаясь из-за стола.

– Рукопись могла бы прояснить некоторые вопросы...

Буквально через час раздался новый телефонный звонок. Голос был очень знакомым. Он принадлежал единственному из моих приятелей-японистов, который остался работать в разведке, Сергею Семилетову. Все остальные уже уволились. В семидесятых годах мы с ним вместе стажировались в Японии, в университете Токай. Потом поступили в разведку КГБ. Я – офицером-разведчиком, он – штатским преподавателем японского языка в Академии внешней разведки, в то время именовавшейся Краснознаменным институтом КГБ имени Андропова. Статус моего приятеля был ниже чем мой. Будучи всего лишь преподавателем, но не разведчиком, он считался членом обслуживающего персонала. Кабинетный работник, гражданский человек, а не офицер, Семилетов никогда не занимался агентурно-оперативной работой, не учился в школах разведки или контрразведки. И тем не менее, по приказу начальников, отважился обманом вытащить у меня русский текст книги. Разумеется, он тотчас выдал себя с головой.

– Я слышал, в Японии вышла твоя книга, – сказал Сергей Семилетов. – Не мог бы ты дать мне ее русский текст?..

– А зачем? – удивился я. – Ведь ты же можешь прочитать ее по-японски!

– Но, видишь ли, мне так хочется прочитать ее по-русски, чтобы понять твои писательские замыслы, – забормотал мой однокурсник смутившись.

– Я могу тебе пересказать их устно, – ответил я. – А теперь представь, что ты прочитал книгу какого-нибудь другого писателя. А потом позвонил ему домой и сказал: «А теперь дайте почитать ваши черновики!». Как, убедительно звучит такая просьба?..

Семилетов сконфуженно замолчал, а потом снова принялся бубнить про текст, как ни в чем не бывало. Столь бесстыдная манера поведения свойственна военным, которые любой ценой стремятся выполнить данный им приказ. Но друг-то мой официально военным не был!..

Посоветовавшись с юристами, я узнал, для чего разведке понадобилась рукопись моей книги. Она хотела вписать в нее что-нибудь преступное, – например, фамилии разведчиков, а потом обвинить меня в покушении на разглашение государственной тайны. А покушение на преступление – это тоже преступление, и сесть за него в тюрьму можно запросто.

А русский текст хранился у меня под кроватью. Я знал, что теперь ФСБ придет ко мне в квартиру с негласным обыском, чтобы выкрасть текст или снять с него копию, уловив момент, когда дома никого не будет...

Ведь сразу после того, как мне позвонил предатель-однокурсник, телефон зазвонил снова. Но этот звон был необычный, нехарактерный. Таких звонков вообще никогда не бывает. Он являл собой бесконечную трель, длившуюся семь минут. Я специально выжидал, когда она кончится. После этого я снял трубку и произнес вежливым голосом: «Алле»...

– Как слышно? – ответил мне грубый женский голос. Такими голосами разговаривают в России телефонистки. Но профессиональным чутьем я ощутил, что эта женщина была для меня своей. Она была из КГБ, где до недавнего времени служил и я. Такая в ее голосе была доверительность и непринужденность, свидетельствовавшая о том, что она говорит с кем-то из своих коллег-чекистов. Телефонистка КГБ проверяла, надежно ли работает система прослушивания моего телефона. Должно быть, она звонила не мне, а своему коллеге на другом конце провода, а телефон соединился с моим.

В КГБ это бывает довольно часто. Потому что техника там работает не очень хорошо. Должно быть, это наша традиция, восходящая к сталинским временам, когда у НКВД не было никакой необходимости хоть как-то маскировать свою деятельность: ведь все равно никто не осмелился бы сказать о ней ни слова из страха за свою жизнь.

В особенной степени не скрывалась эта деятельность перед своими. Когда я работал в разведке, все ее сотрудники открыто признавали, что наши служебные телефоны прослушиваются. Ровно без пяти девять утра, когда мы приходили на работу, все стоявшие в комнате телефонные аппараты, – а их было около пяти, и все с разными номерами, – начинали громко позвякивать. Это означало, что их подключали к прослушиванию. Ведь сотрудники службы внутренней безопасности разведки тоже приходили на службу к девяти часам.

Строго говоря, это можно было понять. Ведь разведка – учреждение архисекретное. Оттого каждый из нас старался, звоня по телефону домой, говорить с женой и детьми не больше пяти минут. Ведь если разговор бывал долгим, и службе внутренней безопасности надоедало его прослушивать, она просто обрывала его, и в трубке раздавались резкие, угрожающие, прерывистые гудки. Слушая их, мы замирали от страха: а вдруг это скажется на твоей карьере?!..

Порой такие же гудки раздавались даже в телефонных трубках начальников. Об этом они сами сообщали нам с чувством унижения и обиды. Значит, прослушивают всех, невзирая на чин! Это давало нам чувство хоть некоторой моральной компенсации.

Но и в разведке техника иногда давала сбои, и в наши разговоры вмешивались отрывистые голоса тех, кто нас прослушивает. Все они были мужскими. Это означало, что прослушивать сотрудников разведки позволяют только офицерам-мужчинам во избежание огласки.

– Держу на контроле! – вдруг слышались в трубке строгие голоса. – Подключайтесь к номеру 27-23, там уже разговаривают, а контроля нет!..

Убедившись в том, что мой домашний телефон прослушивается, я понял все остальное. Ведь ФСБ очень редко ограничивается одним лишь контролем телефона. Его прослушивание означает только то, что я нахожусь в разработке ФСБ, и ко мне можно применять все основные силы и средства этого учреждения.

Как пишут в учебниках контрразведки, эти силы и средства таковы: сами офицеры контрразведки (недаром один из них приходил ко мне домой), агентура (к ней относился штатский преподаватель Академии СВР Сергей Семилетов, упрасивавший меня дать ему русский текст книги), а также оперативная техника. А это – контроль телефона, почтовой корреспонденции, а также наружное наблюдение, то есть слежка на улице.

Я тотчас же решил проверить, применяют ли ее против меня. Для этого я попросил жену понаблюдать за мной из окна, когда я буду подходить к автобусной остановке. В разведке этот прием называют «контрнаблюдением». Остановка автобуса видна из нашего окна как на ладони.

Моя жена неоднократно осуществляла контрнаблюдение за мной, когда я был советским разведчиком в Токио. Опытным глазом она определила, что слежка есть. В некотором отдалении за мной шел человек, внимательно наблюдавший за тем, как я

сажусь в автобус. Возможно, он сообщил об этом по рации, но ведь ее микрофон у сыщиков вшит в воротник пальто, и посторонний человек этого не может заметить... Должно быть, до этого он дежурил в машине, стоявшей около моего подъезда...

Автобус идет до станции метро «Проспект Вернадского». Недалеко от него находится несколько секретных институтов. Там же, насколько я знал, в одном из неприметных зданий, спрятался наблюдательный пункт службы наружного наблюдения ФСБ. Значит, у выхода из автобуса меня будет ждать другой сыщик.

Это означало, что ФСБ приготовилась к чему-то серьезному. А именно, к тому, чтобы прийти ко мне с негласным обыском и изъять русский текст книги. А может быть, подложить что-нибудь компрометирующее, например оружие или наркотики. А потом с помпой изъять их официально, с множеством свидетелей.

Как противодействовать этому? Заявлять в милицию не имеет смысла. Даже в случае официального запроса ФСБ с благородным гневом отвергнет мои обвинения. Оставался один способ: может быть, глупый, но действенный: способ профанации и скандала...

Теперь каждому, кто звонил мне по телефону, я говорил, что нахожусь под наблюдением ФСБ, что она готовится тайно зайти ко мне и украсть русский текст моей книги. Разумеется, пожилые родственники, которым я тоже все это говорил, решили, что я помешался. Подруги моей жены, которым я тоже все это выкладывал, были заинтригованы и не понимали, для чего я им все это сообщаю. А я говорил не для них, а для ФСБ.

Но среди тех, кто звонил ко мне, были и иностранные корреспонденты, а они уж точно все понимали.

Разумеется, для неискушенного человека это выглядело, глупо. Однако действовало безотказно для моего спасения. Я знал, что меня прослушивают не те, кто следит за мной. Это делают люди из другого подразделения. А это значит, что их не связывает корпоративная солидарность и что информация о моих высказываниях по телефону дойдет до начальства. А оно должно будет понять, что проводить негласный обыск в условиях такой расшифровки бессмысленно, он может привести только к скандалу.

Через месяц я ощутил, что слежка за мной прекратилась, да и телефон перестал издавать громкие трели. Что же касается рукописи книги «Шпион, который любил Японию», то я успел отвезти ее к надежным знакомым. Следили ли за мной в тот момент, меня абсолютно не волновало, потому что я знал, что ФСБ не станет хватать меня на улице. Ведь официально уголовного дела против меня заведено не было, и я вполне мог обратиться за защитой к адвокатам и в правозащитные организации.

Через месяц после описываемых событий я опубликовал статью в газете «Московские новости», где рассказал о визите ко мне бывшего начальника и о его требовании выдать русский текст книги.

Как я потом узнал, возмущению генералов разведки такой наглостью не было предела. А мой бывший начальник Геннадий Захаров еще и получил нагоняй. Его ругали за то, что он не сумел объяснить мне необходимость держать язык за зубами. Словно я сам не был подполковником КГБ... После этого ФСБ уже не решилась бы нагрянуть ко мне с тайным обыском.

Но ее месть не заставила себя долго ждать.

После крушения коммунистического режима в 1991 году все россияне получили возможность свободно выезжать за границу. Для этого требовалось только одно – заграничный паспорт. А их выдают совсем не автоматически. В паспорте могут и отказать. Препятствием для его получения являются судимость и доступ к секретам.

Впрочем, к факту судимости российские власти подходят избирательно. Крупному мафиози, проведенному в тюрьмах не один десяток лет, загранпаспорт выдают без всяких препятствий. Но нормального человека, которому хотят насолить, могут обвинить и в несуществующих грехах.

Так случилось с моей женой, которой я заказал паспорт в туристической фирме. Вскоре мне позвонили оттуда и спросили, не имела ли моя жена приводов в милицию за хулиганство...

Меня разобрал дикий смех. Выждав, пока я кончу смеяться, служащая фирмы задала следующий вопрос. Голос ее звучал смущенно.

– Ну, а сами вы не имели доступа к государственной тайне?

– Вот это ближе к истине! – отвечал я. – Да, имел, когда служил в разведке. Но моя-то жена разведчицей не была, и в милиции, представьте, никогда не бывала. Если ей будет отказано в получении загранпаспорта, то я подам в суд. Но не на вас, разумеется, а на директора ФСБ, чьи сотрудники мстят мне подобным образом...

Моя угроза возымела действие. Я знал, что ФСБ больше всего боится огласки, и через пару месяцев моя жена получила заветный загранпаспорт...

Если вам когда-нибудь придется попасть в лапы ФСБ, немедленно устраивайте скандал, старайтесь вовлечь в него как можно больше людей. Главное – не идти с ФСБ на полубовные соглашения, компромиссы, сговор. Это закончится вашей вербовкой, а то и чем-нибудь похуже.

Что касается моего загранпаспорта, то мне в нем, разумеется, тотчас же отказали. Официальная причина была такой: «предоставление о себе ложных биографических сведений». А между тем эти сведения уложились в одну строку: «Служба в войсковой части номер 13157, 1976-91 годы». Войсковая часть № 131577 – это кодовое название Первого Главного управления КГБ, разведки. Туда я поступил сразу после окончания Института стран Азии и Африки при МГУ. Никаких других мест работы у меня не было.

Этот паспорт я заказывал, разумеется, не в Министерстве внутренних дел, откуда бы я его никогда не дождался, а тоже в турфирме.

Таких фирм в России сейчас много. Они имеют своих людей в Управлении виз и регистрации Министерства внутренних дел, теснейшим образом связанного с ФСБ, и оформляют документы своих клиентов вне очереди. Так поначалу было и со мной.

Каждого, кто хочет получить загранпаспорт, проверяют по картотекам МВД и ФСБ. Из первой можно узнать, не является ли он скрывающимся преступником, а из второй – выявить политически неблагонадежного человека, а то и шпиона. Сведения обо всех таких людях десятилетиями хранились в 10-м отделе КГБ, который ныне переименован в Управление регистрации и архивных актов ФСБ. Я и сам, служа в КГБ, множество раз проверял своих новых знакомых – как русских, так и иностранных, – в архиве 10-го отдела КГБ. Этого требовали наши правила. Они запрещали вступать в контакт с человеком без его проверки. А вдруг он окажется действующим агентом КГБ? И своей встречей с ним я его расшифрую? Или, наоборот, агентом иностранной разведки, общением с которым я скомпрометирую себя перед собственным руководством?

Разумеется, эти требования относились только к тем людям, с которыми мы планировали работать по линии КГБ. На частные связи они не распространялись.

Но ведь и среди наших бытовых знакомых существовало множество агентов КГБ. Кто были эти люди, мы, конечно, не знали. А контакт с неизвестным агентом все-

гда опасен. И тогда, злоупотребляя служебным положением, мы посылали запросы в 10-й отдел КГБ, выдавая свои личные связи за служебные. О, сколько осведомителей КГБ мы обнаружили среди самых близких своих друзей! Среди одноклассников, школьных и институтских преподавателей, родственников и даже родителей! Все они давали о нас информацию в ФСБ.

Все это существует и поныне. И поэтому сыновья многих преуспевающих предпринимателей поступают сейчас в Академию ФСБ, чтобы получить доступ к ее архивам. Там они смогут найти сведения, компрометирующие конкурентов своих родителей. Если их нет, они сами в состоянии скомпрометировать конкурентов.

Служба в 10-м отделе КГБ считалась непрестижной. Это объяснялось еще и тем, что этому отделу подчинялись в то время и два концентрационных лагеря для политических заключенных, принадлежавшие КГБ. Тогда я знал их только по псевдонимам – «Дубравный» в Мордовии и более строгий «Скальный» в холодной северной республике Коми, среди голых скал.

Итак, механизм, которым я пользовался много раз, на сей раз сработал против меня. Обо мне тоже был послан запрос в архивный отдел ФСБ. Через положенный срок, два дня, оттуда пришел ответ: «Преображенский является отставным подполковником КГБ СССР».

Но ответ этот пришел не в туристскую фирму. А офицеру ФСБ, который контролировал район Москвы, где находится эта фирма. Офицер ФСБ, подчиняясь принятому порядку, позвонил в управление кадров СВР и спросил, можно ли выдать мне загранпаспорт.

Увы, в России вопрос о том, можно ли выдавать загранпаспорт бывшему сотруднику КГБ, решает его же бывшее начальство! Так оно пытается обеспечить лояльность к себе бывших офицеров разведки даже после их увольнения.

Разумеется, обо мне начальники заявили так: «Преображенский был референтом начальника научно-технической разведки и имел доступ к секретам особой важности! А главное – он сейчас пишет о нас в прессе всякую чушь... Поэтому он не должен выезжать за границу до конца своей жизни!»

Работникам туристской фирмы было отвечено несколько по-иному: «Преображенский имел доступ к секретам, и поэтому не может выезжать за границу. К тому же за ним числится еще кое-что...».

Тезис о секретах не выдерживал никакой критики. Все мои приятели, такие же референты начальника научно-технической разведки, давно уже получили загранпаспорта и разъезжали по всему миру, занимаясь бизнесом.

– Мы понимаем, что ФСБ вас за что-то преследует. У нас уже было несколько таких прецедентов. Ведь обычно отставные офицеры КГБ получают заграничные паспорта без проблем. Мы не хотим, чтобы ФСБ использовала нашу фирму в качестве орудия мести. И поэтому решили, несмотря ни на что, выдать вам загранпаспорт, – сказали мне на фирме.

Тем временем я решил начать публикацию в России некоторых глав книги «Шпион, который любил Японию». Для этого я обратился в газету «Московские новости», казавшуюся мне демократической и не связанной с КГБ. По крайней мере, в начале девяностых годов на ее страницах появлялось много разоблачительных материалов о чекистском ведомстве.

Заведующий отделом военных проблем газеты Александр Жилин принял меня с радостью. Просмотрев список статей, которые я был готов представить, он выбрал самую пикантную: «Война близнецов».

В ней рассказывалось о борьбе разведок СССР и Китая. Обе эти страны соперничали в борьбе за господство в коммунистическом мире. В этой борьбе участвовали и разведки. Но беда была в том, что обе они выросли из одного корня – сталинского НКВД и были полностью идентичны, как близнецы-братья. В них совпадало все – от методов работы до номеров отделов. И поэтому их борьба порою была бессмысленной, потому что обе легко угадывали замыслы друг друга.

Статья имела успех, и вскоре на редакционном компьютере «Московских новостей» были набраны еще несколько моих статей. Одна рассказывала о тяжелой судьбе разведчика-журналиста в КГБ, где к журналистам относятся с недоверием и опаской. Вторая же была сенсационной, впервые повествуя о сотрудничестве НКВД и гестапо. Жилин радостно потирал руки в предвкушении эффекта, который произведут эти статьи. Редакционный художник уже успел нарисовать к ним смешные карикатуры...

Но в назначенный день эти статьи не были опубликованы.

«Что ж, так бывает в нашей печати очень часто! Мало ли какие причины могли помешать этому!» – подумал я.

Абсолютно ничего не подозревая, я позвонил Жилину и сказал, что хотел бы прийти в редакцию для того, чтобы обсудить новую статью.

– Нам не чем с вами разговаривать! – резко ответил Жилин, и голос его был по-военному груб. Его интонации настолько резко отличались от тех, с которыми он говорил со мною еще вчера, что помню их до сих пор.

– Если напишете что-нибудь новое, приносите, а никаких разговоров с вами я вести не собираюсь! – еще раз крикнул Жилин и бросил трубку...

Мною овладело чувство обиды. Еще вчера Жилин был так любезен, с удовольствием выслушивал мои рассказы о смешных эпизодах службы в разведке, обсуждал будущие статьи...

Логика подсказывала мне, что с ним побеседовал кто-то из ФСБ и посоветовал не иметь никаких контактов со мной.

Я решил вести себя как ни в чем не бывало, чтобы проверить реакцию Жилина. Он разрешил мне приносить новые статьи – вот я и приношу...

Но и здесь меня ждало разочарование. Поскольку Жилин – заведующий отделом, трубку его телефона берет секретарша. Раньше она немедленно соединяла меня со своим патроном, но теперь после минутной паузы заявила:

– Заведующего сейчас нет на месте!..

– Что ж, это не беда, что Жилин отсутствует! – сказал я. – Готова моя новая статья. Закажите мне пропуск в редакцию, и я лично положу ее на стол Жилину, как уже не раз делал до этого, – предложил я.

– Нет, пропуска я заказать не могу, – отрезала секретарша. – Приносите статью, позвоните из вестибюля, и я к вам спущусь...

Так происходило несколько раз. Я понял, что Жилину нужно было кому-то доказать, что я действительно больше не бываю в редакции «Московских новостей», и никто не выписывает мне пропуск туда. Это означало, что тот, кому Жилин хочет доказать это, вправе проверить картотеку пропусков...

Разумеется, меня перестали печатать в «Московских новостях». Секретарша редакции еще несколько раз спускалась в прихожую, откуда я звонил ей, и с торжеством в голосе сообщала, что моя статья не планируется к опубликованию.

– Какая именно? – спрашивал я. – Ведь в портфеле редакции хранится несколько моих статей...

Секретарша не знала.

А скоро главным обозревателем «Московских новостей» по вопросам разведки стала молоденькая девушка, знавшая о разведке только из детективных романов. Все ее статьи были написаны под диктовку начальника пресс-службы разведки Юрия Кобаладзе...

Но гнет ФСБ не вечен. Через пять лет я снова стал публиковаться в «Московских новостях». Правда, не в самой этой газете, а в ее дочерних изданиях – «Время новостей» и «Время МН». Мстительной радости я не испытывал. Меня переполняла другая радость: ведь теперь я опять могу рассказать людям все то, что я думаю и знаю о ФСБ!

Разумеется, пресс-службе ФСБ мои комментарии не нравились. Но тем не менее газеты меня все же изредка публиковали, как бы в пику ФСБ. Однако с приходом к власти Путина и эти публикации прекратились. На первых порах я еще пытался звонить туда и предлагать статьи о ФСБ, но теперь на другом конце провода только смеялись.

– Вы, что не понимаете, что времена изменились? – говорили мне.

3.

В 1999 году срок действия моего заграничного паспорта истек и надо было заказывать новый. Я очень волновался: ведь к тому времени я успел стать известным обозревателем по вопросам разведки, страстным разоблачителем ФСБ. Я знал, что мои книги, статьи и интервью разозлили чекистов донельзя. Сейчас они получали шанс отомстить мне...

Но, как ни странно, новый паспорт я получил без проблем. Ведь прошло уже десять лет со дня моего увольнения, и положенный законом срок давности секретов истек. Формальных поводов для отказа не было. Если бы мне отказали в выдаче нового паспорта, у меня появилась бы возможность подать на ФСБ в суд. Зная мой скандальный характер, ФСБ, видимо, предпочла на этот раз не связываться со мной.

По этому паспорту я съездил в США в мае 1999, встретился там со своим другом и единомышленником генералом Олегом Калугиным, дал множество интервью, выступил по телевидению. Разумеется, это не осталось без внимания ФСБ: имя Калугина для нее – как красная тряпка для быка. И она мне опять отомстила. Причем не прямо, а через детей, как это принято в КГБ со сталинских времен.

Едва я приехал из США, как вокруг моего сына Георгия начались странные скандалы. Тогда, в июне, он как раз оканчивал Институт стран Азии и Африки. Специализировался он по Японии, как и я. Никаких претензий к нему не было. В своей группе он считался одним из лучших по японскому языку. Это не было случайностью – ведь свои дошкольные годы он провел в Японии и страстно полюбил ее людей, историю и культуру. Особенно нравятся ему японские мультфильмы, которые он помнит с детства. Уже став студентом, он просил знакомых, бывавших в Японии, привозить ему видеозаписи японских мультфильмов, и с чувством сладостной ностальгии смотрел их, вспоминая о своем японском детстве. После окончания Института стран Азии и Африки ему предстояла десятимесячная стажировка в университете Токай. Легко представить, как мечтал он снова побывать в Японии после тринадцатилетнего перерыва! Ведь в 1985 году, после шпионского скандала, ему тоже пришлось покинуть Японию. Он потом сильно тосковал о ней.

Но сразу после моего возвращения из Америки его дипломную работу стали резко критиковать, хотя раньше она считалась вполне нормальной. Называлась она так: «Подростковая агрессивность в японской школе».

Дипломную работу объявили написанной не по теме. Но времени спорить не было – истекали последние дни учебы в институте! Пришлось ее спешно переписывать. Эти страшные дни лихорадочной ночной работы на компьютере и чувства обреченности навсегда останутся в моей памяти.

Но вот работа переписана. Надо было сдавать ее преподавательнице, а она словно сквозь землю провалилась. Когда ей ни позвонишь в эти дни, ее никогда не оказывалось дома. Она словно специально тянула время, чтобы дипломная работа была сдана ей с опозданием. Так и произошло...

Но все же в итоге дипломная работа была сдана и зачтена. Но особенно странным было то, что успешная сдача этой работы, пусть и в последний срок, вызывала непонятное возмущение у некоторых руководителей кафедры. Станным потому, что до этого сын получал там только высокие оценки.

Тогда была приготовлена еще одна месть. Сам заведующий кафедрой Деопик решил принять у моего сына государственный экзамен по истории стран Азии и Африки. При этом он не скрывал, что завалит его, поставит неудовлетворительную отметку. Но за что?

– Ваш сын совершенно не знает истории! Вы – хороший отец плохого сына! – отвечал мне Деопик.

Но почему заведующий кафедрой не говорил так еще месяц назад?

Только потом я узнал, что моего сына собирались вообще лишить диплома о высшем образовании! Провалившись на выпускном экзамене по истории, он вместо диплома Московского университета получил бы только справку: «Прослушал лекции». Она не является свидетельством о высшем образовании. Имея ее, невозможно устроиться на работу по специальности япониста. Уделом таких людей остаются только простые рабочие профессии, словно они вообще никогда не учились в университете. Но главное – сразу по получении такой справки их забирают в армию на два года, как обычных выпускников средних школ. А в нашей российской армии с солдатом можно сделать все что угодно. Его гибель не считается сколько-нибудь заметным событием, и за нее никто из командиров не несет ответственности.

Такие справки вместо диплома выдают лишь в единичных случаях, после серии громких скандалов или множества несданных экзаменов. Их вручают лишь самым отпетым двоечникам, пьяницам и нарушителям дисциплины. Но мой сын-то был отличным студентом, вот в чем дело! И никогда раньше к нему не было никаких претензий! А в период моего пребывания в США с ним вообще ничего не произошло. Значит, дело было во мне...

Положение Георгия опять резко осложнилось. Как ни хорошо он знал историю Востока, заведующий кафедрой, умудренный опытом профессор, знал ее лучше. Ему ничего не стоило задать Георгию несколько вопросов, на которые тот не смог бы ответить. Слишком уж неравными были их силы.

Но, к счастью, на кафедре у меня есть и друзья. Профессор Н., 30 лет назад преподававшая и у меня, улучила момент, когда заведующий кафедрой разговаривал с ректором, и сама приняла экзамен у Георгия. Она поставила ему «пятерку», высший балл. Так мой сын снова стал отличником.

– О, как меня ругали на кафедре! – призналась она. – Я говорила им: «Объясните мне, что плохого я сделала? Ведь Преображенский всегда учился на «пять»!». Но все только опускали глаза и мялись. Причину не объясняли. Я должна была догадаться о ней сама, как в советское время...

Кульť умолчания, таинственные недомолвки и гримасы – все это признаки участия ФСБ. Однако Георгий, несмотря ни на что, все-таки сдал выпускные экзамены и получил заслуженный диплом.

Тогда была задумана еще одна месть. В кабинете ректора было собрано совещание руководства Института стран Азии и Африки, посвященное только одному вопросу: поедет ли мой сын на годичную стажировку в Японию. Туда, в университет Токай, должны были ехать все его однокурсники. Поражало то, что совещание было секретным! А секретных совещаний в этом открытом гуманитарном институте не устраивали с советских времен.

– Мы не можем поощрять поездки в Японию студентов, которые не вовремя сдают дипломные работы! – говорили участники совещания. Здесь же присутствовало руководство кафедры японской филологии, считавшее Георгия одним из лучших по японскому языку, но за него не вступилось. В итоге в университет «Токай», куда он должен был поехать на стажировку, и где за 30 лет до этого стажировался я, была послана депеша о том, что несостоявшийся стажер Преображенский снимается с поездки за нерадивость. Легко представить, сколько нравственных мучений пришлось испытать моему сыну во время этих незаслуженных гонений! Но в то же время он был горд тем, что страдает за отца.

Но за год до этого произошли другие события, оставившие в моей душе глубокий след. Тогда за меня взялись серьезно. ФСБ решило отомстить мне за серию выступлений в печати о связи японской псевдорелигиозной секты АУМ Синрике с российской разведкой.

В 1991 году, после крушения коммунистического режима, в России образовался идеологический вакуум. Ведь русский народ привык быть ведомым, послушно исполнять волю начальства, иметь четкую политическую цель в жизни. Большинство людей, проявлявших тягу к самостоятельному мышлению, были истреблены в ходе массовых репрессий. Огромную роль в стране играла государственная идеология коммунизма. Она заменяла христианскую мораль. Оказавшись без идеологии, которая регулировала абсолютно каждый поступок россиянина, миллионы людей лишились духовных критериев. Они не знали, для чего им жить дальше: ведь целью продолжения жизни каждого человека был мифический коммунизм.

Воспользовавшись этим, в Россию устремилось множество тоталитарных сект. Все они попали под пристальное внимание ФСБ. Нет, чекисты вовсе не собирались им противодействовать. Наоборот, ФСБ собиралась найти в них заменителя коммунистической идеологии. Среди сект наследники КГБ подыскивали такую, которая бы соответствовала коммунистической идеологии наиболее полно, содержа в себе не только принцип абсолютного подчинения вожаку, но и элементы милитаризма.

Найти секту с милитаристским уклоном оказалось совсем нетрудно. Это была японская секта Синрике. Она была создана на деньги крупного деятеля теневого бизнеса и лидера мафии С.

Он занимался и вертолетным бизнесом. С. любил покупать советские вертолеты, многие из которых производятся на военных заводах и служат техникой двойного применения, то есть могут быть использованы для военных целей.

С. не был агентом КГБ, но у него было много знакомых советских торговых работников. А среди них было немало разведчиков КГБ и ГРУ. Формально они были гражданскими служащими. Но С, разумеется, знал, кем они были на самом деле. Ведь абсолютно все наши разведчики отлично известны японской контрразведке.

Сотрудники ГРУ отличаются суровым военным нравом. С ними С, видимо, боялся связываться. Офицеры КГБ, наоборот, более сговорчивы.

В 1990 году С. сообщил своим российским знакомым, что создал новую религиозную секту под названием Синрике, «Учение истины» и хочет, чтобы она получила возможность работать в России. Разумеется, просьба почтенного старика была уважена.

Тем более, что его секта полностью устраивала нашу разведку. С. представил ее страстным борцом за мир и активистом бескорыстной помощи России. Секта была и милитаризованной, и шпионской. Во главе ее был поставлен полусумасшедший слепец Асахара, но истинным ее руководителем был С. Как и подобает шпионской службе, секта имела свою агентурную сеть, да не где-нибудь, а в японской армии и полиции. Обе они – вожаемые объекты проникновения нашей разведки. Получать информацию из этих ведомств – главная ее задача.

Тотчас в Москву, в штаб-квартиру разведки в Ясенево, полетела секретная депеша о том, что секта Синрике, которую создал друг нашей страны, хочет работать в России, а за это обязуется снабжать нас ценной информацией. В частном письме, посланном перед этим, сообщалось, что секта Синрике может сыграть важную роль в «политическом воспитании» российского народа. Это означало, что она способна стать наследницей коммунистической идеологии. Тем более, если учесть, что будет находиться под полным контролем ФСБ.

Секретная телеграмма и еще более секретное частное письмо были переданы вице-президенту Александру Рущкому. Ближайший соратник нового демократически избранного президента Ельцина, пользующийся его неограниченным доверием, Рущкой был на самом деле тайным агентом коммунистов. В 1993 году он возглавил коммуни-

стический путч. Путч провалился, и Руцкой был посажен в тюрьму. Однако вскоре он был реабилитирован и вернулся к политической деятельности. Помирившись с Ельциным, Руцкой даже был избран губернатором Курской области, где плотно погряз в коррупции.

Руцкой дал секте Синрике зеленый свет. Он лично принял в Кремле номинального руководителя секты Асахару, после чего его примеру последовали все московские руководители. Секта получила огромную земельную собственность, десятки домов в Москве. Она стала создавать там склады оружия и отравляющих веществ.

В ее деятельности тотчас стали проявляться гнусные черты, свойственные каждой тоталитарной секте. Люди, вступившие в нее, стали отрекаться от детей и родителей, передавать секте свое имущество. Среди русских членов секты начались психические заболевания. Выяснилось, что их заставляли принимать психотропные препараты и надевать на голову шлем с подключенными к нему проводами. Разумеется, произошла и серия непонятных смертей. Одного из членов секты, решившего порвать с ней, нашли мертвым в лесу, но милиция делала все, чтобы не дать ход этому делу.

Очень скоро была создана Ассоциация жертв Синрике. Она обращалась с жалобами к городскому начальству. Но получала один ответ:

– Отстаньте от Синрике! Это организация борцов за мир! К тому же она помогает нашей стране в одном очень важном деле... Каком? Вам знать не положено!..

Количество жертв Синрике в России продолжало бы расти и дальше, если бы в Японии она не провела газовую атаку в Токийском метро в марте 1995 года. Только после этого секта была запрещена в Москве судебным решением.

В марте 1998 года было закрыто и уголовное дело, возбужденное по искам жертв Синрике. Оно шло медленно, вяло. Сотрудники Генеральной прокуратуры, которые вели его, всячески избегали затрагивать вопрос о том, как секта проникла в Россию. А без этого расследование теряло смысл. И поэтому Генеральная прокуратура постаралась затянуть дело, а потом закрыть.

Я внимательно изучал деятельность секты как японовед и как верующий христианин. Через несколько дней после закрытия уголовного дела я опубликовал гневную статью в центральной газете «Известия».

В ней я, в частности, написал, что Синрике проникла в Россию с помощью разведки СВР, хотя документальных доказательств этого у меня нет, а ее деятельность здесь протекала под покровительством ФСБ. Ведь террористы секты тренировались на военных полигонах Таманской дивизии. А всякое посещение иностранцами наших воинских частей допускается только с санкции военной контрразведки ФСБ. Ни один командир полка или дивизии никогда не возьмет на себя смелость самолично впустить в свои владения иностранцев. За это его ждет серьезное наказание. Значит, военная контрразведка ФСБ знала, что боевики Синрике, чья психика изменена психотропными лекарствами, тренируются на официальных базах российской армии, и никак не противодействовала этому. Выходит, самой ФСБ это было для чего-то нужно...

Через несколько дней после опубликования статьи я повторил все это с телеэкрана в передаче «Человек и закон». И, видимо, чаша терпения ФСБ переполнилась. Ведь мои свидетельства о ее причастности к Синрике наносили ей страшный моральный ущерб, лишали героического ореола, которым она еще обладает у многих людей в России.

Вскоре в моей квартире раздался телефонный звонок.

– Это говорит старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Николаев! – представился звонивший.

Фамилия этого человека была мне известна. Именно он вел дело Синрике в последний год и сделал все, чтобы развалить его. Именно он принял решение о закрытии дела. Моя статья в «Известиях» была направлена против него. Тем не менее голос Николаева источал любезность.

– Очень рад познакомиться с вами, Константин Георгиевич! – сказал он. – Рад сообщить вам, что вашу статью в «Известиях» прочитал лично Генеральный прокурор Скуратов. Он отменил мое решение о его закрытии. Вести дело вновь поручено мне...

Я с трудом сдержал возглас удивления. Как же так: ведь именно Николаев саботировал следствие, развалил дело – и он же теперь будет вести его вновь?! Но в то же время мне было приятно, что именно моя статья стала причиной возобновления следствия против Синрике. Можно ли представить большую степень удовлетворения журналиста, видящего, что его деятельность приносит реальные плоды, тем более с вовлечением в них высших лиц государства!..

– Приходите ко мне завтра в прокуратуру, обсудим вашу статью! – продолжал Николаев искательным тоном, и у меня не хватило сил отказать ему. Подумаешь, побеседовать о статье! Для журналиста это обычное дело!..

Но что-то в голосе Николаева насторожило меня. То ли чрезмерная искательность, в которой слышались и нотки угрозы, то ли его предупреждение о том, что наша беседа займет около трех часов. Но можно ли говорить о статье так долго?..

И я решил посоветоваться с известным московским адвокатом Натальей Мухиной.

– Ни в коем случае не ходите туда! – встревожилась она. – Это будет не дружеская беседа, а допрос! Он будет запотоколирован. Генеральная прокуратура теснейшим образом сотрудничает с ФСБ, и потому на допросе, скорее всего, будут присутствовать сотрудники ФСБ, которые будут запугивать вас, убеждать прекратить писать статьи об их ведомстве. А кроме того, этот допрос автоматически сделает вас свидетелем по уголовному делу о Синрике, к которому вы не имеете никакого отношения. Свидетель обязан давать подписку о неразглашении тайны следствия. Она лишит вас возможности выступать с новыми публикациями о Синрике в прессе. Стоит вам опубликовать на эту тему хотя бы одну статью, как вас привлекут к уголовной ответственности за разглашение тайны следствия, хотя реально никакой тайны вам не сообщали. Этим вызовом на допрос Николаев хочет заткнуть вам рот...

Разумеется, в прокуратуру я не пошел. И тогда мне снова позвонил Николаев, но на сей раз его голос был высокомерным и грубым.

– Почему вы не явились на допрос? – спросил он, признавая этим, что вызывал меня вовсе не для журналистской беседы.

– Потому, что я не имею никакого отношения к секте Синрике, за исключением того, что являюсь ее горячим противником. А привлечение к делу в качестве свидетеля поставит меня в один ряд с ее главарями. Это откроет широкие возможности для тех, кто захочет меня по каким-то причинам скомпрометировать, – сказал я.

– В таком случае будем действовать по закону! – угрожающим тоном произнес Николаев и бросил трубку.

Я тотчас перезвонил адвокату.

– Ну, все, ждите милиции, – рассмеялась Наталья Мухина. – Пусть ваша жена скажет им, что вас нет дома. Пройти дальше прихожей они не посмеют. Ведь вы всего лишь свидетель, а не преступник. Разумеется, к простому обывателю они бы ворвались в квартиру. Но к вам – побоятся, зная о том, что у вас есть адвокат и много знакомых иностранных журналистов. А потом мы устроим им грандиозный скандал! Ведь они не присылали вам повестки с вызовом на допрос! Эту повестку должен доставить милиционер и взять с вас расписку в ее получении. Только в этом случае вы будете обязаны явиться на допрос по закону. А сейчас они вас просто провоцируют. Если бы вы пришли к ним, послушавшись обманного звонка следователя Николаева, прокуратура оформила бы это так, будто вы явились по собственной воле, в качестве заявителя, доносчика. Это позволило бы ФСБ скомпрометировать вас, опубликовав в какой-нибудь прокоммунистической газете статью под заголовком: «Преображенский сообщил важную информацию о Синрике в Генеральную прокуратуру»...

Дальше все произошло именно так, как предсказывала адвокат Наталья Мухина. Поздним июньским вечером, около 11 часов, в моей квартире раздался звонок в дверь.

Нервы у всех были напряжены, к тому же стояла страшная жара, и мы не сразу сообразили, что настал наш судьбоносный критический день. Мы решили, что пришёл кто-то из соседей.

Дочь Мария открыла дверь, и за ней показалось трое милиционеров. В таком составе обычно приходят арестовывать преступников. Двое ведут его за руки, а третий, начальник, шествует впереди. Они потребовали, чтобы я к ним вышел.

– Мужа нет дома! – ответила жена и закрыла дверь.

– А нам кажется, что он дома, откройте! – сказали милиционеры и начали стучать. Вскоре на подмогу им прибыли еще пятеро вооруженных омоновцев. Они тоже стали ломиться в дверь.

– А вам что надо? – спросила жена, наблюдавшая за ними в глазок.

– Нас вызвала соседская старуха. Она сказала, что у вас шум и драка, – заявили милиционеры, даже не удосужившись проверить, есть ли хотя бы одна старуха среди наших соседей.

Впервые я сталкивался с милицией, – ведь я всегда был законопослушным гражданином! И вот теперь при первом же контакте я получил возможность убедиться в том, что милиция не очень-то затрудняет себя юридическими обоснованиями своих действий. Она всегда врет. А это опасно для общества.

Омоновцы между тем приступили к делу. Для начала они отключили у нас в квартире свет, а потом в воздухе запахло паленым. Сначала нам показалось, что в соседней квартире что-то горит, но потом из-под нашей входной двери показался белый дым. Это милиционеры специальным приспособлением расплавляли наш замок.

И все эти действия предпринимались в отношении журналиста! Не потому, что он совершил какое-то преступление, но в связи с исполнением им своего профессионального долга! Милиционеры пришли для того, чтобы принудительно доставить меня в Генеральную прокуратуру на допрос в качестве свидетеля, но ведь по ночам прокуратура не работает! Это означало, что всю ночь мне предстояло провести в отделении милиции, в клетке-обезьяннике, где хулиганы и бандиты, специально посаженные ФСБ, могли сделать со мной все что угодно. Да, сильно же я насолил кому-то в ФСБ, если за меня взялись так серьезно!..

А между тем дверь уже по-настоящему загорелась, и жене ничего не оставалось, как ее открыть. Но в руках она держала трубку телефона, где на другом конце провода находилась адвокат Наталья Мухина. Ей жена сообщала о каждом действии милиционеров. Видя это, они и в самом деле не решились пройти дальше прихожей. Да, тяжело же приходится тем, у кого нет такого высококлассного адвоката! А ведь таких людей в России подавляющее большинство. Адвокатов в нашей стране катастрофически не хватает.

– Позовите вашего мужа только на секунду! Мы скажем ему только одно слово и уйдем, – наконец взмолились милиционеры.

– Моего мужа нет дома, – повторила жена.

Тогда следователь местной районной прокуратуры, который, как оказалось, тоже участвовал во вторжении в мою квартиру, куда-то позвонил. Справедливости ради, надо отметить, что об этом он попросил разрешения у моей жены.

Это было довольно смешно: сначала поджигают дверь, вламываются в нее, а потом вежливо спрашивают: «Разрешите воспользоваться телефоном?»

Доложив кому-то, что меня, по уверениям жены, нет дома, он бросил милиционерам: «Уходим!».

На следующий день жена послала жалобы в Главное управление внутренних дел Москвы, которому подчиняется милиция, и в Генеральную прокуратуру. Через неделю пришли ответы, поражающие своим цинизмом.

«Доводы, изложенные в Вашем заявлении, в ходе проведенной проверки не нашли подтверждения», – написал прокурор московского района Никулино старший советник юстиции В. А. Поневежский.

«Работники милиции действовали строго в рамках исполнения постановления о приводе свидетеля. Данное постановление было вынесено 2 июня 1998 года старшим следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ, государственным советником юстиции 3 класса Николаевым В. Д. в отношении Вашего мужа, Преображенского К. Г., который уклонялся от явки к следователю по неуважительным причинам.

Данное постановление имеет все необходимые реквизиты (дата вынесения, подпись должностного лица). Действия работников милиции в ходе проведенной проверки были признаны законными и обоснованными», – подчеркнул прокурор Поневежский.

Получалось, что и поджог моей двери, и отключение света, и ложь о причине приезда милиции, – все это законно? Я тотчас представил, как мучаются простые люди в нашей стране, попадающие в более серьезные конфликты с милицией.

Но особенно поразил меня ответ из Генеральной прокуратуры. Он противоречил тому, что ответил моей жене районный прокурор. В нем утверждалось, что милиция вовсе не собиралась принудительно доставить меня к ним на допрос.

«Сотрудники милиции не имели намерения доставлять Вашего мужа куда-либо в тот же день», – написал начальник отдела по надзору за расследованием особо важных дел В. Д. Новосадов. Но зачем же тогда их приходило так много?..

Я понял, что российская юстиция пропитана ложью до самых верхов, пробиться через болото которой обычному человеку невозможно. Поэтому здесь так много людей, посаженных в тюрьму без вины...

Я же обратился за помощью к известному правозащитнику Сергею Григорьянцу, председателю общества «Гласность». Это общество разоблачает преступления КГБ. Оно проводит конгрессы демократической общественности «КГБ: вчера, сегодня, завтра». Эти конгрессы вызывают дикую ненависть ФСБ, она устраивает на них провокации, скандалы, принимает другие меры для их срыва. (В 2003 году, когда в России отчетливо запахло политическими репрессиями, ФСБ окончательно осмелела и разгромила «Гласность». Сейчас ее деятельность полностью парализована.)

В советское время Сергей Григорьянц сам подвергался преследованиям за свои политические взгляды, много лет просидел в тюрьме. В 1995 году у него убили сына, и ни у кого не возникло сомнений в том, что это сделали спецслужбы. Официальное расследование убийства ничего не дало и всячески тормозилось кем-то влиятельным.

Сергей Григорьянц помог мне обратиться в Думу. Он представил меня заместителю руководителя демократической фракции Думы «Яблоко» Сергею Митрохину. Тот направил депутатский запрос Генеральному прокурору Скуратову о незаконных действиях против журналиста Преображенского.

– Вот это действительно может помочь! – сказал мне Митрохин, одобрительно улыбаясь. И действительно – звонки из прокуратуры прекратились...

Об этих событиях я вскоре дал множество интервью. Обожженную обшивку двери моей квартиры я не стал менять. Каждый раз, когда ко мне приходили иностранные журналисты, я с гордостью им ее показывал...

А через два года после этих событий следователь Николаев прославился на весь мир, став главным действующим лицом в разрушении единственной в России независимой частной телекомпании НТВ. Но об этих событиях рассказывалось в другой главе – «ФСБ против свободы слова».

Многие спрашивают меня, для чего я поставил целью своей журналистской деятельности разоблачение ФСБ. Разве нет тем более интересных и, что немаловажно, безопасных? А главное – ведь аналогичные службы есть во всех других странах...

В этом и состоит логическая ошибка моих оппонентов. Да, контрразведки есть во всех странах мира, но они занимаются именно контрразведкой, а не подготовкой коммунистического реванша. Наша ФСБ – наследник сталинского НКВД, на котором лежит моральный груз греха за уничтожения многих миллионов невинных людей.

Она не покаялась в преступлениях коммунистических предшественников. Даже свой профессиональный праздник ФСБ отмечает в день, который установил Сталин – 20 декабря. Это то же самое, как если бы нынешняя германская контрразведка праздновала день основания гестапо.

В Германии после окончания Второй мировой войны фашизм получил моральное осуждение. Нам же не удалось провести свой Нюрнбергский процесс. Суд над КПСС, затеянный после краха коммунистического режима, был остановлен под давлением мощнейшего коммунистического лобби, сохранившегося во всех органах государственной власти. Коммунизм в России не получил морального осуждения и продолжает оказывать влияние на политику страны. Антизападные и антиамериканские настроения в российской дипломатии – результат деятельности коммунистов.

Наиболее явным выразителем коммунистической идеологии служит ФСБ. На нее перешел груз грехов ее сталинских предшественников. Поэтому я и занимаюсь ее моральным разоблачением, показываю крайнюю опасность ФСБ для демократии в России.

Образцом смелости и отваги мне служит генерал Олег Калугин. Ведь первым начав разоблачать КГБ в своих публикациях в советской печати в конце восьмидесятых годов, он вызывал огонь на себя. Но тогда с Калугиным я не был знаком, хотя и жил с ним в одном подъезде. Наш шикарный 11-этажный дом был выстроен для руководства КГБ. В нем получило квартиры много высокопоставленных, генералов в том числе мой отец, заместитель начальника пограничных войск КГБ.

Почти каждым утром я встречался с Калугиным в лифте, но никогда с ним не разговаривал. Ведь Калугин был начальником управления «К», внутренней контрразведки, в задачи которого входила и слежка за самими разведчиками. Знакомство с начальником этого управления становилось для меня небезопасным: мало ли какой вопрос он мне задаст?..

Мы познакомились с Калугиным лишь через много лет, когда оба ушли из КГБ и занимались деятельностью по его разоблачению. Наша встреча произошла в редакции газеты «Московские новости», из авторов которой меня вскоре изгнали. Нас познакомил известная журналистка Наталия Геворкян: мы вместе давали ей интервью для статьи «Органы сильны связью с народом». Эта статья рассказывала о методах вербовки КГБ российских граждан. Вскоре Олег Калугин уехал в США, а я стал часто публиковать свои статьи о ФСБ в англоязычной московской газете «Moscow Times». Оказалось, Калугин, находясь в США, внимательно читал мои статьи и пришел к выводу о том, что мы являемся единомышленниками. В мае 1999 года я побывал у него в Вашингтоне, выступил там на международном конгрессе в качестве независимого эксперта по вопросам разведки, дал несколько интервью. В Москве это вызвало ненависть, о чем рассказывалось выше.

В начале 2000 года в России началась кампания по выборам президента России. Никто не сомневался в том, что им станет Владимир Путин, бывший директор ФСБ.

Эта организация возлагала на него большие надежды. Она вместе со Службой внешней разведки СВР стремилась придать ему романтический ореол супершпиона, притягательный для провинциального обывателя. ФСБ надеялась, что Путин, придя к власти, начнет душить свободу слова и повышать роль ФСБ в жизни российского общества. Увы, так и случилось...

Поскольку Путин родом из Ленинграда, где генерал Калугин долгое время был первым заместителем начальника областного Управления КГБ, множество иностранных и российских корреспондентов стали обращаться к Калугину с просьбами об интервью о Путине: ведь тот в молодости был его прямым подчиненным!

Увы, Калугин поведал о том, что Путин вовсе не был выдающимся разведчиком. Более того, работа его признавалась неудачной. Именно поэтому после окончания командировки в ГДР он не был зачислен в центральный аппарат КГБ, в отличие от большинства своих коллег из провинции, а был с позором отправлен опять в Ленинград. Там, из-за его плохой характеристики, начальство определило его на самую бесперспективную должность, не дающую служебного роста – помощника проректора Ленинградского университета по международным вопросам. Генерал Калугин подчеркивал, что Путин ушел из КГБ вовсе не по политическим соображениям, как многие другие чекисты, а из-за того, что у него не было служебной перспективы.

«Путину просто нечем было похвастаться, – заявил Олег Калугин в интервью российскому еженедельнику «Собеседник». – Если человек из загранаппарата направляется в резерв КГБ, причем не в какое-нибудь министерство союзного значения, а в университет, да еще и на должность помощника проректора по международным вопросам, – это говорит о том, что наши кадровики по каким-то своим причинам посчитали его профессионально непригодным. Так случилось с Путиным, который в 37 лет отправился на вышеупомянутую должность, а в 1991-м ушел оттуда, поняв, что в этой организации ему уже ничего не светило...»

Когда Путин ознакомился с такими высказываниями Калугина, он пришел в ярость. Ведь они наносили прямой ущерб его президентской кампании! В отместку он назвал Калугина предателем в интервью российской газете «Коммерсант». А признать человека предателем может только суд. Таким образом, Путин назвал Калугина предателем без решения суда, пренебрегая презумпцией невиновности. Для юриста, которым Путин является по образованию, это недопустимо.

И тогда Калугин обратился к Путину с открытым письмом. Его перепечатали все мировые средства массовой информации, кроме российских. Каждое слово било не в бровь, а в глаз.

«Г-н Путин, – писал генерал Калугин, – недавно я удостоился сомнительной чести быть упомянутым Вами в интервью для российских журналистов: Вы назвали меня «предателем».

Будь Вы не высшим должностным лицом в государстве, гражданином которого я являюсь, я бы проигнорировал это оскорбление. Мне не привыкать.

С 1990 года, когда я публично выступил против КГБ СССР и высказался за радикальные реформы в стране, власть меня предала анафеме. Лишила наград, звания, пенсии. Завела уголовное дело. На помощь мне пришли 1,2 миллиона жителей Краснодарского края, избравших меня, несмотря на яростное сопротивление КПСС и провокации КГБ, народным депутатом СССР.

Весной 1992 года президент Ельцин обсуждал вопрос о назначении меня руководителем российской разведки, но тогда же он заметил, что мои бывшие коллеги из КГБ вряд ли примут меня вновь в свои ряды.

Ельцин был, скорее всего, прав, ибо последующие события не оставили сомнений в том, что дух чекизма – тоталитарного большевистского мышления, с его ненавистью и нетерпимостью к инакомыслию, – не только сохранился, но и возобладал в органах разведки и безопасности России. С приходом в правительство Примакова и Степашина чекистский дух пронизал многие коридоры российской власти. Сегодня он восторжествовал в Кремле.

Многие в России и на Западе до недавнего времени тешили себя надеждой, что Ваше юридическое образование будет содействовать построению в нашей стране правового государства. Но, очевидно, длительная служба в КГБ и ГДР притупила Ваше правовое сознание. Иначе и нельзя расценить Ваш чисто советский селективный под-

ход к принципу презумпции невиновности – краеугольному камню правопорядка в демократическом государстве.

Без следствия и суда, других процессуальных норм Вы бросаете обвинения в предательстве негодным Вам лицам. Даже ваш предшественник, человек старой формации, при всех его слабостях не позволял себе такого беспардонного хамства в отношении граждан своей страны.

Будь я Вашего склада ума, я вполне мог бы заклеить Вас как вора, взяточника и даже военного преступника, тем более, что за Вами тянется из Ленинграда дурно пахнущий след, а ваши поделщики находятся в бегах за пределами России.

Но мне претит такое отношение к людям, даже своим обидчикам. Все, что не доказано, не выверено, не имеет юридической силы, а потому не может быть вменено в вину кому бы то ни было.

Но вы уже закусили удила, не осознав до конца, что в положении исполняющего обязанности президента Вам не пристало вешать ярлыки и уподобляться вашим нынешним поклонникам из газеты «Завтра» (ультралевая коммунистическая газета – *Примечание автора*). Как ни парадоксально, но между «непримиримой оппозицией» и Вами существует кровная связь.

В отличие от Вас, анализировавшего проблемы НАТО в Дрездене, я сопоставил более простые и доступные каждому факты из Вашей биографии.

В декабре прошлого года Вы вернули на стены Лубянки мемориальную доску Ю. Андропова, духовного наследника «рыцаря революции» Феликса Дзержинского, символизирующего коммунистический деспотизм...

Вы прикармливаете послушную прессу, но боитесь встречаться с журналистами, не находящимися у власти на коротком поводке. Вы позволили больше месяца издеваться над корреспондентом радио «Свобода» Бабицким и заклеили его как предателя только за то, что он хотел рассказать горькую правду о чеченской войне всем, кто хотел эту правду знать.

Наконец, на вашей совести самая кровавая война против собственного народа после смерти Сталина. Под предлогом борьбы с терроризмом Вы фактически сровняли с землей целую страну, как будто она не является частью России, уничтожили тысячи невинных стариков, женщин и детей, послали на бойню едва оперившихся российских юнцов.

Вы объявили чеченцев организаторами террористических актов в Москве и Волгодонске, не предоставив до сих пор свидетельств их участия в этих преступлениях...

Как коренному ленинградцу, мне стыдно за Ваши речи, замешанные на большевистско-зековском жаргоне: «набьем морду», «замочим в сортире», «уничтожим как класс», «доведем до животного состояния». Загадочно погибший в авиакатастрофе Артем Боровик в одном из последних номеров «Совершенно секретно» цитировал Вас со ссылкой на знающих вас людей: «Есть три пути воздействия на человека: шантаж, водка, угроза убийства».

Вы опасный, непредсказуемый человек, г-н Путин. Опасный не только для тех, на кого Вы указали своим начальственным перстом, но и для дела демократии в России, для подрастающего поколения наших граждан.

В свое время я подал в суд на руководителей СССР за их противоправные действия в отношении меня. В августе 1991 года я был полностью реабилитирован президентом М. С. Горбачевым и с тех пор являюсь не опальным, а отставным генералом с вытекающими из этого гражданскими правами, пенсионным обеспечением и т.п.

В конце 1995 года я выехал по контракту на работу в США без намерения задерживаться там более трех лет. Но обстановка в России с тех пор существенно изменилась. Силы реванша перешли в наступление. Шельмование честных людей становится нормой.

В Россию В. В. Путина, криминализированную и коррумпированную, с ее карманной юстицией и судопроизводством, я не верю.

В этой ситуации я буду вынужден просить политического убежища в свободном мире в надежде, что в качестве политического беженца я смогу жить за пределами России с чувством достоинства и безопасности.

Вы можете гордиться, г-н Путин, что вы открываете новую страницу в истории политической эмиграции в России.

Генерал-майор в отставке, Бывший народный депутат СССР,
Олег Калугин 20.03.2000 г. Вашингтон, США».

Читая это письмо, отдаешь должное политической прозорливости Олега Калугина. Все, от чего он предостерегал в этом письме, сбывается в политической жизни России.

Сразу после выхода в свет этого письма Олег Калугин послал его по факсу мне и еще нескольким единомышленникам в России. В телефонном разговоре он попросил меня опубликовать это письмо в газетах демократической направленности. Увы, в России 2000 года их уже почти не оставалось!

Вначале по поручению Калугина я отправил письмо в «Известия», обратившись туда на правах одного из авторов этой газеты, поскольку ранее публиковался на ее страницах.

Трубку взял сотрудник международного отдела Алан Качмазов. С этим человеком я не был знаком.

На мой звонок он отреагировал как-то странно, не как журналист, а как офицер службы госбезопасности.

– А вы сами разделяете взгляды генерала Калугина? – спросил он строгим голосом.

– Разделяю на все сто процентов! – поспешил я успокоить его.

– Да?.. – с высокомерным удивлением протянул Качмазов и сказал, что доложит обо всем редактору отдела, а меня просит позвонить через пару дней.

Но звонок из «Известий» прозвучал сам уже через пять минут.

– Это Константин Георгиевич? – уточнил Алан Качмазов, и в голосе его слышался откровенный смех. – Расскажите подробнее о ваших отношениях с Калугиным...

Этот звонок удивил меня. Ведь я не сообщал Качмазову не только своего отчества, но и номера телефона. «Должно быть, он узнал их в картотеке авторов «Известий»!» – успокоил я себя. Но ведь даже там он не мог бы выяснить их так быстро...

Как оказалось, он получил их совсем в другом месте: в пресс-службе ФСБ! Это стало ясно через два дня, когда известинская статья о Калугине увидела свет. Она была написана в лучших традициях КГБ, то есть старалась увести читателей как можно дальше от правды.

Об открытом письме Калугина там упоминалось лишь мельком, да и то сущность его была искажена. Оно было названо «обращением», причем неизвестно, к кому. В этом «обращении» Калугин якобы объявляет о своем решении принять политическое убежище – и больше ни о чем! Использована была всего одна фраза из открытого письма: «...Я буду просить политического убежища в свободном мире...». А с какой стати он вдруг собрался его просить – не уточнялось. А главное – в статье ни слова не говорилось о том, что открытое письмо Калугина было обращено к будущему президенту Путину. Озаглавлена статья была обидным словом «Невозвращенец».

В ней говорилось о чем угодно, но только не о содержании калугинского письма. Внимание было уделено второстепенным вопросам. Например, тому, как попало это письмо в редакцию. Разве подлежит этот вопрос обсуждению при современном развитии электронной техники?

В статье излишне многословно сообщалось, что именно я передал это письмо. Я был назван представителем Калугина, причем это слово было помещено в кавычках, которые в русском языке придают ему насмешливый и обидный смысл. Но что плохого в том, чтобы быть чьим-либо представителем?..

Но почему-то газета поместила много рассуждений об этом. Она задавалась вопросом о том, может ли генерал Калугин иметь своего представителя в Москве. Но какое отношение это имеет к его открытому письму Путину?..

С удивлением я прочитал о себе следующее: «Г-н Преображенский, как удалось выяснить «Известиям», проживает на юго-западе столицы в комплексе домов, принадлежавших в советское время МИД; там получали квартиры и сотрудники разведки, использовавшие дипломатическую крышу».

Все это было ложью, кроме того, что я действительно живу на юго-западе. Но комплекс домов принадлежал не МИДу, а Совету министров СССР. Как разведчик я работал не под дипломатическим прикрытием, а под журналистским. В «Известиях» это хорошо знают, я много рассказывал о своей шпионской работе тамошним журналистам. Да и мой точный адрес имеется в картотеке «Известий»!..

Однако следующий абзац внес полную ясность.

«ФСБ, – говорилось в нем, – не располагает информацией о том, что в Москве у Олега Калугина действует «представитель», активно занятый публицистической деятельностью. Не пожелавший назвать себя сотрудник ФСБ заявил, что, во-первых, отношение к Олегу Калугину у офицеров службы резко отрицательное, а во-вторых, он не может иметь официального представительства в Москве. Он – никто».

Так из «представителя» я превратился в «представительство»... Чушь какая-то! Разве я посылал письмо в «Известия» для того, чтобы выяснить, в каких отношениях я состою с генералом Калугиным?..

Далее в статье речь пошла о вопросах, не имевших никакого отношения к открытому письму Калугина Путину. Так дьявол хитроумно уводит людей от истины...

Эта статья в «Известиях» явно была написана под диктовку ФСБ. Именно там журналисты газеты почерпнули сведения и о моем отчестве, и о номере телефона. Они были взяты из моего офицерского личного дела в департаменте кадров разведки. Но особую горечь вызывало другое – то, что журналисты «Известий», прежде славившиеся своими демократическими убеждениями, теперь, услышав имя генерала Калугина, немедленно звонят в ФСБ.

И все-таки полный текст письма Калугина Путину мне удалось опубликовать! Это сделала популярная газета «Версия». В своем редакционном комментарии она написала лишь следующее: «Мнение, выраженное генералом Олегом Калугиным в этом письме, не обязательно совпадает с точкой зрения редакции. Тем не менее, редакция «Версии» считает возможным предоставить слово человеку, публично названному предателем».

Эти слова свидетельствовали о том, что еще не вся российская пресса находилась тогда под контролем ФСБ. И о том, что ФСБ не всемогуща. Опубликование калугинского письма в «Версии» вызвало страшное раздражение ФСБ и гнев Путина. Гнев этот был обращен и на ФСБ, которая не справилась с заданием не допустить публикации открытого письма Олега Калугина в России. Среди читателей «Версии» это письмо вызвало глубокий отклик. Я же торжествовал победу...

А у «Версии» вскоре начались неприятности. Зимой 2001 года в редакцию нагрянула группа сотрудников ФСБ. Они учинили обыски и допросы. Формальным поводом послужило то, что «Версия» опубликовала фотографию места дислокации затонувшей подводной лодки «Курск», сделанной с иностранного спутника. Эта информация была сочтена секретной, хотя была уже известна всему миру и вообще поступила из-за границы. Но чекистов это обстоятельство не смутило. Им сейчас вообще присуще стремление фабриковать фальшивые дела о шпионаже. А следствие в «Версии» вела военная контрразведка, отличающаяся особенной беспардонностью и неразборчивостью в средствах. Ведь она привыкла работать среди бесправных российских солдат и офицеров, которым некуда жаловаться.

«Нам не нравятся все ваши публикации о ФСБ!» – со значением говорили военные контрразведчики сотрудникам редакции в частных беседах. Без сомнения, среди

этих публикаций было и открытое письмо генерала Калугина Путину.

В редакции «Версии» развернулось бурное следствие, а на самом деле – лишь хитрая чекистская игра. Журналистов начали вызывать на допросы, хотя говорить было в общем-то не о чем: ну опубликовали фотографию, дальше что? Тем не менее журналистов допрашивали по множеству раз в течение десятков часов. Разглашать содержание допросов они не имели права. Но о том, какие беседы там велись, можно легко догадаться – это были беседы вербовочного характера. Именно поэтому на допросы вызывали так много журналистов: чтобы потом нельзя было догадаться, кто именно из них завербован и теперь тайно сотрудничает с ФСБ. Ничем, кроме целей вербовки, нельзя объяснить, почему ФСБ затребовал из отдела кадров личные дела журналистов. Там можно найти компрометирующие материалы, которые легко использовать для вербовки.

Вскоре следствие прекратилось, так и не дав результата. Но это только кажется, что оно ничего не дало: похоже, ФСБ удалось взять «Версию» под контроль.

Газету словно подменили. Тон ее статей стал чуть более вялым, примирительным. Да, там и сейчас встречаются материалы, критикующие деятельность ФСБ, но меня не оставляет ощущение того, что они написаны под его диктовку.

6.

В 2000 году в издательстве «Центрполиграф» наконец-то вышла моя книга «КГБ в Японии». Это был русский вариант книги «Шпион, который любил Японию», опубликованной в Токио в 1994 году. Именно ее русский текст я прятал тогда под кроватью. Это его ФСБ старалась заполучить любыми путями. И вот – теперь она может ознакомиться с ним на страницах книги. Русская книга больше той, что вышла в Японии. Для нее я написал несколько новых глав, рассказывающих о работе российских КГБ и ФСБ на территории России. Эта деятельность наносит прямой ущерб гражданским правам россиян.

Семь ведущих московских издательств отвергли рукопись, не желая портить отношения с ФСБ. Однако восьмое, «Центрополиграф», согласилось. Это говорит о том, что тогда в России не до конца еще была задущена свобода слова. Журналист, желающий пробиться сквозь препоны, воздвигаемые ФСБ, в 2000 году еще мог это сделать. Но день ото дня это становилось все труднее...

ПРИЛОЖЕНИЯ. Избранные выступления автора в печати.

КАК КРЕМЛЬ ВЛИЯЕТ НА БЕЛЫЙ ДОМ (Интервью Владимира Буковского писателю Константину Преображенскому)

Константин Преображенский. Правление Путина прославлено серией побед над Америкой. Главной из них стало взятие огромного отряда граждан США русского происхождения под управление Кремля. Это было сделано путём захвата Московской патриархией большей части эмигрантской Русской Зарубежной Церкви. Теперь русские американцы и их дети находятся под духовным руководством Лубянки. В Америку пошел поток весьма подозрительных священников из России, но увы: американская контрразведка не имеет права разрабатывать духовных лиц, даже поддельных. В условиях американской демократии чекистов в рясах из Америки не выкурить уже никогда. А все многочисленные храмы бывшей Зарубежной Церкви превратились в форпосты Кремля и базы российского шпионажа. Тоже навечно. Так Путин причинил Америке стратегический ущерб. Руками самих же американцев Путин закрыл русское вещание «Голоса Америки». Так россияне лишились независимого источника информации о своей стране. Освещение же событий в России взял в свои руки «коллективный Фейхтвангер». Так известный российский журналист Андрей Пионтковский остроумно назвал сонм американских советологов, по непонятным причинам теперь восплававших массовой любовью к Кремлю. Леон Фейхтвангер – знаменитый немецкий писатель, воспевавший сталинский режим. Его лживая книга «Москва, 1937» вышла в самую тяжёлую годину репрессий. Фейхтвангера лично принимал Сталин. Путин возродил и творчески развил сталинский метод личного охмурения западной пишущей братии, в первую очередь американской. Обидно за Америку...

Владимир Буковский. Что ж, Америка всегда уступала России. Было только два периода, когда этого не происходило – при Трумене и при Рейгане. Первый период закончился хрущёвским «мирным сосуществованием». Второй – развалом Советского Союза.

К.П. Таких сногшибательных успехов Путину удалось достичь благодаря тому, что Буш испытывал к нему личную симпатию. Говорят, он увидел в путинских глазах душу. Но что может увидеть кролик в глазах удава? Ведь Путин в тысячу раз циничнее, хитрее и коварнее Буша. Ибо тот родился в обеспеченной буржуазной семье, а Путин был уличной шпаной. Он привык облапошивать таких богатеньких мальчиков в два счёта. Удастся ли ему сделать то же самое с Обамой?

В.Б. С Обамой Путину будет ещё легче. Ведь левые политики любят Россию и потому тут же ей уступают. Думаю, что сейчас кремлёвские психологи разрабатывают личностный портрет Обамы, чтобы подобрать к нему ключ. Американцы как-то забывают, что нынешней Россией правят чекисты. А они не признают партнёрских отношений. Ты для них или враг, или агент. Посмотрим, что они придумают для Обамы. Ключ к Бушу Путин подобрал, как известно, с помощью нехитрой истории про крестик. О том, что когда в 1996 у Путина сгорела дача под Петербургом, то на пепелище сохранился лишь один алюминиевый нательный крестик, подаренный ему матерью. И в тот момент Путин якобы понял, что миром правят высшие духовные силы. Эта совершенно не убедительная для нас история произвела на Буша глубочайшее впечатление: ведь сам он пришёл к вере в зрелом возрасте, и у него трепетное отношение к религии. И он решил, что у Путина с ним глубочайшее духовное родство. Как говорил Маугли, «мы с тобой люди одной крови, ты и я». Эту фразу Маугли адресовал даже удаву Каа. В сказке Киплинга это – заветное слово джунглей, а в жизни – главное правило вербовки. Вербуемый должен поверить в то, что он одной крови с сотрудником КГБ.

К.П. Вот Буш и поверил. Только Путин почему-то ему не сказал, что он начинал

свою чекистскую карьеру в «пятой линии» Ленинградского КГБ, которая работала против Церкви.

В.Б. А для Саркози был изобретён другой способ. Когда я встречался с ним год назад, он так сказал мне о Путине: «Человек, который так любит женщин и красивую жизнь, не может быть плохим!». Но ведь Путин не имеет репутации бабника! Путинская пропаганда всячески избегает этой темы. Значит, эта «легенда» была выдумана специально для Саркози, потому что он сам такой. Именно Саркози является любителем женщин и красивой жизни. Теперь он тоже уверен, что они с Путиным люди одной крови. Но кремлёвские психологи практиковали это ещё в советское время! Они готовили советских лидеров к встречам с западными руководителями. Например, в 1979 году Брежнев во время переговоров с Картером в Вене положил ему руку на плечо и произнёс совершенно немыслимую для советского руководителя фразу: «Джимми, Бог не простит нас, если мы не договоримся!» Вы можете представить, сколько недель Брежнев тренировался, что бы произнести слово Бог? Но Картер всё принял за чистую монету. Кремлёвские психологи сделали расчёт на его веру. Говорят даже, что Картер полагал, будто обратил Брежнева в христианство... А вот Горбачёв умудрился внушить Маргарет Тэтчер что он – прагматик. Помню, я долго разубеждал её в этом, говоря, что прагматик не может быть коммунистом. Если он прагматик, то он не коммунист. Но она, опытный политик, поверила Горбачёву! Я попросил Тэтчер дать определение коммунисту-прагматику, но она не смогла. Тогда я предложил такой вариант: это коммунист, у которого нет денег.

К.П. Путин втягивал Буша в хитроумные ловушки. В 2007 году он вынудил его принять в своём личном кабинете Белого дома российского военного преступника генерала Шаманова. Так Путину удалось аккуратно замазать американского президента грязью войны в Чечне.

В.Б. Это характерно для людей с криминальным мышлением. Они хотят весь мир опустить до своего уровня. Сейчас в схожем положении находится итальянский премьер Сильвио Берлускони. В семидесятые годы он был убеждённым антикоммунистом и даже помогал советским диссидентам. А сейчас Берлускони пропутинский. Недавно я встречался с его помощником по международным вопросам Джанни де Микелисом и сказал ему так: – Как может Берлускони дружить с Путиным домами? Ведь он грязный человек. За ним маячат убийства, воровство, коррупция! Этот шлейф перейдёт и на Берлускони!.. Но де Микелис ответил, что Берлускони хочет лишь стабильных поставок газа для Италии! Берлускони делает ту же ошибку, что и все остальные западные лидеры. Они думают, что Путин занимается бизнесом, как они. Хотя то, чем занимается Путин – не бизнес!

К.П. А что это?

В.Б. Воссоздание советской империи. Ведь нынешней Россией правят мелкие гэбэшники с комплексом неполноценности. Они так и не поняли закономерность развала Советского Союза, о чём мы знали уже в 60-ые годы. Нынешние российские правители считают его катастрофой и видят в нём заговор ЦРУ. «Назад в СССР!» – вот и вся их политическая программа. Ничего умнее они не придумали.

К.П. Кремлёвская пропаганда открыто называет Америку врагом номер один. Многие россияне уверены в том, что Америка хочет нас развалить. На днях об этом заявил президент Ингушетии, официальное лицо. Американцам трудно понять, что Путину совсем не нужна дружба с их страной. Америка больше его устраивает в качестве жупела внешней угрозы, так нужного для сплочения россиян в период кризиса. Кроме того, в девяностые годы в Россию проникли идеи американской демократии, которые Путину потом пришлось выжигать калёным железом.

В.Б. Да, редакторы западных газет смягчают тон своих московских корреспондентов. Они даже Мюнхенскую речь Путина умудрились оправдать какими-то внутренними причинами. Западные лидеры не хотят злить Путина, наивно думая, что это им поможет. А Путину только это и нужно! Он говорит Западу: «Вы враждебны!», и тот идёт на любые уступки, лишь бы Путин так больше не говорил. Ведь американцы

живут в бесконфликтном обществе. Вражда вызывает стресс, а они не приучены жить в условиях стресса. А наш русский человек очень даже приучен! Ведь мы выросли в очередях, в обстановке милицейского произвола, всеобщего хамства. Американец уязвимее россиянина.

К.П. Вот Обама и хочет улучшить отношения с Россией...

В.Б. «Улучшить отношения» – это пустая фраза. Запад тоже улучшал отношения с Советским Союзом в годы разрядки – и это окончилось советским вторжением в Афганистан.

К.П. Но Обама хочет серьёзно разобраться в том, что же нас всё таки разделяет...

В.Б. Никаких открытий его не ждёт. Возьмём хотя бы дурацкую игру с размещением ракет в Восточной Европе. Запад предлагал России множество уступок, а она от них только свирепела. Потому что дело тут вовсе не в ракетах. А в том, что Восточная Европа – наш огород, и никто не смеет туда соваться без нашего разрешения! Да и что значит тот десяток ракет рядом с тысячами ракет России? Вся сила ракетного оружия в том, что не так важно, где его разместить: подальше или поближе от границ. А Россия собирается установить ракетный комплекс «Искандер» в Калининграде, в пику американцам. Это пример мышления на уровне подростков: дескать, Вовке можно, а мне нельзя? Так я ему в глаз дам!.. А сейчас выясняется, что этих «Искандеров» ещё не нет... Это покерный блеф! Как Обама собирается «улучшать отношения» С Россией? Российские руководители упёрлись в эту проблему с маниакальным упорством Ленина, который допускал компромиссы с буржуазией только под дулом пистолета. Это у них в крови, на таком понимании выросли три поколения наших лидеров. Они потому и посылали в Венесуэлу свои военные корабли-железяки, чтобы сказать американцам: «Вот, мы лезем в ваш огород, вам это нравится?» Но те, кажется, не поняли намёка именно в этом контексте. Заккрытие американской военной базы в Киргизии имеет ту же причину: «А вот вы признайте Восточную Европу сферой нашего влияния – тогда и поговорим!». Если американцы действительно это сделают, то даже размещение ракет в Восточной Европе станет возможным.

К.П. Между Путиным и американскими руководителями такое же различие, как между главными героями известной книги «Приключения Тома Сойера», благовоспитанным Томом Сойером и уличным мальчишкой Гэбльберри Финном?

В.П. Нет, контраст более яркий. Такой, как между рефлекслирующими интеллигентами, которых играет американский актёр Вуди Аллен, и жёсткими полицейскими, героями Клинта Иствуда. Ошибка американских руководителей в том, что они считают российских коллег подобными себе, хотя те живут совсем по другим понятиям. На переговоры с Москвой нужно посылать не высокообразованных дипломатов, а шерифа из Чикаго, который понимает мафиозную психологию. Он будет адекватен... К тому же духовная стойкость Запада сейчас исчезает. Политкорректность разбивает западное общество на группы, лишает его единой цели. Это ставит под удар всю европейскую цивилизацию. Например, в американских университетах, даже таких, как Стэнфорд, отменён курс европейской цивилизации. Вместо него вам могут предложить лекции по истории африканской деревни. В Америке распространены левые взгляды. Для левых американских политиков Америка – главный враг. Тут они Путину первые друзья и союзники. Россия же хочет доминировать. Она постоянно вредит Америке.

К.П. Как Вы видите американо-российские отношения при Обаме?

В.Б. Как цепь уступок со стороны Америки.

(Опубликовано: газета «Новое русское слово», 2009 год)

БЛИЗОРУКОСТЬ

В девяностые годы в московской печати можно было встретить сетования на то, что двадцатый век мог бы стать русским веком, но не стал им. Что ж, с этим можно согласиться. Но зато двадцать первый век точно им стал, по крайней мере, его первое десятилетие. Запад стоит на коленях перед Российской Федерацией, хотя к более мощному Советскому Союзу Запад относился с презрением и насмешкой. Такого еще не было в мировой истории.

Как легко добилась этого «авторитета» путинская Россия всего за десять лет! Ее нынешние правители умнее советских. Наряду с нефтяным шантажом они мастерски используют слабости и предрассудки Запада: его легковерие и неуместное джентльменство, политическую корректность и терпимость, изнеженность и любовь к комфорту, неумение преодолевать жизненные трудности. Западные люди воспитаны для безопасной жизни в обществе джентльменов. Они не умеют реагировать на наше советское хамство, теряются, не знают, что отвечать: ведь они никогда в жизни с этим не сталкивались!

Особенно глубоко пронизана российским влиянием Франция. Но в июне нынешнего, 2010, года она позволила себе небольшой бунт. Ее спецслужбы пришли к выводу о том, что собор Московской патриархии (РПЦ МП), который будет построен Россией на набережной Бранли в Париже, может стать центром шпионской деятельности. Вблизи него расположены стратегически важные объекты – такие, как штаб-квартиры министерства иностранных дел Франции и Центрального управления внутренней разведки Франции (DCRI). В этом же районе живут французские высокопоставленные чиновники.

А тут еще французский философ Ален Безансон заявил в интервью польской газете «Речь Посполита», что «российские власти используют для этих (разведывательных) целей и православную церковь, которая находится в руках ФСБ». Я не поверил своим глазам: ведь еще несколько лет назад говорить так на Западе о Московской патриархии считалось признаком дурного тона. Я сам это испытал на себе не раз.

Но даже в этом бунте было продемонстрировано глубокое непонимание нынешней России. Что, думаете вы, больше всего насторожило французских контрразведчиков? То, что документы по приобретению Россией земельного участка под храм подписал управляющий делами президента РФ Владимир Кожин. А он бывший сотрудник КГБ...

А как же остальные российские начальники? Они ведь такие же, и слово «бывший» является только легендой, которую Запад с удовольствием заглатывает для собственного успокоения. Так назовите же вещи своими именами, дорогие французские контрразведчики! Но сделать это им мешает политкорректность, которой Москва умело пользуется.

Как тут не вспомнить еще одно высказывание Алена Безансона все из того же интервью «Речи Посполитой»? «Кроме того, – сказал он, – французские фирмы плохо информированы о ситуации в России, потому что получают информацию от пророссийских организаций, а те их обманывают. Я имею в виду такие «мозговые центры», как Французский институт международных отношений в Париже, который кишит российскими агентами. Эти люди по-прежнему вопреки здравому смыслу болтают о Real politik в отношении России. Французы в течение нескольких десятилетий не желали поверить в то, что советский режим преступен. А он никуда не девался, просто прятался за потемкинским фасадом. Теперь французы снова на все закрывают глаза. Запад вновь находится в плену тех же иллюзий».

Да, нельзя не признать, что созданная Путиным империя КГБ оказалась весьма эффективной во внешней политике...

Ален Безансон дал это интервью в связи с крушением самолета польского президента Леха Качиньского под Смоленском. Увы, Запад «проглотил» и эту, весьма странную, катастрофу, не стал из-за нее обострять отношения с Россией. Интересно,

что предстоит ему проглотить в следующий раз?

Разумеется, лично Владимир Путин дал французской стороне достойный ответ. «Это еще одно заблуждение журналистов, которое не имеет под собой никаких оснований», – заявил он во время встречи с бывшим президентом Франции Жаком Шираком.

Думаю, что он был по-своему прав. Франция настолько перенасыщена советской агентурой, что новый собор Московской патриархии ничего принципиально нового в это дело не вносит. Одним собором РПЦ МП больше или меньше – это дела не меняет. Но этому собору предназначена более широкая функция: быть символом русского присутствия на Западе. Так же, как и сама РПЦ МП уже не будет ограничивать себя одним шпионажем, являющимся, в сущности, лишь наследием советской эпохи. Она станет руководящим идеологическим органом православно-чекистского царства, аналогом ЦК КПСС советской эпохи. И тогда критика государственных чиновников будет приравниваться уже не к экстремизму, как сейчас, а к святотатству. Многие на Западе встретят этот «русский Ватикан» с восторгом. А оттуда рукой подать до восстановления монархии. Тогда не нужно будет проводить комедию выборов.

И все же кто-то во Франции отважился обратиться к Путину с таким бестактным вопросом! А возможно ли это в Америке? Ведь присутствие РПЦ МП здесь гораздо большее...

Увы, здесь ни у кого и язык не повернется критиковать РПЦ МП! Отношение в Америке к религии еще более настороженное. Здесь тему религии вообще стараются не упоминать всуе. Здесь слишком глубоко внедрена мысль о том, что Церковь и государство отделены друг от друга непреодолимой стеною. Мысль об использовании Церкви для шпионажа вызывает раздражение. Причем не в адрес циничных шпионов, а в адрес тех, кто об этом говорит. И это я не раз испытывал на себе.

Иногда я шлифую русский язык выпускникам американских вузов. Это уже вполне сложившиеся специалисты по России, но даже им бывает трудно понять, что же такого опасного для Америки в том, что значительная часть Зарубежной Церкви оказалась захвачена Москвой. Я им долго и упорно это объясняю, но все равно они смотрят на меня с недоверием. Их левая профессура предлагала им более оптимистичную концепцию России.

Кроме этого, в Америке невыносима мысль о том, что на эту страну кто-то пытается воздействовать. К этому приучила их история. «На Америку влиять невозможно», – с гордостью говорят они.

Да, на Америку нельзя влиять с позиции силы. А с позиции слабости? Используя тактику дзюдо, которое переводится на русский язык с японского как «путь слабости»?

Мышь никак не может повлиять на слона. Но если она заберется ему в ухо, то прогрызет все вплоть до мозга. Эта индийская притча была популярна в России полвека назад, в годы моего детства, но сегодня ее забыли.

В течение последних двух лет мне пришлось выступать в престижных институтах и клубах Вашингтона с лекциями о кремлевском влиянии в США. Встречены они были без восторга. Американцам было неприятно все это слышать.

Летом и осенью прошлого года я опубликовал в журнале «Frontpage Magazine» несколько довольно острых статей-интервью на эту тему: «Шпионы Путина в Америке»; «Аятолла Путин», а также интервью с Владимиром Буковским «Как Путин отделяет Европу от Америки». Интервью с Буковским не стали переводить в Москве на русский язык.

С моими оценками можно соглашаться или нет, но ведь здесь, в Америке, свобода слова...

После этого интервью мне позвонили некоторые русские американцы и с тревогой в голосе сказали, что Америка хочет дружить с Россией, а я нагнетаю страсти. По их испуганным интонациям чувствовалось, что они выражают не только свое мнение...

Действительно, Америка рассчитывает на Россию. В частности, на то, что она поможет Америке своим сильным влиянием в исламском мире. Но ведь Россия и сама наполовину исламская страна! Если она станет слишком активно помогать «неверным»

американцам, ее исламским друзьям это может не понравиться...

А между тем, Москва активно работает против оставшихся независимыми «осколков» Русской Зарубежной Церкви. Подсылает к нам агентов, разжигает расколы. И, кажется, никого вокруг это не волнует...

(Опубликовано: портал Credo.ru, 2010 год)

СВЯЩЕННИК И РАЗВЕДЧИКИ

По решению правительства объединенной Германии в 1990 году все исторические русские храмы на территории бывшей ГДР подлежали возвращению Русской Зарубежной Церкви. Но архиепископ Берлинский и Германский Марк (Арндт), позднее сыгравший ключевую роль в присоединении своей Церкви к Московской патриархии, не принял ни одного из этих храмов. Более того, ему удалось хранить эту тайну почти 20 лет, и лишь сегодня понемногу становится достоянием гласности информация о тех событиях.

Мне о них стало известно от епископа Верненского и Семиреченского РИПЦ Ириней, временно управляющего Западно-Европейской епархией того «осколка» РПЦЗ, который оказался в юрисдикции Архиерейского Синода РИПЦ. Епископ Ириней сейчас как раз совершает поездку по приходам Германской епархии.

В 1999 году он был назначен настоятелем храма св. Симеона Дивногорца в Дрездене, который уже много лет составлял предмет спора между РПЦ МП и РПЦЗ. Тогда епископ Ириней ещё был протоиереем Германской епархии Русской Зарубежной Церкви Владимиром Клипенштейном. Выходец из семьи русских немцев, он приехал в Германию из Казахстана, куда его семья была сослана Сталиным в начале Второй мировой войны. По прибытии в Дрезден о. Владимир с удивлением обнаружил, что храм, куда его назначили, по-прежнему занят Московской патриархией, захватившей в 1945 году все русские храмы Восточной Германии. Нового настоятеля туда даже не пустили.

Недолго думая, он обратился в ратушу, где ему всё объяснили с немецкой чёткостью:

– Закон на вашей стороне. Храм ваш, можете его занимать. Если будут препятствия, пришлём в помощь наряд полиции...

О. Владимир Клипенштейн обнаружил в архиве ратуши огромное число документов Зарубежной Церкви. Среди них были протоколы заседаний приходских советов, изъявлявших желание вернуться «в родную Зарубежную Церковь», и покрытые затем завесой молчания. Да и долго работать в дрезденском архиве о. Владимиру не пришлось...

Когда, радостный, он позвонил архиепископу Марку, своему правящему архиерею, реакция последнего оказалась абсолютно неожиданной и, на первый взгляд, неадекватной. Марк раздражённо закричал:

– Я готов повеситься из-за ваших действий!

– Но где же тогда мне служить? – удивился о. Владимир.

– Снимайте квартиру и служите на дому! – вновь прокричал знаменитый своим аскетизмом архиепископ Марк.

Странно: именно он назначил о. Владимира настоятелем храма, а теперь не позволяет входить в него! Где же логика?

Как человек, знающий эту систему изнутри, я имею все основания сказать: именно нелогичность поведения и выдаёт порой агентов КГБ на Западе. Ведь им приходится действовать не по своей воле, а по приказам Лубянки, порой довольно глупым, исходящим от некомпетентных людей, партийных назначенцев. Иной раз агентам приходится совершать поступки, которые им явно невыгодны и даже несут гибель или ведут к их разоблачению. Ведь, как правило, они работают по определенной «легенде» – и, например, лицо, «залегендированное» как архиерей, по идее, обязано заботиться о

своей епархии и укреплять ее, а приказы поступают прямо противоположные... Между прочим, в каждом годовом плане работы с агентом КГБ, коих немало можно почитать в архивах Лубянки, обязательно присутствует такая графа: «Легендирование действий агента». Порой содержимое этой графы занимает сотни страниц.

Однако в нашем случае человек заявил всё открытым текстом: не смеет покушаться на интересы Московской патриархии, хотя тогда, в девяностые годы, перспектива объединения РПЦЗ с нею была еще весьма и весьма спорной и туманной. Такое поведение на языке КГБ называют «вредительским». В Минской школе контрразведки, где я учился в конце семидесятых годов, нас наставляли: подрыв изнутри – это вредительство, извне – диверсия. Диверсант проникает извне, а вредитель маскируется «внутри коллектива».

– Меня удивило, что православный епископ хочет совершить самоубийство из-за того, что подчинённый ему священник расширяет деятельность его же Церкви, – говорит епископ Ириней. – Но тогда я ещё не понимал масштабов предательства Марка и исправно информировал его обо всех своих действиях. Хотя мне было странно, что ещё за десять лет до поглощения части Зарубежной Церкви Московской патриархией Марк сослужил со своим патриархийным «двойником» Феофаном, таким же «архиепископом Берлинским и Германским». Да и в дрезденский храм он иногда навещался и сослужил с его патриархийным настоятелем Георгием Давыдовым, однако сам храм так и не принял. Выполняя священнический долг, о. Владимир Клипенштейн проинформировал Марка о своём обращении в Ведомство по охране Конституции – контрразведку ФРГ – с запросом о русских священниках, сотрудничавших с КГБ. А ведь патриархийные священники все сотрудничали!.. Представляю, как напугал архиепископ Марк этим известием патриархийного настоятеля храма св. Симеона Дивногорца протоиерея Георгия Давыдова! Именно в Дрездене находилась резидентура КГБ, ставшая теперь знаменитой из-за того, что одну из незначительных должностей в ней когда-то занимал Владимир Путин. Впрочем, в годы его службы в Германии Дрезденская резидентура считалась захудалой, в ней служили чекисты без связей в верхах. Но кто-то же должен был доносить им о настроениях местных православных? Вот и направила советская власть в четырнадцатилетнюю (!) заграникомандировку священника, представителя «идеологически враждебной среды». Сейчас в РФ, увлекшись героизацией советского прошлого, понемногу стали забывать, что советское государство официально декларировало в качестве своей цели уничтожение Церкви и религии, а отнюдь не их поддержку и развитие. Об этом недвусмысленно говорилось в Программе и Уставе КПСС, а, согласно 6-й статье Конституции СССР, КПСС была основой политической системы государства и определяла его идеологию. Естественно, что все священники РПЦ МП в ГДР, как, впрочем, и во всех других зарубежных странах, тоже были агентами КГБ. Не агентами могли быть только те, кто занимал в иерархии КГБ более высокое положение, кадровые чекисты. Священники-военнослужащие, числящиеся в списках офицерского состава КГБ, исправно получающие воинские звания и отдыхающие в военных санаториях. Такие тоже имелись в ГДР. Мне достоверно известно имя только одного из них – полковника Гуменюка, Ивана Назаровича, служившего в берлинском храме, недалеко от резидентуры КГБ, где он постоянно работал. О нём я написал в 2006 году в статье «Митрополит Лавр усыпляет бдительность».

После обращения о. Владимира в германскую контрразведку Марк не на шутку перепугался: ведь и он сам тоже мог оказаться в этом списке! В Дрезден срочно был направлен протоиерей Николай Артёмов, самый доверенный помощник Марка, который «принял дела» и приказал о. Владимиру Клипенштейну немедленно собираться и уезжать в Мюнхен.

– Владыка Марк не склонен к шуткам! – заявил он сурово.

Так будущий епископ Ириней был переселён в мюнхенский монастырь преп. Иова Почаевского, где находится резиденция Марка.

– Но в Германии вы служить не будете! – заявил ему тот, и о. Владимир Клипенштейн вернулся на родину.

Там он рассказал о случившемся с ним российским священникам Зарубежной Церкви, после чего отношения Марка с ними заметно обострились. Архиепископ перестал помогать российским приходам. Однако достоянием гласности эти события всё же не стали. Я тоже о них ничего не знал, когда писал в 2004 году свою нашумевшую статью «Две тайны архиепископа Марка».

Епископ Ириней отметил в беседе со мной, что если бы тогда, в 1999 году, кадровая работа Марка в пользу Москвы стала бы широко известной, это вызвало бы такой скандал, что прошлогоднего «объединения Церквей» могло и не состояться. Тем более, что тогда предстоятелем Зарубежной Церкви был Митрополит Виталий, известный своим категорическим неприятием большевиков, чекистов и «советской патриархии».

– Я убеждён, что именно Марк возглавил заговор по смещению Митрополита Виталия в 2000 году, – отметил епископ Ириней.

А ответ на его запрос в германскую контрразведку, похоже, готов. Девяти лет для этого было вполне достаточно. Составленный с немецкой аккуратностью, он ждёт своего часа. О, сколько знакомых фамилий мы там увидим!..

Впрочем, новые сведения о таинственной личности управляющего Германской епархией РПЦЗ (теперь уже, естественно, РПЦЗ МП) все продолжают и продолжают поступать. Как известно, в той части официальной биографии архиепископа Марка, в которой говорится о его юношеских годах, Восточная и Западная Германия и перемещение между ними Михаила Арндта как-то смазаны. Это сделано для того, чтобы избежать объяснений, каким образом юный Михаил, уроженец ГДР, перебрался в Западную Германию в начале шестидесятых. Официальным путём этого сделать было нельзя.

Николай Сергеевич Чертков, выходец из семьи белых эмигрантов, рассказал мне, что познакомился с будущим архиепископом Марком в 1961-м или 1962-м году во Франции, куда тот приезжал именно из ГДР, а не из ФРГ. Это произошло во Французских Альпах, в детском православном лагере РСХД, Русского студенческого христианского движения. Николаю Черткову было тогда 14 лет, а Михаэлю Арндту – 21. Он преподавал детям русских эмигрантов их родной язык, что само по себе уже очень странно. Мало того, что этим занимался немец из ГДР, так ведь под боком, во Франции, имелось огромное количество блестящих знатоков русского языка с дореволюционным образованием, желающих безвозмездно обучать русских детей. Михаэль Арндт довольно откровенно рассказывал ребятам о том, что служил в армии ГДР, но те, в силу возраста, не делали из этого никаких политических выводов.

Их только удивляло, что учитель плохо говорит по-русски, с сильным немецким акцентом. Старший друг Николая Черткова, будущий парижский профессор-русист Алексей Циолкович, был ровесником Арндта. Он узнал, что их гость из ГДР, помимо прочего, ещё и не православный, а лютеранин. Что же связывает его с православным русским лагерем?

Увы, эта кажущаяся несуразность говорит мне, бывшему кадровому офицеру КГБ, о многом. Очевидно, что в РСХД активно действовала агентура, и было бы очень странно, если бы её там не было. Очевидно, Михаэля Арндта так, постепенно, вводили в русскую среду, внедряли в ряды русской эмиграции. Ведь многие там могли задать вполне естественный вопрос: почему этот немец лезет в наши ряды, да еще и определяет судьбы нашей Церкви? Зачем радеет за свободу от большевиков нашей России, а не своей родной Германии? Таким людям можно было возразить так:

– Да он болеет за Россию! Потому что в глубине души он наш человек! Даже русский язык преподавал!..

Этот приём на профессиональном языке называется «легализацией».

– А может быть, он просто вот так взял да и поехал из ГДР во Францию? – спросит кто-нибудь из тех, кто не жил при советской власти.

Увы, из социалистических стран свободный выезд за границу был запрещён. Для него требовалось разрешение КГБ. Вспомним также, что в 1961 г. была построена Берлинская стена, а в 1962 г. разразился Карибский кризис. Отношения ГДР с Западом рез-

ко обострились. И вот в этой непростой обстановке молодой восточногерманский офицер вместо того, чтобы пребывать в состоянии полной боевой готовности, как ни в чём не бывало разъезжает по Франции. Причем работает во враждебном антисоветском эмигрантском центре, как тогда именовались на официальном советском языке все организации русских эмигрантов. Может быть, начальство этого офицера, отечески улыбнувшись, сказало ему так:

– Поезжай, милый, во Францию, это дело твоё! А то, что ты едешь к антисоветчикам-белоэмигрантам, так нам на это наплевать. Нам безразлично, что скажут советские товарищи, назначившие нас на наши посты!

Нет, контакты жителей социалистических стран с русской эмиграцией могли осуществляться только под руководством определенного ведомства. Следовательно, если будущий Марк действительно приезжал во Францию из ГДР, то он должен был служить кадровым офицером Штази. В конце концов, окормлял же паству в Берлине уже упоминавшийся в этой статье Иван Гуменюк – одновременно и священник, и полковник КГБ.

На самом деле, обе эти разведки – КГБ и Штази – были единым ведомством. Когда в конце восьмидесятых годов я служил референтом начальника научно-технической разведки КГБ генерал-майора Леонида Зайцева, мне неоднократно приходилось участвовать в написании огромного фолианта – годового отчёта всей советской разведки. На мою долю доставалось лишь полстранички, что тоже было огромной честью. В этом отчёте успехи «немецких товарищей», а также чехословацких, венгерских, польских и всех других преподносились Горбачёву и Политбюро как единое целое всех достижений КГБ. Количество добытых коммунистическими разведками «единиц информации» суммировалось и выдавалось как один общий результат работы советской разведки. Различий между странами-сателлитами не делалось. Весь социалистический лагерь был одной огромной страной, управлявшейся из Кремля.

Обращаюсь к своим единомышленникам в Германии: ведь архивы Штази теперь открыты! Наверняка в них упоминается наш герой. Поинтересуйтесь!

(Опубликовано: портал Credo.ru, 2010 год)

ОТРАВЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ

Часть первая: За что отравили протоиерея Льва Лебедева

Покорение Зарубежной Церкви чекистской Москвой несёт стойкий привкус уголовного. КГБ убил немало её священников, причём самых лучших. В русской эмиграции некоторые об этом знали, но предпочитали помалкивать. Одни – из ложного патриотизма, другие – потому что сами работали на КГБ. Поэтому мне пришлось применить весь свой опыт бывшего аналитика советской разведки, чтобы воссоздать приблизительную картину событий, опросив множество людей.

В конце апреля 1998 года в здании Нью-Йоркского Синода РПЦЗ умер странной смертью её российский священник из Курска, протоиерей Лев Лебедев. Он был непримиримым противником соединения с Московской патриархией. Первоиерарх Зарубежной Церкви митрополит Виталий пригласил его выступить перед епископами для того, чтобы открыть им глаза на эту гибельность. Но глаза архиереев уже были устремлены на Москву. Они предпочли вскоре избавиться от самого митрополита Виталия и отрешили его от должности.

Российский священник Лев Лебедев ознакомил прибывших на Собор со своим докладом, а вскоре был найден мёртвым в своей гостевой комнате в здании Синода, не дожив до открытия Архиерейского Собора 5 мая 1998 года. Как рассказывал мне бывший келейник митрополита Виталия о. Павел Ивашевич, постороннему лицу было лег-

ко проникнуть в эту комнату через балконную дверь. Многие из молодых синодальных служащих так часто и поступали, когда теряли ключи от входной двери. Наверняка это было известно КГБ. Кто был ночным гостем курского протоиерея – боевик из российского консульства в Нью-Йорке, оформленный там как физкультурник-массовик? Или российский разведчик-нелегал? Недавнее убийство в Лондоне Александра Литвиненко показывает, что у КГБ имеется много способов.

Некоторые из очевидцев тех событий считают, что о. Льва Лебедева отравили ещё в самолёте «Аэрофлота» по пути в Нью-Йорк, поскольку он после приезда плохо себя чувствовал. Что ж, бывает и такое, поскольку «Аэрофлот» и по сей день остаётся филиалом КГБ, и Анну Политковскую также пытались отравить в 2004 году именно в самолёте, чтобы она не попала в Беслан.

Вся власть в Синоде РПЦЗ к тому времени уже была захвачена промосковской группировкой, и она замолчала доклад. Текст его даже считался утраченным, но мы воспроизводим доклад из одного частного архива. В этом можно усмотреть промысел Божий, ибо пророческий смысл слов протоиерея Льва Лебедева проявляется именно в наши дни, когда еретическая Московская патриархия начала рушиться еще до объединения с Зарубежной Церковью. Ведь бунт Чукотского епископа МП Диомида – это только начало.

Вот текст доклада протоиерея Льва Лебедева:

«Архиерейскому Собору Русской Православной Церкви Заграницей. 1998 г., Нью-Йорк.

1. Переживаемый период.

Мир, человечество, всё больше и быстрее погружаясь в состояние Содомы и Гоморры, неудержимо движутся к завершению новой Вавилонской башни-нового мирового порядка, т.е. к Антихристу. За ним – Второе Славное Пришествие Христово. Вот суть переживаемого нами момента времени.

2. Положение Православия.

На фоне этих глобальных явлений и в связи с ними особенно печально выглядит то, что большинство некогда православных поместных церквей через экуменическое и межрелигиозное движение активно втягиваются в общемировое строительство и втягивают свою паству в Зиккурат (центр) этого Вавилона. Единственным островом правды Божией в этом мире оставалась до сих пор Русская Зарубежная Церковь. Мелкими островками твёрдого стояния в истине стали некоторые старостильные объединения Греции, Румынии, Болгарии, отдельные ревнители православия в других странах.

3. Положение Московской «патриархии».

Беззаконная (неканоничная) в своём происхождении Московская патриархия по самой СВОЕЙ ПРИРОДЕ является такой церковной организацией, которая (с 1927 года) ПОД ВИДОМ служения Христу активно СЛУЖИТ АНТИХРИСТУ. Поэтому совсем не удивительно, а вполне закономерно, что ныне МП активно участвует в завершении строительства Вавилона нового мирового порядка, о чём точно и верно сказано в «Обращении» Совещания российских архиереев РПЦЗ от 30 октября – 12 ноября в г. Ялте.

Некоторые всплески антиэкуменических настроений в лоне МП, а также протесты отдельных её служителей против бесчисленных других отступлений от истины являются не более чем слабыми конвульсиями умирающего или уже умершего организма.

Всё это объясняется тем, что нынешнее русскоязычное население Российской Федерации, в том числе и её православно верующая часть, находится в состоянии ТОТАЛЬНОЙ ВЕРЫ ЛЖИ, характерной для людей времён Антихриста и описанной ап. Павлом как БОЖИЕ НАКАЗАНИЕ за то, что они «не приняли любви истины» (2 Фесс. 2. 10-11).

4. Положение русскоязычных в России.

Весь русский православный народ в целом (около 80 миллионов только великороссов) с Русью Святой в своём основании был ФИЗИЧЕСКИ УНИЧТОЖЕН в период с 1917 по 1945 г., всего за 28 лет! Так Господь устроил русскому народу через распятие на исторической Голгофе ПОБЕДНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ в Горний Иерусалим Царства Небесного, изъыв этот народ из современного исторического процесса. Одновременно с 1917 года и далее в СССР искусственно выращивался НОВЫЙ, «советский» народ, «новая историческая общность», как выразились партия и правительство СССР в 1977 году. Но на поверку этот «новый советский народ» оказался даже и не народом, так как нет чувства единства, а конгломератом РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ, рассыпавшегося в щепёнку после 1991 года. Поэтому, КРОМЕ НЕБОЛЬШОГО ОСТАТКА РУССКИХ ЗА ГРАНИЦЕЙ, на земле РУССКОГО НАРОДА БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

5. Состояние верующих русскоязычных.

Для русскоязычных верующих в России характерно преобладание земных интересов над духовными, жульнический характер психологии, вера лжи, «боязливость, маловерность и скверность» (Откр. 21.8). Необычайное распространение получили колдовство и знахарство. Христа и правды Его никто НЕ ИЩЕТ, ищут каждый «своих». Самым показательным явлением стало то, что после 1990-1991 годов, в обстановке РЕАЛЬНОЙ СВОБОДЫ СОВЕСТИ в России, массового, всенародного обращения русскоязычных к Церкви, ко Христу НЕ ПРОИЗОШЛО.

Некоторый незначительный подъём веры и приток молодых людей в Церковь имеет место, но ныне и эти явления идут на убыль. Если не завышать данные, то в настоящее время в Российской Федерации не более 15-20 миллионов православно верующих, а регулярно ходящих в церковь – вдвое меньше. По данным МП, если ещё в 1993 году доходы от добровольных пожертвований людей составляли 43% всех доходов «патриархии», то в 1997 они составили только 6%! Остальное «патриархия» получает от ростовщичества, торговли нефтью, водкой, табаком, «ножками Буша», иных видов «бизнеса» а также из очень непонятных заграничных источников.

Иногда говорят, что и ныне в России немало добрых, хороших людей. Но таких немало и среди католиков, и протестантов в любых западных странах. Говорят ещё, что и в России ещё можно встретить, даже в лоне МП, благочестивых, усердно подвижающихся в молитве и посте людей. Но нужно знать, что это не лучи восхода, а последние ЛУЧИ ЗАКАТА. На большой мусорной свалке попадают антикварные вещи, иконы и даже золотые предметы, но всё это не дворец и не храм, а именно мусорная свалка...

100 лет назад, в 1899 году, Владыка Антоний (Храповицкий), имея в виду РАСЦЕРКОВЛЁННУЮ ЧАСТЬ русского общества своего времени, написал: «Это уже не народ, но гниющий труп, который гниение своё принимает за жизнь, а живут на нём и в нём лишь кроты, черви и поганые насекомые... ибо в живом теле не было бы удовлетворения их жадности, не было бы для них жизни» (Тальберг, История Русской Церкви. Джорданвилль, 1959, с.831). В конце прошлого – начале нынешнего XX века эта гниющая часть русского населения составила примерно всего 5-6%. Ныне, в конце XX века, она составляет в России 94-95%. «Гниющим трупом» является в целом вся Российская Федерация.

6. Положение РПЦЗ относительно МП.

Нельзя не признать, что такому состоянию населения в общем вполне соответствует апостасийное, еретическое и криминальное состояние подавляющего большинства иерархии МП, как одного из «кротов» или «червей», жадно пожирающих в гниющем трупе то, что ещё можно ухватить и пожрать.

Что общего может быть в таком случае у Русской Зарубежной Церкви с Московской «патриархией»? НИЧЕГО! Отсюда любые «диалоги» или «собеседования» с МП с целью выяснения, что нас разъединяет и что – объединяет, – это или верх непонимания сущности вещей или – предательство правды Божией и Церкви. Нас разъединяет бук-

вально ВСЁ! И не объединяет НИЧЕГО, кроме разве ВНЕШНЕГО вида храмов, облачений духовенства и чинопоследования служб (да и то далеко не во всём!)

Поэтому нужно ясно осознать и официально утвердить, что ныне РПЦЗ – это не ЧАСТЬ Российской Церкви, а ЕДИНСТВЕННАЯ законная Русская Церковь ВО ВСЕЙ ПОЛНОТЕ!

Нужно также понять, что это осознаётся Московской «патриархией». Именно поэтому она добивается ПРИЗНАНИЯ себя, как она есть (без отказа от апостасии и ересей) со стороны Собора РПЦЗ. Такое «признание» МП со стороны РПЦЗ сообщило бы МП ВИДИМОСТЬ полной легитимности в глазах всего мира. Но этого допустить нельзя.

РПЦЗ нужно отказаться от мечтаний и иллюзий относительно «возрождения» России. Если не произойдёт какого-то чрезвычайного и непредсказуемого вмешательства Бога в земные дела, а по Его попущению и промыслу всё будет идти как теперь, то с Россией всё кончено. Дай Бог, только из-за чрезмерной привязанности к ней вместе с ней не провалиться в бездну гибели. Нужно теперь только твёрдо «держаться, что имеешь». А если всё же душа болит о русскоязычных в России, то только ПОСТОЯННЫМ И ТВЁРДЫМ ОБЛИЧЕНИЕМ МП, а не заигрыванием с ней, можно спасти в России тех, кто ещё ищет спасения и может его принять.

Необходимо поэтому ВЕРНУТЬСЯ к той позиции НЕПРИМИРИМОСТИ К МП, какую изначально занимала Русская Зарубежная Церковь.

И нельзя, под предлогом «пользы Церкви» и улучшения её «делопроизводства» колебать авторитет Первоиерарха РПЦЗ, способного отличать истину от лжи и различать духов.

В последнее время РПЦЗ постигли ряд бедствий, одно за другим. Особенно страшно убийство хранителя Иверской мироточивой иконы Иосифа Муньоса и сокрытие самой иконы. Вспомним, что чудотворения от неё начались в 1982 году. Перед этим, в 1981 году, РПЦЗ прославила в лике святых Новомучеников Российских во главе с Царской Семьёй, а в 1983 году была провозглашена анафема экуменической ереси. Ясно, что мироточение Иверской иконы было знамением Божия одобрения твёрдого стояния в правде против всякой лжи, в том числе – лжи МП. Но вот после очень неопределённых решений Архиерейского Собора РПЦЗ 1993-1994 годов и дальнейших шагов некоторых наших иерархов в сторону сближения с МП и начались, одни за другим, такие бедствия, каковые определённо свидетельствуют об отступлении Божия благоволения к нашей Церкви за её отступлением от истины. Сколько ещё бед хотят навлечь на наши головы сторонники братания с преступной и еретической МП?»

Ну, могла ли агентура КГБ оставить такой вывод без наказания? Могла ли она позволить протоиерею РПЦЗ Льву Лебедеву и дальше продолжать свою враждебную деятельность?

Причину его смерти не устанавливали, хотя медицина в Нью-Йорке всё-таки лучше, чем в Курске. Тело отца Льва было с подозрительной поспешностью переправлено на родину.

Часть вторая: убивать священников легко

Поглощение Зарубежной Церкви чекистской Москвой несёт стойкий привкус уголовщины. Кремлевская разведка убила немало священников Зарубежной Церкви, причём самых лучших.

В первой части этой статьи рассказывалось об убийстве российского священника Зарубежной Церкви протоиерея Льва Лебедева в её Нью-Йоркском Синоде в мае 1998 года. Через несколько часов после произнесения там разоблачительного доклада о красной Московской Патриархии он был найден мёртвым.

Бывший келейник митрополита Виталия о. Павел Ивашевич убеждён, что протоиерей Лебедев был отравлен.

В 1986 сам о. Павел Ивашевич по ошибке съел отравленную еду, предназначен-

ную митрополиту Виталию, которого Кремль также очень не любил (и в последствии избавился от него через свою агентуру в Синоде). Тогда о. Павел потерял сознание, и вызванный к нему русский врач подтвердил отравление. К счастью, о. Павлу было в то время 19 лет, и его молодой организм справился с отравлением. Но в норму всё-таки не пришёл: о. Павлу и по сей день приходится принимать желудочные лекарства. Тогда ему наказали об этом случае молчать.

В 1970 году священник Австралийско-Новозеландской епархии Зарубежной Церкви Владимир Евсюков стал случайным свидетелем некоей операции советской разведки в таможне австралийского города Мельбурна. Отец Владимир подрабатывал там в свободное от церковных служб время: ведь многим священникам из бедных приходов Зарубежной Церкви приходилось искать дополнительного заработка.

Будь он профессиональным контрразведчиком, он бы немедленно доложил куда надо, а для остальных бы держал язык за зубами. Но о. Владимир был просто священником и потому рассказал об увиденном многим своим собратям и даже епископу, и только после этого поехал в полицию.

Но агентурная сеть КГБ сработала быстро, и автомобиль о. Владимира Евсюкова был протаранен машиной. После чего её шофёр подошёл к о. Владимиру, который был ещё жив, и проделал над ним какие-то манипуляции. Отца Владимира нашли с рукой, протянутой к образку Бл. Ксении. Ни эту машину, ни его шофёра австралийская полиция так и не нашла. Думаю, что это был один из советских разведчиков-нелегалов, офицер управления «С» Первого Главного Управления КГБ. Кто знает, может быть, я там и встречал его потом на праздничных собраниях...

Тогда же, в семидесятые годы, убийцы из КГБ гнались по улицам за дьяконом кафедрального собора Воскресения Христова в Буэнос-Айресе о. Петром Голофаевым. Родившийся в 1921 году в Донбассе в семье репрессированного предпринимателя, он был потомком царского генерала Голофаева, в подчинении которого находился М. Ю. Лермонтов. Убеждённый антисоветчик, Пётр Кириллович в годы Второй Мировой войны создал вооруженный отряд для борьбы с коммунизмом, «Охотничью команду», который потом отступил с германской армией и влился в 5-й полк Русского Корпуса генерала Штейфона.

Дьякон Голофаев знал, что на «социалистической родине» он приговорён к расстрелу, и потому всегда был настороже. Он сразу распознал по одежде советских убийц в аргентинской толпе и вырвался и убежал от них, после того, как они зажали его в кольцо при выходе из автобуса. Ему удалось спастись, но вернувшись домой, он нашёл в складках своего кожаного пальто отравленную иголку.

В 1975 году в Голландии умер епископ МП Дионисий Роттердамский. Незадолго до своей кончины он собрал голландских журналистов и сообщил им, что покидает МП и переходит в Зарубежную Церковь. Поводом послужили публичные заявления советского патриарха Пимена о том, что в СССР людей не преследуют за веру.

К его смерти имел странное отношение митрополит Сурожский Антоний (Блюм), в быту интеллигентнейший и обаятельнейший человек. В годы Второй Мировой войны он сражался в рядах французских партизан – «маки», подчинявшихся французской компартии и НКВД. В конце войны советские разведчики вошли с ним в контакт и посоветовали основать патриархийный приход в Лондоне, чтобы по материалам исповедей сообщать в НКВД о настроениях белой эмиграции. Будущий митрополит Блюм согласился и очень скоро был произведен в епископы Московской Патриархии.

Об этом случае рассказал мне известный английский церковный писатель Владимир Мосс. Незадолго до смерти епископа Дионисия Роттердамского митрополит Антоний сообщил жене Владимира Мосса Ольге, что вынужден отъехать в Голландию, чтобы наказать епископа Дионисия за то, что он вызывал серьёзный кризис в Церкви.

А через несколько дней и сама Ольга Мосс оказалась в Голландии и даже встретила с келейником епископа Дионисия о. Арсением. Тот в слезах рассказал ей, что оставил владыку всего на несколько часов одного после литургии, чтобы пойти в гости к её родителям, а возвратившись, нашёл его мёртвым.

– А знаете ли вы, что епископа Дионисия тогда посетил митрополит Антоний? – поинтересовалась Ольга Мосс.

– Понятия не имел! – в ужасе признался о. Арсений.

Митрополит Антоний Сурожский был профессиональным хирургом. Одному Богу известно, как он использовал своё мастерство над епископом Дионисием Роттердамским. Но то, что этот интеллигентнейший человек был также и боевиком КГБ, утверждать можно.

Однако самым громким событием такого рода стало убийство предстоятеля Зарубежной Церкви митрополита Филарета в 1985 году. Убеждённый антикоммунист и антисоветчик, непримиримый противник какого-либо сближения с красной советской церковью, он был у КГБ костью в горле.

Судите сами, сколь пророческими оказались его слова об МП, звучащие из далёкого 1980 года: «Но не истинное православие распространяется там. Там русскому народу под видом православия преподносится булгаковщина, бердяевщина и прочая белиберда евлогийанского раскола; там пышно расцветают секты – баптизм и проч. Официальная Церковь проповедует сотрудничество с богоборческой властью, всячески её восхваляя. Истинная Православная Церковь ушла в катакомбы – скрыта от народных масс... Это ли «возрождение Православия»?

Неверный сын – отец Потапов

Вышеприведенные слова взяты из письма митрополита Филарета о. Виктору Потапову, нынешнему настоятелю Свято-Иоанно-Предтеченского собора в Вашингтоне и главному локомотиву перехода Зарубежной Церкви под власть Москвы. Тогда, в застойном и мрачном 1980 году, о. Виктор Потапов заявил, что Россия воскрешается из мёртвых и в ней возрождается православие. В тот год я уже занимал солидный пост в КГБ и отлично знал, что православие находится под нашим жёстким контролем и ни о каком возрождении его не может быть и речи. Советская действительность не давала фактов, которые могли бы подвигнуть о. Виктора к такому выводу. Подобный вывод мог быть только внушён ему советскими товарищами-коммунистами. Да, именно ими, поскольку не коммунистов за границу не выпускали, хотя об этом сейчас не принято вспоминать. Значит, советские коммунисты уже тогда работали с о. Виктором. Согласитесь, что более чем за четверть века можно было кое-чего достигнуть.

В этом же письме митрополит Филарет упрекал о. Виктора за то, что он стал поминать на великом входе одного из советских архиереев. Его имя мне неизвестно, но этот архиерей наверняка был агентом КГБ, как и все остальные его коллеги, а может быть, и членом КПСС, потому что верхушка Патриархии имела партийные билеты.

Митрополит Филарет категорически запрещал не только молитвенное общение с советской церковью, но даже и бытовые контакты с «советчиками». Он, как и сменивший его на посту Предстоятеля митрополит Виталий, возражали против несанкционированных поездок о. Виктора Потапова в СССР в качестве корреспондента «Голоса Америки» и даже, как говорят, собирались отдавать его под церковный суд.

Обоим митрополитам не откажешь в прозорливости. Ведь по прибытии в СССР о. Виктор всецело попадал в распоряжение только одного ведомства, которому разрешалось иметь дело с представителями «антисоветского эмигрантского центра», как именовали в СССР Зарубежную Церковь. Для всех остальных граждан СССР такое общение было опасным.

Именовалось это ведомство, как ни крути, Комитетом Государственной Безопасности, а вовсе не Московской Патриархией и не Интуристом. Не только иерархи МП, с которыми общался о. Виктор, были из КГБ, но и горничные, и шофёры, а также те, кто не попадался о. Виктору на глаза: офицеры службы наружного наблюдения, отслеживавшие каждый его шаг, телефонистки ОТУ (оперативно-технического управления КГБ), подслушивавшие его телефонные разговоры, молодые ухмыляющиеся офицеры этого же управления, наблюдавшие за о. Виктором через глазок в потолке его гос-

тиничного номера (на языке КГБ это называется мероприятием «О»). А если прибавить к этому офицеров на Лубянке, ведших его досье, и начальников, накладывавших на него резолюции и сообщавших Андропову, то становится ясным, что каждый приезд о. Виктора в Советский Союз обеспечивал работой множество «бойцов невидимого фронта». Сейчас его досье уже занимает несколько книжных шкафов. Интересно, каков псевдоним о. Виктора в КГБ?

А он есть, поскольку настоящую фамилию объекта оперативной разработки использовать запрещалось. Уверен я также и в том, что этот псевдоним издевательски-презрителен и находится на грани приличия, чтобы начальнику ещё до чтения дела оперативной разработки было ясно, о каком человеке в нём идёт речь.

На каждого эмигранта-антисоветчика, прибывавшего в СССР, заводили дело оперативной разработки. Оно заводится только на врагов государства. На тех, кто подзревался во враждебности, заводится более мягкое дело оперативной проверки. Его ещё можно закрыть.

Но дело оперативной разработки – вторая и последняя стадия интереса КГБ к человеку. Оно может закончиться только вербовкой или арестом. Да, и закрытием тоже, но тогда его авторам грозит нагоняй. КГБ вовсе не собирался пассивно наблюдать за о. Виктором в течение 25 лет: ведь нужно же когда-то и получать ордена? В его разработке наверняка участвовали и Первое Главное Управление КГБ (разведка), и Второе (контрразведка) и Пятое (борьба с религией). Каждому хотелось заполучить жирного американского цыплёнка.

Да, именно американского, а вовсе не русского. Бюрократическое государство РФ определяет национальность человека исключительно по паспорту, а не по тому, кем он себя считает.

К разочарованию многочисленных русских эмигрантов – американских почитателей РФ, в основном пожилых и никогда в России не живших, хочу сообщить, что и их тоже государство РФ считает только американцами.

Именно потому мысль об этой псевдонациональной общности усиленно насаждается сейчас в русской эмиграции агентурой КГБ. Здесь часто можно услышать такую мысль: давайте сначала объединимся с нашими русскими братьями в церковном лоне, а потом объясним им, в чём они не правы. Увы, уважаемые господа (но совсем не товарищи, как до сих обращаются друг к другу люди в РФ): никто вас слушать не будет! Заокеанские советчики им не нужны!

Уверен, что факт пребывания о. Виктора Потапова более чем в четвертьвековой разработке КГБ как-то ускользнул от внимания американских властей с их неуместной политкорректностью. Советская же разведка, наоборот, окружает суровым подозрением тех, кто якшается с американцами даже и по работе. Поэтому мы, её офицеры, боялись лишний раз знакомиться за границей с американцем, ибо это сулило нам такой вот штамп в личное дело: «Находился в разработке ЦРУ». Это предрешало конец карьере. КГБ гораздо более строг к своим сотрудникам, чем ЦРУ.

Понимать это особенно важно потому, что о. Виктор Потапов – американский государственный служащий. Думаю, что он имеет доступ к секретам. Вхож он и в Белый Дом, и в другие важные государственные учреждения. Чутьё бывшего референта начальника советской разведки подсказывает мне, что там о. Виктор представляет сдачу Зарубежной Церкви чекистской Москве как некую тонкую операцию, выгодную Америке. Дескать, Зарубежная Церковь надавит на Патриархию, а та на Путина и... Увы, его слова встречаются там на ура.

Перевоспитание Путина – любимая затея американцев. Они считают, что он не понимает всех преимуществ западной демократии, и изо всех сил стараются объяснить их ему. Но на деле переход Зарубежной Церкви под власть неосталинистского путинского государства никаких преимуществ Америке не несёт. Наоборот, оно создаёт мощную угрозу её национальной безопасности. Сейчас путинская разведка уже не боится убивать граждан США на улицах Вашингтона. Интересно, отрезвит ли это наконец американские власти?

Отцу Виктору Потапову идет на пользу неясность исторического момента, который советские сатирики Ильф и Петров в двадцатые годы охарактеризовали так: «Эра немого кино кончилась, а эра звукового ещё не началась». РФ уже громогласно называет Америку врагом номер один, однако Америка всё ещё считает РФ другом. Но если бы о. Виктор был гражданином РФ и так же откровенно работал на Америку, его у нас давно бы уже посадили лет на пятнадцать, как доктора наук Игоря Сутягина и других прозападно настроенных интеллигентов.

Убийство митрополита Филарета

Комитет Государственной Безопасности давно подбирался к митрополиту Филарету. В начале 80-х годов Федеральное Бюро Расследований предупредило его о том, что Советы собираются застрелить его во время пасхального крестного хода. Митрополит всё же вышел на крестный ход, но молодые иподьяконы прикрывали его своими телами, и многие русские эмигранты недоумевали потом, почему владыку Филарета не было видно.

В 1984 году в киоте мироточивой иконы Монреальской Иверской иконы Божией Матери, ныне утраченной, было найдено подслушивающее устройство, замаскированное под несколько электрических батареек. Эксперты из американских спецслужб, вызванные епископом Григорием (Габбе) засвидетельствовали это.

Но почему этот факт не стал достоянием гласности? Кому было выгодно его замалчивать, кроме Службы Внешней Разведки РФ? Ведь она прослушивала все разговоры, ведшиеся в зале заседаний Синода! А подложить эти батарейки в драгоценный киот могла только агентура КГБ, входящая в этот зал.

И вот наступил трагический день 19 ноября 1985 года. Митрополит Филарет и все епископы тогда отравились за трапезой. Кроме одного, Иллариона, который обедал отдельно. Однако вызванный врач почему-то констатировал грипп, а не отравления.

Заболевшим им был признан и протоиерей Никита Чакиров, келейник митрополита Филарета. По санитарным соображениям ему было строго-настрого запрещено подниматься в митрополичьи покои. Таким образом, Владыка Филарет там был оставлен на всю ночь один. На всем этаже здания Синода также не было ни души. Подобного не случалось никогда за всю историю Зарубежной Церкви.

Надо ли говорить о том, что следующим утром Владыка Филарет был найден мёртвым? Он лежал на полу, и кругом были следы рвоты. Они могли говорить об отравлении и дать неоценимый материал в деле установления причин смерти.

На крик о. Никиты Чакирова, обнаружившего труп, прибежал епископ Илларион, – и тогда, и сейчас откровенно работающий на Москву. Он первым делом отослал келейника. Как рассказывали мне многие эмигранты, после этого он тщательно вымыл пол, переложил тело митрополита на кровать и только тогда вызвал врача. Естественно, тот констатировал смерть от остановки сердца.

Через пятнадцать лет гробница митрополита Филарета была вскрыта, и все увидели, что его мощи нетленны. Многие верующие требовали канонизации, но власть в Зарубежной Церкви уже была захвачена ставленниками Москвы. Митрополит Лавр приказал мощи закопать и даже прибавил кощунственную фразу о том, что «пусть он гниёт, как все». Даже распространять фотографии нетленных мощей митрополита Филарета было им запрещено.

А. Г. Шатилова, дочь епископа Григория (Габбе) и его многолетняя помощница по секретарской работе в Синоде, рассказывала мне, что незадолго до своей кончины Владыка Филарет узнал о том, что приближённые епископы его обманывают. Пользуясь его незнанием английского языка, они подсовывали на подпись не те документы. Владыка собирался обличить и даже сместить некоторых епископов. Но, как водится, смерть смыла все следы.

Российская Православная Автономная Церковь прославила митрополита Филарета в лике святых. Его стихийное почитание имеет место и среди прихожан пока ещё

существующей Зарубежной Церкви.

Спрашивается: зачем Зарубежная Церковь объединяется со своими же убийцами?

(Опубликовано: портал Credo.ru, 2007 год)

ЛГИ, ШУМИ, КРИЧИ, ПОВТОРЯЙ ЛОЖЬ – ЧТО-НИБУДЬ ОСТАНЕТСЯ

Открытое письмо о. Виктора Потапова
подполковнику КГБ К.Г. Преображенскому

Константин Георгиевич!

Мне довелось ознакомиться с некоторыми Вашими сочинениями, но до сих пор я не придавал им особого значения. Однако в последней статье «Отравления в Зарубежной Церкви» Вы перешли все допустимые этические границы. Скажу проще: Вы увлеклись сатанинской клеветой на Церковь Христову.

Вот первое, что возмущает:

«В 1975 году в Голландии умер епископ МП Дионисий Роттердамский. Незадолго до своей кончины он собрал голландских журналистов и сообщил им, что покидает МП и переходит в Зарубежную Церковь. Поводом послужили публичные заявления советского патриарха Пимена о том, что в СССР людей не преследуют за веру.

К его смерти имел странное отношение митрополит Сурожский Антоний (Блюм), в быту интеллигентнейший и обаятельнейший человек. В годы Второй Мировой войны он сражался в рядах французских партизан – «маки», подчинявшихся французской компартии и НКВД. В конце войны советские разведчики вошли с ним в контакт и посоветовали основать патриархийный приход в Лондоне, чтобы по материалам исповедей сообщать в НКВД о настроениях белой эмиграции. Будущий митрополит Блюм согласился и очень скоро был произведен в епископы Московской Патриархии.

Об этом случае рассказал мне известный английский церковный писатель Владимир Мосс. Незадолго до смерти епископа Дионисия Роттердамского митрополит Антоний сообщил жене Владимира Мосса Ольге, что вынужден отъехать в Голландию, чтобы наказать епископа Дионисия за то, что он вызвал серьёзный кризис в Церкви.

А через несколько дней и сама Ольга Мосс оказалась в Голландии и даже встретила с келейником епископа Дионисия о. Арсением. Тот в слезах рассказал ей, что оставил владыку всего на несколько часов одного после литургии, чтобы пойти в гости к её родителям, а возвратившись, нашёл его мёртвым.

– А знаете ли вы, что епископа Дионисия тогда посетил митрополит Антоний? – поинтересовалась Ольга Мосс.

– Понятия не имел! – в ужасе признался о. Арсений.

Митрополит Антоний Сурожский был профессиональным хирургом. Одному Богу известно, как он использовал своё мастерство над епископом Дионисием Роттердамским. Но то, что этот интеллигентнейший человек был также и боевиком КГБ, утверждать можно.

Как Вы смеете дерзать причащаться Тела и Крови Спасителя, когда голословно обвиняете в убийстве человека праведной жизни, одного из выдающихся святителей Русской Церкви XX века?

Вы представляете дело так, будто митр. Антоний был завербован КГБ после Второй мировой войны, «чтобы по материалам исповедей сообщать в НКВД о настроениях белой эмиграции. Будущий митрополит Блюм согласился и очень скоро был произведён в епископы Московской Патриархии».

Такой опытный агент, как Вы, не может не знать, что будущий митр. Антоний еще с 1931 года был прихожанином и алтарником в храме Трехсвятительского подворья (Московского Патриархата) в Париже, и с этих ранних лет хранил каноническую верность Русской Патриаршей Церкви. 10 сентября 1939 г., перед уходом на фронт, будучи хирургом французской армии, он тайно принял монашеский постриг. Во время немецкой оккупации, он служил врачом в движении французского сопротивления. После войны продолжал медицинскую практику до 1948 года, когда митрополит Серафим (Лукьянов, тогда Экзарх Московского Патриарха) призвал его к священству и направил на пастырское служение в Англию. Он был хиротонисан во епископы только в 1957 г. В 1966 г. он был возведен в сан митрополита и утвержден в должности Экзарха в Западной Европе и нес это служение до 1974 года, когда было удовлетворено его прошение об освобождении от административных обязанностей Экзарха в связи с его протестом по поводу преследования Александра Солженицына.

Митрополит Антоний Блюм долгие годы славился в России прежде всего как изумительный проповедник. Он привел множество людей к вере в Господа Иисуса Христа и его проповеди стали опорой в духовной жизни многих людей, чему свидетельством их многочисленные издания в России 1990-х годов. (Более подробно о жизни и творчестве митр. Антония можно узнать на интернетовском сайте <http://www.metropolit-anthony.org.ru/biograf.htm>).

Вы пишете, что в годы Второй Мировой войны будущий митр. Антоний сражался в рядах французских партизан – «маки», которые якобы подчинялись французской компартии и НКВД. Общеизвестно, что политическое движение Сопротивления было неоднородным и включало в себя людей самых разных взглядов, кому была дорога независимая Франция – от правых католиков до коммунистов и анархистов. В движении Сопротивления активно участвовали и русские эмигранты во Франции.

Далее Вы излагаете более чем странную версию смерти митрополита Филарета, которую Вы, конечно, представляете, как очередное убийство в РПЦЗ:

«И вот наступил трагический день 19 ноября 1985 года. Митрополит Филарет и все епископы тогда отравились за трапезой. Кроме одного, Иллариона, который обедал отдельно. Однако вызванный врач почему-то констатировал грипп, а не отравления.

Заболевшим им был признан и протодьякон Никита Чакиров, келейник митрополита Филарета. По санитарным соображениям ему было строго-настрого запрещено подниматься в митрополичьи покои. Таким образом, Владыка Филарет там был оставлен на всю ночь один. На всем этаже здания Синода также не было ни души. Подобного не случалось никогда за всю историю Зарубежной Церкви.

Надо ли говорить о том, что следующим утром Владыка Филарет был найден мёртвым? Он лежал на полу, и кругом были следы рвоты. Они могли говорить об отравлении и дать неоценимый материал в деле установления причин смерти.

На крик о. Никиты Чакирова, обнаружившего труп, прибежал епископ Илларион, – и тогда, и сейчас откровенно работающий на Москву. Он первым делом отослал келейника. Как рассказывали мне многие эмигранты, после этого он тщательно вымыл пол, переложил тело митрополита на кровать и только тогда вызвал врача. Естественно, тот констатировал смерть от остановки сердца».

Для Вас все предельно ясно – вл. Илларион в тот день вкушал трапезу отдельно от других архиереев (которые все до единого отравились), отозвался на крик келейника митрополита Филарета о. Никиты и именно он, а не кто-то другой заметал все следы убийства... Спасибо, Константин Георгиевич, опытнейший агент КГБ, за разъяснение. Кто еще мог убить митрополита, как не кротчайший архиерей РПЦЗ. Как могло быть иначе...

После сего откровения Вы сочли нужным удивить своих читателей еще одним сенсационным «фактом»:

«Через пятнадцать лет гробница митрополита Филарета была вскрыта, и все

увидели, что его мощи нетленны. Многие верующие требовали канонизации, но власть в Зарубежной Церкви уже была захвачена ставленниками Москвы. Митрополит Лавр приказал мощи закопать и даже прибавил кощунственную фразу о том, что «*пусть он гниёт, как все*». Даже распространять фотографии нетленных мощей митрополита Филарета было им запрещено».

Неужели Вы вправду допускаете, что митрополит Лавр, который распорядился перенести останки митр. Филарета из часовни монастырского кладбища в специальный склеп под алтарем собора обители, мог так грубо выразиться? Останки митр. Филарета не «закопали», а благоговейно перенесли в всегда открытый для молитвы и расписанный иконами склеп, где постоянно горит лампада.

Зачем Вам причащаться, если в Вашем сердце живут такие темные мысли?

Вы пишете, что митрополит Филарет упрекал меня за то, что я «*стал поминать на великом входе одного из советских архиереев*». Вы утверждаете, что имя этого архиерея Вам неизвестно, но, тем не менее, уверены, что «*этот архиерей наверняка был агентом КГБ, как и все остальные его коллеги, а может быть, и членом КПСС, потому что верхушка Патриархии имела партийные билеты*».

Вам, бывшему (бывшему?) опытному полковнику советской разведки известны подробности о том, с кем обедал или не обедал архиепископ Иларион, но неизвестно имя архиерея, которого я помянул на великом входе?

Я открою Вам эту тайну. Архиерея, которого я имел честь лишь один раз помянуть на великом входе в 1978-м году, и с тех пор поминаю почти на каждой проскомидии, звали архиепископ Ермоген (Голубев), который всю свою жизнь посвятил бескомпромиссной борьбе за Православие.

В конце этого письма я привожу жизнеописание этого священноисповедника. Из его биографии можно легко убедиться в том, что Господня благодать никогда не покидала Церковь Русскую, как утверждаете Вы и другие противники воссоединения Церкви¹.

Кстати, с вл. Ермогеном переписывался наш архиеп. Андрей (Рымаренко) Рокландский, который в молодости его знал и чтит память этого выдающегося архипастыря.

Итак, Константин Георгиевич, получается, что в своем очерке Вы оскорбили память еще одного выдающегося архипастыря-исповедника, утверждая, что «*этот архиерей наверняка был агентом КГБ, как и все остальные его коллеги, а может быть, и членом КПСС...*».

Не просыпается ли у Вас совесть? Не посещает ли Вас чувство стыда?

В Вашем опусе много внимания уделяется прот. Льву Лебедеву вплоть до того, что Вы полностью воспроизводите его русофобский доклад архиерейскому синоду РПЦЗ. Не секрет, что о. Лев страдал алкоголизмом и прибыл в Архиерейский Синод со своим скандальным докладом в нетрезвом состоянии и умер оттого, что его организм просто не выдержал долголетнее самоотравление. Но и здесь Вы проявляете некомпетентность, как агент Комитета государственной безопасности.

В свое время, когда о. Глеб Якунин был депутатом Государственной Думы и получил доступ к секретным архивам КГБ, он обнаружил такую интересную подробность. По словам о. Глеба, о. Лев Лебедев был сотрудником КГБ, которому было поручено среди прочего, следить за сотрудником радиостанции «Голоса Америки» священником Виктором Потаповым, который приехал в Россию в 1988 г. (с полного ведения и благословения митр. Виталия) для освещения празднования 1000-летия Крещения Руси. Мне казалось тогда странным, пока я не узнал от о. Глеба о стукачестве о. Льва, что где бы я ни появлялся в Москве о. Лев был тут как тут. О том, что о. Лев работал на КГБ, знал митрополит Виталий, который лично мне об этом рассказал (об этом о. Лев признался митрополиту в пьяном виде). Знает об этом и митр. Лавр.

В своей статье Вы меня представляете таким наивным парнем, бездумно отдавшимся на обработку КГБ. Да будет Вам известно, что в то время, как Вы делали карьеру в КГБ и Ваше учреждение преследовало наших братьев и сестер во Христе, я

возглавлял Комитет защиты гонимых православных христиан².

Вопреки Вашим утверждениям, я никогда не ездил в Россию без благословения моего архиерея. Каждый церковный человек знает, что иерей не смеет отлучаться из своего прихода без ведома своего священноначалия.

В другом месте Вы пишете, что в Вашем распоряжении *«...есть также много свидетельств о. Антония Граббе, который обвиняет о. Виктора Потапова в его прошлых симпатиях к Советскому Союзу в связи с предполагаемым незаконным поглощением Московской патриархией собственности РПЦЗ в Иерусалиме. О. Антоний Граббе даже встречался по этому вопросу с президентом Рейганом. Между прочим, Потапов упорно стремился противостоять усилиям о. Антония Граббе в его борьбе с Советским Союзом»*.

В 1985 г. на Архиерейском Соборе в Мансонвилле было прочитано мое открытое письмо, сопровождаемое документацией, подтверждающей незаконные сделки и аморальные похождения бывшего архимандрита Антония Граббе, который в качестве Начальника духовной миссии в Иерусалиме расточал церковное достояние РПЦЗ. В результате была создана комиссия по расследованию деятельности архим. Антония Граббе. Кончилось все тем, что архим. Антоний был отстранен от должности Начальника миссии в Иерусалиме, и, в конце концов, оставил нашу Церковь, чтобы избежать духовного суда.

В своей статье Вы пишете, что митрополиты Филарет и Виталий... *«...категорически возражали против несанкционированных поездок о. Виктора Потапова в СССР в качестве корреспондента «Голоса Америки» и даже, как говорят, собирались отдавать его под церковный суд»*.

Никто никогда не собирался меня отдавать под церковный суд, несмотря на то, что «говорят»... Что значит «как говорят»? Почти в каждом абзаце Вашей статьи встречаются выражения, «как говорят», «можно утверждать», «как считают», «как рассказывали мне многие эмигранты». На кого же Вы рассчитываете?

Ваши статьи, особенно последняя, как нельзя лучше соответствуют нацистской и коммунистической идеологии, согласно которой «многократно повторяемая ложь, становится правдой».

Еще многое можно было бы сказать о Вашей статье, но этого пока довольно.

Вы, Константин Георгиевич, – клеветник, лжесвидетель и кощунник и ввиду того темного душевного состояния, в котором Вы сейчас пребываете, никакой добросовестный священник не вправе Вас допустить к Святой Чаше. Это было бы равнозначно осквернению великого Таинства. Вот почему в Светлый Понедельник, узнав от прот. Игоря Гребинка, что Вы у него даже не исповедовались, я запретил Вам причаститься, пока Вы письменно не покаетесь в страшной клевете на достойных архиереев Русской Православной Церкви.

Сделав карьеру в КГБ и дослужившись до ранга полковника, Вы привыкли жить по лжи и продолжаете жить по лжи. Ложь стала для Вас нормой, второй природой...

На демократическом Западе такая клевета карается законом. Задумывались ли Вы над этим? Но самое грустное то, что Вы, очевидно, не боитесь Божьего Суда...

Еще раз, призываю Вас, пока не поздно, подумать о своей душе, и письменно покаяться в грехе лжесвидетельства и клеветы.

Искренне,
Прот. Виктор Потапов
21 апреля 2007 г.
Вашингтон

Примечания:

¹ Алексей Степанович Голубев, будущий владыка Ермоген, родился в 1896 году в Киеве в семье профессора Киевской духовной академии и Киевского университета, доктора церковной истории С. Т. Голубева. При ректорстве епископа Феодора (Поздеевского) он окончил Мо-

сковскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В московском Свято-Даниловом монастыре принял монашеский постриг и здесь же был рукоположен в иеродиакона. В 1919 году переведен в Киево-Печерскую Лавру в качестве миссионера, а в следующем году в Москве сам святейший Патриарх Тихон рукоположил его в иеромонахи с определением членом духовного собора Киево-Печерской Лавры. В 1922 году отец Ермоген становится архимандритом. За твердость в вере и высокую духовную жизнь братия избирает его в 1926 году настоятелем Лавры.

Это время было критическим для Русской Церкви. Власти поддерживали обновленческий раскол, и в Киево-Печерской Лавре практически все храмы были захвачены обновленцами. Но архимандрит Ермоген и в этих тяжелейших условиях сумел сохранить в стенах Лавры чистоту Православия. Такая ревность не осталась без последствий: в 1931 году его арестовывают «за антисоветскую деятельность» и приговаривают к 10 годам лагерей. В лагере у него началась тяжелая болезнь легких, в связи с которой его освобождают раньше срока в 1939 году.

1 марта 1953 года состоялась хиротония архимандрита Ермогена во епископа Ташкентского и Среднеазиатского. С этого времени государственная власть, и ранее смотревшая на деятельность этого подвижника Церкви с большим опасением, начинает сначала скрыто, а затем и явно преследовать его. Архиепископ Ермоген, «являясь одним из реакционных приверженцев РПЦ, принимает активные меры к укреплению материальной базы Церкви и распространению религиозных воззрений на сознание советских людей», – так охарактеризовал Владыку Совет по делам РПЦ при Совмине СССР. В 1959 году уполномоченный по делам религии Узбекской ССР писал: «Наблюдение за деятельностью... архиепископа Ермогена убедило меня в том, что он весьма враждебно настроен к советской действительности. Не довольствуясь ролью, которая определена советским государством Церкви, Ермоген в своей деятельности грубо попирает социалистическую законность. Будучи приверженцем врага советского строя – бывшего патриарха Тихона, этот прожженный церковник стремится крестом и рублем укрепить устои РПЦ...» Такие «похвалы» богоборцев надо было все-таки заслужить. Что же так тревожило власти? Прежде всего, необходимо вспомнить, что конец 50-х – время возобновления гонений на Церковь, закрытия храмов, преследования активных проповедников Православия. А здесь, в Ташкенте – этом «образцово-показательном» символе социалистической Азии – вдруг возводится огромный, вмещающий до 4000 молящихся, Успенский кафедральный собор. Само собой разумеется, что разрешение на такое строительство получить от властей было невозможно. Тогда Владыка идет на хитрость. Он берет разрешение на реставрацию старой церкви, находящейся в приспособленном здании и тут же начинает стремительное строительство собора. Храм возводился вокруг старой церкви, и до конца строительства здесь шли ежедневные службы. Власти опомнились, начались запросы, выяснения, согласования. Пока громоздкая бюрократическая машина со скрипом двинулась и строительство запретили, было уже поздно – храм стоял. Так же стремительно был построен и храм в Самарканде. Прекрасно знающий светские законы и принципы работы советской бюрократии владыка Ермоген нередко ставил местные власти в тупик.

Начинается последовательная травля, усиливается неприкрытое давление на руководство Церкви. В результате в 1960 году архиепископ Ермоген снят со Среднеазиатской кафедры и отправлен «в отпуск». «Отпуск», который Владыка отбывал сначала в Белорусском Жировицком, а затем Одесском монастырях, закончился только в 1962 году, когда патриарх Алексий I (Симанский), который, по всей видимости, симпатизировал и покровительствовал гонимому подвижнику (о чем говорят и доклады уполномоченных) возводит его на Омскую кафедру.

Архиепископ Ермоген выразил свое несогласие с решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 18 июля 1961 года о внесении изменений в «Положение об управлении Русской Православной Церкви», касающихся раздела IV – «О приходах». Он в своем отзыве на решения Собора высказал мнение о том, что настоятель храма может и должен быть избираем в число членов исполнительного органа каждого храма и не должен оставаться посторонним наблюдателем, а быть активным участником как в духовной, так и в хозяйственной жизни своего прихода. Был автором письма, подписанного затем рядом архиереев, в котором содержалось это же предложение.

В 1963 году, 29 мая архиепископ Ермоген был переведен на Калужскую кафедру, ставшую последней в его архиерейском служении. Не сломленный репрессиями безбожных властей 67-летний архиерей вновь вступает в единоборство, конец которого был уже предрешен. Владыка Ермоген дал благословение на составление знаменитого письма Якунина-Эшлимана 1965 г.

25 ноября 1965 года архиепископ Ермоген был уволен на покой в Жировицкий мона-

стырь. Здесь Владыка продолжает жизнь настоящего монаха и молитвенника и вскоре приобретает огромный духовный авторитет у насельников. Предчувствуя близкую кончину, Владыка завещает похоронить его в родном Киеве. На праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, 7 апреля 1978 года, в день смерти святейшего патриарха Тихона, Владыка Ермоген предал свою душу Господу, служению Которому он посвятил всю свою жизнь.

(Основные штрихи этой биографии взяты с сайта <http://www.krotov.info/spravki/persons/20person/golubev.html>.)

² За годы своего существования (1976 – 1991 гг.) Комитет поддерживал основанный А. И. Солженицыным Русский общественный фонд в оказании помощи политзаключенным в СССР, провел ряд молитвенных бдений в защиту гонимых православных христиан, установил связь с семьями арестованных в СССР православных исповедников и непосредственно передавал семьям пострадавших средства на существование, и внес значительный вклад в дело покупки и отправки религиозных книг в Россию.

Кроме того, представители Комитета выступали в Конгрессе США а также перед американской и русской общественностью с докладами о положении Православия в странах безбожного коммунизма.

В 1978 г. в столице США под моей редакцией стало выходить ежеквартальное издание Комитета The Orthodox Monitor (Православное обозрение). Многие из материалов этого издания, печатались в разных западных изданиях, передавались на волнах «Голоса Америки» в моей еженедельной программе «Религия в нашей жизни». Нашими материалами пользовались ВВС, «Немецкая волна», «Радио Свобода». Комитет устраивал конференции, проводил демонстрации. Сотрудники Комитета выступали в Конгрессе, в Белом Доме, на университетских семинарах и других форумах.

(Опубликовано: портал Credo.ru, 2007 год)

МЫ СОХРАНИМ ЗАРУБЕЖНУЮ ЦЕРКОВЬ!

Ответ Константина Преображенского на открытое письмо
о. Виктора Потапова, настоятеля Свято-Иоанно-Предтеченского
собора зарубежной церкви в Вашингтоне

Дорогой отец Виктор!

Да, мало Вы знаете нашу российскую жизнь! Вы больше американец, чем русский. Таких людей очень легко облапошивает путинская разведка. И оттого при чтении Вашего открытого письма ко мне от 21 апреля я не раз иронически улыбался.

Благодарю вас за обильное цитирование моей статьи «Отравления в Зарубежной Церкви». Это большой прогресс по сравнению с советскими судами над диссидентами, на которых запрещалось цитировать произведения подсудимых, чтобы уберечь слушателей от их пропагандистского эффекта. Их положено было называть так: «Статья, начинающаяся со слова «Долой».

Диссидентов судили за «клевету на советский общественный и государственный строй». Ко мне это обвинение не подходит, потому что я своей статье ничего не утверждаю, а только привожу свидетельства других людей. В то же время я показал, что в Вашем многолетнем, самоотверженном и благородном сближении с исторической родиной Москва отвела Вам роль лишь подопытного кролика КГБ. Разве не обидно? Однако чрезмерное сближение с Советской Россией никому из американцев ещё не приносило счастья.

Я понимаю Ваш гневный пафос. Действительно, худшего подарка сторонникам объединения РПЦЗ с красной Церковью трудно придумать. Получается, что мы объединяемся с КГБ не только как с разведкой, к чему уже все притерпелись, а как с бандой уголовников и убийц, на что американский закон смотрит весьма косо.

Да и момент оказался самым неподходящим. Недавно путинская разведка провела серию политических убийств и покушений, в том числе и в Вашингтоне. Многие из Ваших прихожан зачесали в затылках: стоит ли объединяться с такой опасной страной?

Совершенно с Вами согласен. Да, я «сделал карьеру к КГБ, дослужившись до ранга подполковника» (кстати, по-русски говорят не «ранга», а «звания». Ранг — это калька с английского). Но ведь то же самое сделал и Путин! Где же Ваше гневное негодование в его адрес? Почему ему можно, а мне нельзя? Более того, я сбежал из России, спасаясь от преследований за мои разоблачительные публикации о КГБ, в то время, как Путин его воссоздал до советских масштабов и славословит его преступное прошлое. Но агентом КГБ вы почему-то называете не его, а меня.

Кстати, попробуйте и его так назвать при встрече. Уверю, он не обидится, а лишь скромно улыбнется и скажет: «Да, это так, и я этим горжусь». Если Вы назовёте Ваших знакомых российских епископов и священников агентами КГБ, они тоже нисколько не обидятся. И с такой же улыбкой объяснят, что в этом был их патриотический долг.

Вот незадача! Если в Америке считаться агентом КГБ плохо, то в России, наоборот, хорошо. Там люди снова гордятся этим, как и в советские времена. КГБ ныне правит Россией, с которой Вы собираетесь объединяться.

Юридически наименование «агент» ко мне не подходит. Я был не агентом, а сотрудником, офицером КГБ. Агентами там называют осведомителей, стукачей, относятся к ним пренебрежительно. Эти люди не входят в кадровый состав КГБ. Их несколько сотен тысяч. Среди них есть и русские, и иностранцы. Однако в американских спецслужбах агентами называют и кадровых сотрудников, и их стукачей. Странно, что Вы в этом не разобрались. Ведь Вы же читали мои книги «КГБ в Японии» и «КГБ в русской эмиграции»! Там всё это объясняется.

В письме ко мне Вы задаёте саркастический вопрос: а бывший ли я полковник советской разведки (точнее говоря, подполковник)? То есть, не действующий ли сейчас? Но в этом случае я боролся бы за поглощение Зарубежной Церкви, а не против него. Потому что нет сейчас для российской разведки задачи более важной. Ведь кроме политических выгод неосталинистскому путинскому режиму она несёт много материальных выгод разведчикам. Открываются вакансии в резидентурах, увеличивается число генеральских должностей. На торжественном приёме в Кремле 17 мая обязательно будут толпиться многочисленные начальники разведки, представляющиеся советниками МИД. Вас обязательно с ними познакомят и заставят поднять тост «за общее дело».

А после подписания незаконной унии начнётся массовый исход Ваших прихожан, подобный исходу евреев из Египта. Потому что они, выросшие в тепличных условиях Запада, столкнутся с советским хамством, стяжательством и безверием Московской патриархии и испытают чувство ужаса. Мы же сохраним Зарубежную Церковь.

Впрочем, среди Ваших знакомых есть человек, к которому звание «агент КГБ» подходит на все сто процентов. Это патриарх Алексий Ридигер. Почему же Вы от него не отшатнётесь с брезгливостью? Уверю Вас, отшатнитесь! Он недостоин Вашей дружбы. Он предаст Вас в первый же день. По моим данным, он уже назначил на Ваше место Всеволода Чаплина. Давайте лучше вместе пойдём в американский Конгресс и выступим там с докладом о том, как КГБ проникает в США под видом Церкви. Уверен, нам обоим будет что рассказать!

Так кто же всё-таки присоединяет к себе Зарубежную Церковь — патриархия или Путин? Именно он, будучи самым главным человеком в созданной им империи КГБ. Тогда давайте признаем, что эта операция является не церковной, а мирской, стратегической. И что патриархия здесь играет роль яркой дымовой завесы, кем она всегда была для советской власти.

Впрочем, российская сторона сама проговаривается об этом. Например, «Союз православных граждан» после одной из моих публикаций обвинил меня в подрыве именно стратегических интересов России, а отнюдь не церковных. Следуя его логике,

Вы, наоборот, укрепляете эти интересы. В Америке. Будучи американским гражданином. Как же это согласуется с Вашим американским патриотизмом?

Много стрел Вы направляете в Вашем письме в адрес покойного протоиерея Льва Лебедева, выступившего в 1996 году с разоблачительным докладом об МП в Нью-Йоркском Синоде РПЦЗ и тут же умершего там странной смертью. Вы сводите это к его склонности к алкоголю, которая, увы, подтверждается знавшими его людьми. Но, тем не менее, доклад о. Льва был сенсационным настолько, что Синод его замолчал. Он вновь произвёл ошеломляющее впечатление на русских эмигрантов, будучи воспроизведённым в моей статье, что Вам так не понравилось.

Далее Вы пишете о том, будто о. Глеб Якунин узнал о сотрудничестве о. Льва с КГБ из секретных документов, к которым получил доступ. О.Глеб этого не подтвердил в телефонном разговоре со мной. Ведь в этих документах говорилось только о высшем церковном руководстве. Но он сказал, что слышал о возможной принадлежности о. Льва к агентурному аппарату КГБ от священника Василия Фонченкова, который сам был агентом КГБ по кличке «Друг».

Я вполне допускаю, что о. Лев Лебедев мог быть агентом КГБ. Вы пишете об этом как о чём-то ужасном и исключительном, а ведь почти все советские священники были агентами КГБ, особенно в провинции. Там разговор был простой: не согласишься работать на КГБ – лишим регистрации. Тем большей похвалы заслуживают самоотверженность и бесстрашие о. Льва в обличении МП и российского руководства.

Ну а дальше Вы, словно советский журналист, тонко переставляете акценты. Ссылаясь на о. Глеба Якунина, Вы пишете, что КГБ поручил о. Льву Лебедеву за Вами следить. *«Мне казалось тогда странным, пока я не узнал от о. Глеба о стукачестве о. Льва, что где бы я ни появлялся в Москве, о. Лев был тут как тут»*, – пишете Вы.

Неужели же КГБ был настолько нищим, что подсылал к Вам одного и того же соглядатая? Их были десятки, Вы их просто не могли видеть. Однако из Вашего тонкого подтекста следует, что козь скоро следил за Вами о. Лев, то, значит, другие не следили. Значит, всё же были в МП независимые люди, свободно общавшиеся с коллегой из страны «главного противника», и что аббревиатура МП совсем не обязательно переводится как КГБ, что утверждают некоторые злопыхатели.

Увы, все Ваши друзья из МП до единого посвящали Вам свои агентурные сообщения. Ибо КГБ и МП – одна и та же организация. Сталин создал МП в 1943 году по политическим соображениям руками чекистов. В МП была предусмотрена сравнительно открытая часть, духовенство, и скрытая, Совет по делам религий, отдел КГБ. Но обе они были сторонами одной и той же медали. Поэтому всё Ваше сердечное общение с МП в советские времена было общением с Андроповым.

То же происходит и в наши дни. Все Ваши друзья в российском посольстве в Вашингтоне – офицеры Службы внешней разведки. Во-первых, потому что именно ей поручена работа с Зарубежной Церковью. А во-вторых, только разведчикам разрешено контактировать с одиозными личностями и раскаявшимися антисоветчиками. Москва никому ничего не прощает. Вы там по-прежнему в «чёрном списке».

Именно этим я объясняю Ваше благородное негодование по поводу возможной принадлежности митрополита Антония Сурожского (Блюма) к агентурному аппарату КГБ. Ведь каждый иностранный священник, по наивности или расчёту присоединившийся к МП, автоматически присоединялся и к КГБ. Признать это недопустимо для Вас и Ваших московских покровителей (весьма ненадёжных, Вы это скоро увидите).

Вы приводите аргументы один хуже другого, и все они подтверждают мою версию. Например, вы пишете, что «митрополит Антоний Блюм долгие годы славился в России прежде всего как изумительный проповедник». Но, наверное, в СССР были и другие такие епископы. Но они были агентами КГБ. Почему же Антоний не мог? Потому что иностранец? Так тем ценнее его вербовка!

И разве изумительный проповедник не может любить свою историческую родину, Советский Союз? Тут его и вербуют на «патриотической основе». Не произошло ли этого и с Вами? Уж больно рьяно Вы отстаиваете интересы России, враждебного Аме-

рике государства.

А чего стоит Ваш довод о том, что «будущий митр. Антоний ещё с 1931 года был прихожанином и алтарником в храме Трехсвятительского подворья (Московского патриархата) в Париже»? Так это говорит только о его возможных ранних контактах с НКВД и просоветских симпатиях, делавших его лёгкой добычей разведки!

В СССР тогда шло уничтожение Церкви. Её членов изуверски убивали без суда, подвергали жестоким пыткам, ссылали на Соловки – и при этом позволяли им иметь подворье в Париже – центре белой эмиграции! Вам это не кажется странным? Боюсь, что подворье проходило совсем по другому ведомству.

Протоиерей Михаил Ардов считает митрополита Антония (Блюма) агентом влияния. А для какой ещё цели советская власть открывала зарубежные епархии и приходы? Неужели для пропаганды религии, которую она у себя в стране беспощадно давила? Кстати, о. Михаил просил передать Вам следующее:

«Я очень долго размышлял над той метаморфозой, которая произошла с человеком, которого я уважал и ценил, с о. Виктором Потаповым. В своё время он был решительным врагом МП, а теперь сделался столь горячим сторонником слияния Зарубежной Церкви с этой сомнительной церковной организацией. В то время он боролся с МП не как представитель подлинного православия, а как американец, для которого высшей ценностью являются права человека и свобода, а их МП вместе с советской властью грубо нарушали.

И вот теперь я понял, что произошло. Ключом к этому пониманию стало последнее посещение о. Виктором и его женой Машей Потаповой моего дома в Москве.

За ужином Маша Потапова рассказывала о своём детстве и отрочестве во Франции. И тут о. Виктор произнёс с искренней завистью: «Мне нужно было родиться и жить во Франции! Я же не могу пойти в Американскую автокефальную церковь, которую никто не уважает!».

Тут он имел в виду то обстоятельство, что Автокефальную американскую Православную Церковь никто особенно не признаёт, репутация у неё весьма сомнительная. Я вспомнил, что о. Виктор и Маша Потапова, будучи членами Зарубежной Церкви, беспринципно общались с греками-новостильниками, со священниками МП. Ясно, что у них была тоска по «мировому православию». Теперь они будут исповедовать вместе с ними одни и те же сомнительные ценности. О. Виктор сможет сослужить с кем угодно, не рискуя при этом никакими неприятностями».

К этим прекрасным словам священника мне нечего добавить, и я заканчиваю письмо.

Ваш Константин Преображенский.

(Опубликовано: портал Credo.ru, 2007 год)

ХВАТИТ ОТПРАВЛЯТЬ АРХИВЫ НА РОДИНУ: ОНИ НУЖНЫ ЗДЕСЬ!

«С заданием справился!». Такой фразой КГБ обычно завершает положительные характеристики на своих офицеров. Думаю, что именно ее использовало Ростовское областное управление ФСБ в приказе о награждении К. Хохульникова. А как же его не поощрить? Выцыганил эмигрантский архив и спрятал его в ФСБ навечно от людских глаз. А может быть, уничтожил, теперь не проверишь. Но все это именно то, что и нужно нынешней просоветской власти.

Вы скажете, что Хохульникову было негде хранить архив, что у него маленькая квартира? Но ведь он мог его сдать и в гражданское учреждение! Но там к нему имели бы доступ читатели и невольно проникались бы духом антисоветской борьбы, а в нынешней России такого не допускают.

Да и не может отставной полковник КГБ служить образцом советской бедности, как добродушно полагает Г. Н. Келин. В провинции полковников КГБ уважают, дают им просторные квартиры. Полковнику положена минимум трехкомнатная.

Г. Н. Келин пишет, что благодаря Хохульникову издано немало произведений казаков-эмигрантов. Но это говорит только о том, что возрождение казачьих традиций происходит под дланью ФСБ. И в среде казаков эмигрантов пытается проникнуть тоже она.

Эта догадка не раз посещала меня в девяностые годы, когда я бывал в Новочеркасске и других казачьих местах в качестве переводчика японских журналистов: их тоже интересует казачья тема.

Странные казаки тогда выступали перед нами! Бывшие милиционеры, комсомольские секретари... На мундирах у некоторых из них японцы углядели даже юбилейные значки ФСБ, повергшие их в величайшее изумление. Но ничего странного в этом нет: ведь в Ростовском областном управлении ФСБ служат отнюдь не инопланетяне, а такие же казаки, местные уроженцы. Неужели бы они упустили возможность контролировать казачье движение?

Г. Н. Крелин называет ЧК-НКВД-КГБ преступной организацией. Для него это бесспорный факт. Но пусть он спросит у Хохульникова о том, думает ли он точно так же. Боюсь, что его ответ Г. Н. Крелина разочарует.

А откуда вообще взялось у эмигрантов это поветрие пересылать в Москву все, что плохо лежит? Уж неужели там не хватает исторических реликвий? Но там их переизбыток, запасники музеев ломаются!

Думаю, что причиной этого является желание как-то помочь родине осознать эмигрантский опыт. Словно она не в курсе дела...

Но простых россиян эта проблема не интересует. Они думают о том, как бы выжить. Эмигрантскими архивами интересуются энтузиасты, ученые, а также офицеры разведки, о чем мы почему-то не думаем. Чекисты вычисляют там будущих жертв для вербовочных подходов, разрабатывают их легенды подхода к ним: «Оказывается, мой дедушка вместе с вашим работали в РОВСе шестьдесят лет назад! Помню, как он рассказывал...».

Ну, как тут устоишь от вербовки? Может быть, хотя бы по этой причине стоит прекратить посылать в РФ наши архивы? Ведь назад они возвращаются отравленными стрелами...

Многие из эмигрантов почему-то считают, что своими архивами они сообщают Москве что-то новое. Но ведь там и раньше было полно наших архивов, полученных разными путями. В целом картина жизни русской эмиграции Лубянке всегда была ясна, иначе не прошла бы у нее так легко операция «Зарубежная Церковь».

(Впрочем, она еще не закончена. Кажется, опять начинаются какие-то боевые действия. Поднялась подозрительная шумиха вокруг имени генерала Власова. Ее раздувают люди, явно связанные с КГБ. Наиболее одиозным героям поглощения Зарубежной Церкви даровано гражданство РФ. В храмах теперь уже бывшей Зарубежной Церкви призывают воздерживаться от поношения «Осколков». Думаю, что предстоит

наступление на нас. Нам надо объединяться. Но об этом – в следующей статье.)

Случаи же странных исчезновений эмигрантских архивов бывали и раньше. Последний лишь откровенно высветил целостную задачу, поставленную перед ФСБ: выкачивание эмигрантских архивов на родину с целью их последующей нейтрализации.

Выходит, что работа по подчинению русской эмиграции отнюдь не закончилась после захвата части Зарубежной Церкви. Москва ее продолжает. Она пытается духовно обескровить нас, лишит исторической памяти. Чтобы новые поколения уже никогда не узнали о славной борьбе своих дедов и прадедов с богопротивной советской властью. Москва ведет против нас войну, а мы ее даже не замечаем!

Причина этого – ностальгия, которую мастерски использует путинская разведка.

Многие из нас еще надеются, что в РФ все не так плохо. Что бабушкины сказки о сияющем граде Китеже хоть в малой степени окажутся явью. Но вот что пишут об РФ бывшие российские политзаключенные: «Мы не удивляемся тому, что некие ветераны (советской власти?) обратились в префектуру Северного округа с жалобой на вывеску ресторана «Анτισоветский». Это, видите ли, оскорбляет их чувства. Они правильно почували веяния времени, решили, что наступает их пора – пора советского прошлого. Да и может ли быть иначе в стране, где систематически нарушают права человека, убивают журналистов и правозащитников, царит полицейский произвол, совершаются бессудные казни, процветают пытки? В бесправовом государстве, которым руководят в основном люди, сделавшие в прошлом комсомольскую, партийную карьеру».

Ну, можно ли испытывать к такой стране чувство ностальгии? Нам нужно определить свое отношение к ней. Увы, надежды на обновление РФ призрачны. ФСБ пронизала ее словно метастазами. Их, не удалишь.

Нам нужно создавать здесь, в эмиграции, свою Зарубежную Русь. А для этого нам и нужны архивы. Хватит отправлять их на родину!

(Опубликовано: газета «Наша страна», 2009 год)